

PHILIPPE
BOUIN

VA.
BRÛLE
ET ME VENGE

suspense

par l'auteur de

Comptine en plomb

PRIX POLAR COGNAC 2008

l'Archipel

Криминальная полиция Лиона взбудоражена грязным преступлением, оставившим следы. На самом высоком уровне — от судьи Романеф до комиссара Арсан — у каждого свой интерес и выгода в расследовании. Молодой полицейский хорватского происхождения Милош Машек, начинающий, но добросовестный, быстро понимает, что и он должен вести свою игру, помогая комиссару вести следствие. Вдова зрелого возраста, шеф отряда розыска и быстрого реагирования Антония Арсан — сильная личность. Она не очень скрывает свои жесткие убеждения, поддерживает смертную казнь, безжалостна к преступникам и бандитам. Большая поклонница трудов энтомолога Фабра, комиссар сравнивает всех людей с насекомыми.

Филипп Буэн

Сожги в мою честь

Перевод осуществлен на сайте lady.webnice.ru

Принять участие в работе Лиги переводчиков lady.webnice.ru/forum/viewtopic.php?t=5151

*Переводчик — **Modiano***

*Редактор — **Reine deNeige**.*

Добрый вечер, дамы! Мне хотелось бы представить автора детективов Филиппа Буэна. Некоторые считают его наследником традиций Сименона: оба бельгийцы, у обоих в детективной линии обязательны социальные и даже политические проблемы. Январские события в Париже показали, что тема, поднятая в романе «Va, brule et me venge» (роман 2011 года), актуальной быть не перестает. Мне еще было интересно работать с языком, здесь современные реалии и речь улиц. Итак...

Филипп Буэн (род. в 1949 г.) — бельгиец по национальности.

Получив образование по специальности «Маркетинг и торговля», работал бизнес-администратором, занимался информатикой и вычислительной техникой. До того, как стать писателем, работал на компанию «Хьюлетт-Паккард».

Это своеобразный срез нескольких дней из жизни большого французского города. Мой редактор Reine deNeige считает, что это книга про жестких личностей с порой жестокими убеждениями, со своей жестокой правдой. Большое ей спасибо за помощь и поддержку. Как выяснилось, у нас за плечами один лингвистический университет, оконченный в разные годы. Надеюсь, мы успешно доведем этот перевод до конца!

Часть 1

Черная энтомология

Так и сделал Господь: налетело множество песьих мух в дом фараонов, и в дома рабов его, и на всю землю Египетскую: погибала земля от песьих мух.

Исход 8:24

Клещ

*Спеть бы, да тошно,
Спеть бы, да не о чем,
Жизнь это, просто жизнь...*

Странная ты штука, моя жизнь. И выбрана ты не мной. В день моего появления на свет ты вошла внутрь меня — случайно, самозванкой, не заботясь о том, подойдешь ли мне. И я изрыгаю тебя — слишком ты заставила меня страдать. А теперь твой черед помучиться: ты не интересуешь меня больше.

*Спеть бы, да сердцу
Душно, неможется,
Ненависть это, ненависть...*

Знаю: ты всего лишь продажная девка, убогое чувство, но ведь любви во мне больше не осталось — и я прикипаю к тебе. Ненавидеть — это все еще существовать, представлять себе, что можно строить планы на будущее. Мой план — отмщение. И пожалуйста, не разочаруй меня.

*Спеть бы, да зябну,
Камнем гранитным
Стынет рука, рука моя...*

Ты писала стихи, рисовала солнышки и дарила ласки. В юности вела за собой чувства и сопутствовала безумствам. Теперь, моя верная сообщница, умоляю — перестань дрожать в тот миг, когда должна будешь убить.

*Спеть не получится,
Рядом попутчица -
Смерть это, просто смерть...*

Старая отвратительная приятельница, ты прикидываешь опасности, с которыми я столкнусь. Эксперт в области риска, надеешься сцапать меня до назначенного срока. Не лги, лицемерка, твои слуги с косами поджидают, сглатывая слюну в предвкушении: «Хочешь сойти с предначертанного пути? Что ж, давай, тупица, ждем тебя на повороте!». Их угрозы

мне до одного места, решение принято, я больше не боюсь их кос — орудий смерти!

Вот начинается

Путь-путешествие -

Катит мой поезд, катит...

Твои серые вагоны и станут сценой моей пьесы.

Общество задыхается, беззаконие душит его, плутократы правят миром.

Народ не в силах выносить, но никто не борется.

Скованный по рукам и ногам, он вопиет в бездействии.

Протесты бесплодны. Я перехожу к делу.

Республика отдала богу душу, мерзавцы убивают и грабят в полной безнаказанности. Во имя новых идей — якобы гуманистических — полицейских обратили в мальчиков для битья, судьям затыкают рот, газеты находятся под жестким контролем. Только безумцы осмеливаются бунтовать. Что ж, к черту мораль, этику, законы, написанные под убийц, мошенников, клятвопреступников! Назад, в первобытное состояние, теперь я верю только в свое правосудие.

Око за око, зуб за зуб. Через пару минут я казню двух людей.

Одного «с особой жестокостью», как напишут газеты. Чуть собачья! Чудовище будет наконец наказано по заслугам.

Впервые за все время, что я жажду этой минуты, слава богу, или слава дьяволу, или тому, кто не существует — моя душа иссохла, я верую теперь только в пустоту, — он наконец мой, полностью в моей власти. О нет! Тебя здесь не доставало! Заткнись, совесть, во мне больше нет жалости! И меньше всего к этому куску дерьма, насосавшемуся человеческой крови: он издохнет, как клещ.

Я вижу его в конце коридора, в купе первого класса — сидит, как Будда, напротив своего сторожевого пса. За окном проносится Бургундия. Он смотрит, как на землю опускается вечер. Осенью в это время склоны холмов точно вспыхивают, окутанные сиянием, величественные, словно их писал Тернер [Ц](#).

Тип, что сопровождает клеща — пес, готовый вцепиться в глотку. Он читает порноиздание, написанное спермой. Покрытый прыщами и шрамами, этот парень — настоящий дегенерат. Не знаю его имени, в общем-то, мне на него плевать. Не повезло ему оказаться здесь. Что ж, тем хуже для его тушки, придется убрать и шестерку.

А вот у хозяина голова не только затем, чтобы шапку носить. Империя его огромна: не сосчитать предприятий от Дижона до Валанса. Господин Матье Бонелли — так его зовут — купается в грязных деньгах и крови. В его гнилой среде не особенно выбирают средства. Когда рвутся к власти, идут по трупам.

Изменило ему счастье, зря он оставил еще один труп: за него он мне дорого заплатит.

Я выслеживаю цель днем и ночью. Прежде, чем прикончить его так, как я планирую, нужно было найти подходящее место. План сумасшедший, знаю. Убить на улице было бы куда проще. Или в машине — притормаживаешь, стреляешь, срываешься с места. Имей только нервы чуть покрепче — и уйдешь невредимым. Но такая смерть была бы слишком быстрой... а я хочу видеть, как он зовет мать, издыхая. Долгие месяцы следуя за Бонелли тенью, мне пришлось ломать голову, где его настигнуть. В Лионе возможности не представится: на вершине холмов Мон-д'Ор его вилла — настоящий бункер. Гориллы-

охранники пасут ее от входной двери до гостиной. Рабочие кабинеты — та же песня: окружены толпой вооруженных людей днем и ночью. Пытаться убрать его там было бы безумием, настоящим самоубийством.

Терпеливо изучая и обдумывая его пристрастия и мании, мне удалось обнаружить брешь.

У клеща есть одна страсть: при первой же возможности Бонелли едет поездом. Этот отброс обожает поезда! Даже больше: вбухивает огромные бабки в их уменьшенные копии. Настоящий фанат железных дорог. Наверное, мальнишкой мечтал водить локомотивы. А сейчас, на седьмом десятке, играет в начальника вокзала у себя на чердаке.

Вот почему насекомое — неизлечимый фанат — путешествует поездом, пересекая свою империю. Рядом с Дворцом герцогов в Дижоне он владеет ночным клубом, который высоко ценит местная элита. Частный, роскошный, снобистский. стакан виски стоит там пятнадцать евро. За такие деньги благовоспитанные люди могут быть уверены, что находятся среди равных себе. Дела идут неплохо, заведение всегда битком. А хозяин снимает кассу каждое четвертое воскресенье, сопровождаемый своим громилой — тот ходит за ним, как пришитый.

Никакого отступления теперь, я прикончу его здесь, на линии Дижон-Лион, в вагоне улучшенного типа. Другой возможности у меня нет. В Гренобль, куда он ездит постоянно, Бонелли отправляется экспрессом. В остальное время шофер возит его в бронированном «бентли» и всегда строго по расписанию. Знаю точно — у меня все четко помечено. Мое насекомое отрегулировано почище швейцарских часов.

Но говорить об успехе дела заранее нельзя. Методичность и скрупулезность — вот ключи к успеху. Чтобы отшлифовать план, каждое воскресенье с середины июля я сажусь в этот поезд, который знаю уже, как свои пять пальцев. Он никогда не заполнен до конца, вагоны первого класса пусты, к тому же находятся в хвосте состава — идеальное место для осуществления задуманного. Контролер проходит только после Макона.

На протяжении четвертой части маршрута пассажиры всегда одни и те же. Я их всех хорошо знаю в лицо.

Как и каждую неделю, в середине вагона сидит молодая женщина, пальцы не отрываются от клавиатуры ноутбука. Она сойдет в Шаньи. Странная она, моя попутчица. Одета в строгий костюм под Шанель, на затылке безупречный узел волос — она из клуба трудоголиков. Карьерный рост, повышение! Любви нет места в ее ежедневнике.

В первом купе рядом с туалетом молодой парень терзает игровую приставку PlayStation. Глаза прикованы к экрану — этот тип повернут на виртуальных мирах. Он выйдет в Турню.

Затем до самого Макона в сероватом вагоне останемся только я, клещ и его цербер. Следовательно, я буду действовать между Турню и Маконом. План не может провалиться, все фазы рассчитаны поминутно.

А пока я удваиваю бдительность. На каждой остановке хожу по коридору из конца в конец, чтобы убедиться, что никто не сел в вагон. Парень и девушка заметили мой маневр. Наверное, думают, что я борюсь с приступом ревматизма. Этой хворью я не страдаю, но скрючиваюсь, чтобы они поверили. Кривлюсь, будто от боли, сгибаю и разгибаю суставы — подтверждаю предположение соседей.

Когда я прохожу мимо, молодой человек приветственно кивает: мы встречаемся здесь каждое воскресенье. Затем молча саркастически рассматривает мою бороду старого иудея, шляпу с широкими полями, застегнутое пальто, перчатки цвета гудрона, темные очки и

опускает голову, пряча улыбку.

Девушка тоже бросает на меня удрученный взгляд. Она может не говорить — я просто слышу ее мысли: «Как можно такое на себя нацепить? Этот тип — ходячий ужас».

Alea jacta est! Жребий брошен! Плевать, что эти юнцы запомнили мою внешность, прикид и странное поведение. Наоборот, меня это устраивает. Что они расскажут, когда их будет опрашивать полиция? Очень немного, следы хорошо заметены. Они лишь смогут описать чудаковатого типа, одетого во все черное, коренастого, с бородой и в очках. Никаких особых примет, кроме необычного носа. Ах, нет, есть еще примета, добавят свидетели, он выглядел, как раввин. Показания не будут стоять выеденного яйца. Нечего бояться. С такими ничтожными уликами полицейским придется попотеть. Пока меня найдут — если это вообще удастся, — я уберу еще несколько мерзавцев. Бонелли — только первый в списке.

Проехали Шаньи. Молодая женщина с узлом волос на затылке сошла. Через минуту настанет очередь выходить и для парня.

Нет! Только этого не хватало! Что за тяжесть вдруг давит на грудь? Не могу поверить. Чертова тревога! «А если кто-нибудь сядет в Турню, что ты будешь делать? Подумай немного, ты же не можешь убить клеща в присутствии свидетеля».

Убить невинного — выше моих сил. Что ж, если кто-то войдет в вагон, я отложу казнь. Никогда, никогда в жизни не совершу убийства, чтобы очистить себе поле действия. В любом случае — сегодня ли, через месяц — я получу голову Бонелли. Это была моя клятва белому могильному камню — я не могу дать эту клятву Богу: он вряд ли существует.

Ну вот, поезд прибывает на вокзал Турню. На землю лениво опускается ночь. Над темными крышами сияет монастырская церковь Святого Филибера, ярко освещенная пучком электрических огней. Сердце бешено колотится — только бы никто не вошел! Поднимаюсь, чтобы удостовериться. Состав останавливается. Парень на передней площадке открывает дверь вагона, прыгает на битумное покрытие перрона, закидывает на плечо рюкзак и достаивает меня прощальным взмахом руки. Моя борода склоняется в ответ, нервы натянуты — готовы лопнуть, я изучаю полуосвещенный перрон. Пусто. Выдыхаю. На горизонте никаких помех.

Остановка длится недолго.

Поезд трогается. Через четверть часа прибудет в Макон.

Я возвращаюсь на свое место, стаскиваю с багажной полки сумку, открываю ее сухим движением. Внутри все, что нужно. Достаю беретту, навинчиваю глушитель, снимаю с предохранителя, затем выхожу в коридор.

Купе Бонелли всего в одном метре. Ставлю сумку на пол, прижимаю пистолет к левому бедру, осторожно продвигаюсь вперед. Громила поворачивается, чтобы рассмотреть меня — предсказуемая реакция. Бонелли дремлет, уверенный в своей безопасности. Лысина прижата к краю окна, заплывшее жиром тело непроизвольно подрагивает в нервных спазмах.

Сторожевая псина расслабляется: привык, что я хожу по коридору туда-сюда. И — роковая ошибка — снова утыкает свою репу в дерьмовую газетенку.

Вот он, мой миг — и я его использую.

Правой рукой отбрасываю вбок дверь, направляю ствол в пасть ублюдка. Тот вздрагивает! Смятение в глазах! Понимает, что промедление смерти подобно. Он проворен, настоящий профи. Секунда — и он швыряет газету, откидывает полу пиджака, хватается за кобуру, но слишком поздно: я стреляю, пока не подстрелили меня. С идиотским видом

охранник падает набок, как подрубленный, с пулей в середине лба. Из предосторожности пускаю еще одну, в сердце. Пока, приятель! Мы не знали друг друга, зла на тебя у меня не было. Но можешь не волноваться: что бы ни натворил на земле, в ад ты не попадешь. Ад — всего лишь миф, он находится здесь. Люди и есть дьяволы.

Бонелли — один из них, прогнивший до мозга костей.

Шум его разбудил.

Он тоже реагирует быстро, куда быстрее, чем его громила. Едва видит труп охранника, меня, как мгновенно оценивает ситуацию. Я слишком далеко, чтобы он мог кинуться. Спасти свою жирную тушу можно одним способом — достать оружие. Это он и пытается поспешно сделать. Мешает ожирение, его движения — одна потеха.

Тем временем я перехватываю пистолет другой рукой. Хотя первый выстрел и был удачным, все же левая рука действует у меня не так ловко. И все равно — промахнуться на таком расстоянии невозможно. Поехали! Да начнется праздник! И спускаю курок. Пуля впивается в правое колено. Траектория просчитана, я ведь хочу убить его не свинцом.

Коленная чашечка и мениск взрываются. Бонелли кричит от боли, роняет свой глок, чтобы зажать рану — напрасный рефлекс. Хотя он и стискивает ногу изо всех сил, кровь обильно сочится между пальцев.

Его страдания — всего лишь разминка. Я подхожу, вожу стволом беретты, прицеливаясь в разные части тела. Он поднимает глаза, понимает, что у меня на уме, и умоляет:

— Не надо! Сколько тебе заплатили? Убери пушку, я дам в десять раз больше.

Отделаться так легко? Ну нет! Три негромких «пум» звучат в ответ на слезную просьбу. Он вопит — любо-дорого посмотреть, продырявлено второе колено и обе руки. Готово, голубчик в моей власти — распятый на сиденье, не в силах дать отпор.

Из предосторожности откидываю его оружие на багажную полку. Пусть полицейские изымают, плевать: на моих руках перчатки, отпечатков не найдут. Экспертизу ДНК тоже не смогут сделать. Вот почему я позволяю себе такую роскошь — плюю ему в лицо. Детская выходка, но становится легче на душе.

— На кого ты работаешь? — стонет Бонелли. — На Турка? Нет, на Вайнштейна, я догадался по твоим тряпкам... Этот сукин сын хочет сожрать все... Ты тоже грязный жид, как и он, да? Мм, Гитлер плохо поработал, надо было отправить в газовые камеры ваших матерей.

Наплевать на его оскорбления, на его антисемитизм, больше всего я слежу за тем, чтобы не ответить. Желая, чтоб он сдох, не зная за что или по чьему приказу. Пусть и хочется осыпать его проклятиями, такого подарка — услышать мой голос — я ему не сделаю. Быть убитым в неведении — нет ничего более жуткого. Не знать, кого проклинать, чье имя ненавидеть.

Поезд набирает ход. Пора переходить ко второй фазе.

Для начала вынимаю из кармана рулон скотча. Бонелли знает толк в казнях, ему понятно, что я собираюсь делать. Захлебываясь, так быстро, как позволяет дыхание, он сулит мне последствия:

— Жид пархатый... Передай Вайнштейну, что за меня отомстят... Перережем всех... Пусть ходит и оглядывается... И семейку его тоже... Мои люди за меня...

Я так и не узнаю, что его люди сделают с многочисленным племенем Вайнштейна, Бонелли слова не может сказать — рот заклеен крест-накрест.

Стоп-кадр. Я прерываюсь на секунду — полюбоваться, так долго пришлось ждать этого

мгновения. Странное зрелище — дьявол, подыхающий от страха. Зрачки расширены, глаза полны слез. Кто бы мог подумать, что великий Бонелли, крестный отец корсиканского клана, может скулить, как младенец? Из-под него течет — наделал в штаны. В его оправдание предположу, что он слишком страдает, чтобы контролировать свое тело. Чем сильнее он мучается, тем лучше: о таком мне и не мечталось.

Поезд подъезжает к Макону, нужно заканчивать.

Без особых церемоний валю ублюдка на пол. Повсюду кровь. Он стонет, дрожит, не отводит от меня глаз, бледный — совершенно сдрейфил. Похоже, спрашивает себя, что я буду с ним делать. Скоро узнает — ждать не придется.

Ухожу за сумкой. Когда возвращаюсь, лицо Бонелли белое как мел. Страх борется в нем с болью. Как я его прикончу? Он боится самого худшего — и правильно.

Расстегиваю сумку, достаю две канистры.

И тут Бонелли понимает.

Я сожгу его заживо.

Он трясет головой, словно пытаюсь сказать: «Нет, только не это, только не смерть в пламени!».

Да, бедный мой клещ, ты издохнешь в огне, как было обещано белому надгробному камню.

Через семь минут электропоезд остановится. Времени на работу в обрез.

Я открываю канистры, стараясь не облиться, обрушиваю литры бензина на Бонелли. Он моргает, ослепленный, издает полузадушенные крики. Такая вонь, просто мерзость. Через мгновение вонять будет жареным мясом.

Выплескиваю остатки на сиденья купе, ставлю канистры — они расплавятся, кладу перчатки в сумку, надеваю другие, чистые, выхожу в коридор.

Осталось сыграть последний акт. «Зиппо» — лучше зажигалки не найти, не гаснет на ветру. Открываю, чиркаю кресалом. Пламя вспыхивает с первого же поворота колесика.

Бросаю горящую зажигалку на тело, огонь охватывает его в одно мгновение. Несмотря на раны, насекомое дергается, извивается, катается по полу. Я задвигаю дверь, последний раз смотрю, как он мучается, и ухожу — покой наконец опустился на мою душу.

Начиная с этой секунды, каждый мой шаг четко рассчитан.

Я жду, когда поезд подъедет к Макону, чтобы перейти в соседний вагон. Одежда липнет к телу, просто ужас, как все взмокло. Так, я в другом вагоне, вытираю пот, пробираюсь на места второго класса. Здесь купе набиты битком, пассажиры собираются выходить.

С равнодушным видом человека, который ни о чем не думает, смешиваюсь с толпой, терпеливо иду вместе со всеми, глядя под ноги. Поезд останавливается. Лишь только двери открываются, люди поспешно выбираются, навьюченные, будто ослы.

Шагая по перрону, стараюсь не оборачиваться. Странно. Кто-нибудь уже должен был заметить пламя, удивительно, что никто еще не поднял тревоги.

— Пожар! Горит в хвосте состава!

Вот оно! Не слишком поздно, хотя для Бонелли — слишком. К этому времени он уже должен получить ответ на вопрос смертных — неизбежный, вечный вопрос глубинного сомнения: полная пустота или что-то там все же есть?

Взывает сирена. Отовсюду бегут люди, раздаются крики, слышны приказы. Толпа разворачивается, чтобы увидеть пожар. Я тоже поворачиваюсь, иначе отсутствие у меня любопытства может показаться подозрительным. Под воздействием высокой температуры

взрывается оконное стекло, из чего я делаю вывод: громила поджарен не хуже своего хозяина.

— Что происходит? — испуганно спрашивает меня одна дама.

Я пожимаю плечами, как ничего не ведающий человек. По счастью, вмешивается еще и старый брюзга.

— Какой-нибудь бродяга снова курил тайком.

Киваю в знак согласия, потом направляюсь к нужному переходу. Люди толпятся, трещат, предполагают разное, паника, возмущение растут, я слышу, как вокруг говорят о покушении.

В зале ожидания вокзала царит волнение. Все спрашивают друг друга: «Поезд поедет дальше? Линии будут перекрыты?».

Размеренным шагом покидаю вокзал. Машина ждет на стоянке.

Вой сирен приближается. Сажусь за руль.

Поворот ключа. Следующая остановка — департамент Приморские Альпы.

Завтра, в понедельник, на высотах Ниццы умрет таракан.

Муха

«Продуманная жестокость... Жак сказал: попрание правил».

Небо цвета потускневшей стали, промозглый полдень, смутная погода. Дождь моросил на вокзале Макона, маленьком тихом вокзале в двух шагах от Соны и в трех — от виноградных холмов.

Редчайшее исключение — нынче зеваки действовали ей на нервы.

Жадное до адреналина человеческое стадо пожирало глазами «вагон мертвецов», сгрудившись по обе стороны от него. Трагический итог усугублял прилетевший не пойми откуда слух: если верить ему, погибло шесть пассажиров.

Вагон отогнан на запасной путь, поросший травой — будто судно, севшее на мель, языки сажи лижут груды железа. Полицейские охраняли то, что осталось от вагона, переминаясь с ноги на ногу под мелким дождиком.

«Казнь, обдуманная заранее... Жак сказал: давние счета».

Никакой ограничительной ленты — полицейской формы было достаточно, чтобы любители трупов держались поодаль. Для Антонии Арсан громче всего щелкали голодными зубами такие члены этой стаи, как журналисты. Но она плевать хотела на их укусы. Антония была полицейским.

«Вампиры в шкуре гиены... Жак сказал смотреть, чтоб они на меня не накинулись».

Ее работа и так не сахар, не хватало, чтоб газетчики окончательно достали своим идиотизмом. А те не собирались лишать себя такого удовольствия — во имя своего долга «сообщать информацию» и «обеспечивать гласность».

«Гласность — что за чушь. Разве члены мафиозных банд привлекают прессу, чтобы оповестить о налете? Почему ж тогда после операции «на земле», где мои люди рисковали жизнью, газеты шельмуют мои методы? Есть только один действенный, законный, предписанный уставом метод — взять подонков тепленькими на месте преступления. Как же, долбаные любители рыться в чужом мусоре назовут это иначе: «Злоупотребление властью без достаточных оснований!», «Опасное применение силы в общественном месте!». Едкие заголовки, наперебой статейки об убийцах — журналисты меня ненавидят. Да в гробу я видала их самих и их газетенки, годные лишь зад подтирать, их плевки не пробьют мою броню».

Женщина с сильным характером привычна к критике. Особенно если она комиссар полиции Лиона и возглавляет Бригаду розыска и быстрого реагирования. По счастью, у Антонии была толстая кожа. И язык, от которого придурки столбенели на месте.

Рядом с ней вокруг вагона, как вокруг муравейника, кишели эксперты. Осматривали

коридор. Одни припудривали порошком-проявителем двери, другие искали следы на полу, третьи изучали с лупой туалет: грязь на унитазе богата материалом ДНК, если чуть повезет, простой волос с лобка позволит упрятать зассанца за решетку.

Обстановка была напряженной. Тут и там полицейские из Бургундии в один голос ворчали: судя по всему, всколыхнулась уголовная среда. Еще одна гангстерская война. Конец Бонелли возвещал о том, что она началась, неотвратимая и кровавая.

«Нет, здесь они пальцем в небо попали, в этом убийстве слишком много ненависти, его заказал не преступный мир... Жак сказал: личная месть».

Антония отошла от коллег, присутствие ее не имело законных оснований, расследование находилось вне ее компетенции. Думер из региональной службы криминальной полиции Дижона сообщил ей о смерти Корсиканца по профессиональным соображениям, равно как и по старой дружбе. Она — сама себе голова — и пригласила себя в Макон.

Антония — надменное выражение лица, царственная осанка — вышла из вагона под дождь, набивая трубку. Сотрудник опергруппы поперхнулся: женщина с трубкой в зубах? Немыслимо! Да еще и комиссар полиции! Но проглотил комментарии под ее взглядом, который мог и поджарить. Антония вызывала к себе уважение — пятьдесят лет за плечами, высокая, крепко сбитая. Короткие волосы, окрашенные в золотистый цвет, обрамляли лицо с искусно наложенным макияжем. Тени, маскирующие темные круги вокруг глаз, румяна на желтоватых скулах, помада на полных губах — косметика скрывала недостатки внешности. Не столько из кокетства, сколько по внутреннему убеждению Антония тщательно следила за собой. Элегантность, считала она, пресекает оскорбления. Одета с иголочки, дорогие духи и трубка-носогрейка — из тактических соображений. Антония курила, чтобы заткнуть рот всяким мачо. Скольких она поставила на место благодаря трубке? Десятки, раздавленных ее хлесткими словечками в ответ на похотливые мыслишки.

Треск гремучих змей, шипение гадюк. Антония повернула голову. Рядом с вокзалом рептилии глазели на нее, смеясь. Исподтишка, разумеется: побаивались повязки, охватывающей ее плечо. Надпись «Полиция» убавляла отваги.

В чьем-то взгляде Антония прочла презрение.

Она пожала плечами, привычная к отторжению.

«Слово «flic» происходит из эльзасского языка и обозначает муху. Куча людей терпеть меня не могут. Для них я всего лишь муха из отряда двукрылых, которая только и делает, что копается в дерьме. В каком-то смысле они правы, мне за это и платят. А откуда берется дерьмо, разве не из их задницы? Если бы не было преступлений — кто знает? — возможно, я стала бы ботаником. Прекрасная профессия — жить среди цветов. На магнолии куда приятнее смотреть, чем на мертвецов. Особенно, если цветы удобрены золой».

Что до золы, ее было в избытке: два обуглившихся трупа.

«Бонелли! Кто бы мог подумать, что он так окончит свои дни! Если бы можно было делать ставки на причину его смерти, я бы проголосовала за сердечный приступ. Этот тип был неприкасаем. К нему приближались не иначе, как поднимая лапки. С чего же ему взбрело в голову сесть в тот поезд? Смешно до слез: у бандитов есть причуды, недоступные здравому смыслу. Но, что бы там ни было, в него не промахнулись. Тот, кто его шлепнул, вложил в дело всю душу. Превосходная казнь из разряда варварских. Вот жалость! Бонелли стоило пришить, но не таким способом. Гильотина подошла бы куда больше, он заслужил ее сто раз. Я сама привела бы ее в действие, если бы потребовалось. Что ж, я никогда не скрывала, что

поддерживаю смертную казнь. Только в особых случаях. В качестве исключительной меры, однако меня все равно считают реакционером. Мыслящие граждане показывают на меня пальцем. Кретины, оторванные от реальной жизни! Разве убийцы детей испытывают жалость к своим жертвам? Нет! Или уроды, мучающие стариков, чтобы обокрасть, или отморозки, убивающие полицейского забавы ради? Порой мне бы хотелось видеть подобных святош перед трупом ребенка. Или трупом старика, порезанного на мелкие кусочки. Хотелось бы, чтобы они навестили семью полицейского, убитого за здорово живешь, парня, охранявшего собственность, которая была ему не по карману. Что они сказали бы его вдове? «Ваш муж погиб за Республику, дети могут гордиться таким отцом»? Вот идиотизм! А когда убийца получил бы пять лет, из них четыре с половиной условно, что они добавили бы к этому? Про свершившееся правосудие? Увы, но таковы расценки. Обокрасть государство стоит дороже, чем убить, жизнь человека ценится меньше, чем прореха в бюджете. О да, я хотела бы этим салонным философам показать реальную жизнь — с извращениями, придурками и психопатами. Человеческое отребье — мои будни. Затем я сказала бы им: «Браво, интеллигенция, боритесь за гуманизацию тюрем, условия заключения недостойны нашего общества, я считаю их чудовищными. Но подумайте-ка вот о чем: убийцы находятся за решеткой потому, что их жертвы лежат в земле на глубине двух метров. Слишком быстро вы об этом забываете. Но вы правы: беседуя во время ужина в ресторане, следует защищать права осужденных — это добавляет престижа, медиакратия обязывает!». А в качестве бонуса я бы добавила, что Бадинтер ^[2] затянул удавку на шее богини правосудия, а отмена смертной казни граничит со святотатством. Чего мне бояться? Через полгода я отправлюсь далеко, одна, без моей крысы. Муж умер десять лет назад. Ничто больше не способно задеть меня за живое. С той поры мне наплевать на то, что может со мной произойти».

— Не подойдете, патрон?

Ее позвал внутрь, стоя на подножке вагона, Милош Машек — ростом с виноградинку и с таким же темным матовым налетом на коже, глаза как лоза, шевелюра одуванчиком. Молодой лейтенант был членом ее бригады: влился в сентябре, мнения Антонии никто не спросил. Повышение по службе — садового гнома очень хорошо аттестовали. Он совсем не нравился Антонии. Неосознанная антипатия. Помимо его набожности, граничащей с ханжеством, причиной, возможно, был тщедушный внешний вид. Повадки букашки раздражали ее, доверие вызывали только крепкие подчиненные. Как этот задохлик проявит себя в работе? Будет видно во время ближайшего настоящего задержания...

— А есть необходимость? Вонь там ужасная, мой дорогой костюм пропах жареным.

— У комиссара Думера кое-что новенькое.

— Это меняет дело. Иди вперед, я за тобой.

Милош не стал помогать ей вскарабкаться в вагон, шеф — никакого женского рода! — терпеть не могла, когда с ней вели себя церемонно, как с дамой. Она вообще не переваривала галантное обхождение — выдумку женоненавистников.

Как только комиссар поднялась внутрь, Милош провел ее в дальний конец вагона. Думер подждал, стоя над двумя трупами. Он был ровесником Антонии — лицо красное, живот выпирает. Рядом с ним домовой — очки, перчатки, шляпа, затянут в комбинезон — поддакивал шефу, не переставая кивать.

— Верно-верно-верно, четыре пули в конечности.

Мрачным голосом Думер отдал дань условностям:

— Доктор Риаль, судебный медик. Комиссар Арсан, БРБ Лиона.

Представленные чуть кивнули друг другу.

— Итак, Жюльен, — перешла Антония к делу, — кажется, ты сорвал джек-пот?

Оба полицейских были знакомы бог знает сколько, начинали вместе в Аннеси в те времена, когда шпане на улице было не по двадцать лет, как сейчас.

— Не я, Антония — врач. Убийца продырявил Бонелли, прежде чем подпалить. Будто для распятия.

— Уфф! Так этот подонок умер, как Иисус?

— Нет, сгорел на костре, как Жанна д'Арк — мое сравнение столь же тонкое, что и твое. Вокруг губ найдены следы клея. Моя версия — убийца не хотел, чтобы слышали крики, и выстрелил прежде, чем прикончить: дважды пальнул в ноги, дважды — в руки.

Зажав нос, Антония осмотрела обуглившийся труп.

— Можешь мне гарантировать, что это действительно он? С тем немногим, что осталось, нельзя быть уверенным.

— Бумажник расплавился только частично, там нашли фрагменты удостоверения личности. Та же история и с другим типом: Ромен Гарсия, стрелок на полную ставку у корсиканцев.

— Профи рэкета, я его держала на мушке.

— Этот просто убит. Рот не был заклеен скотчем.

— Верно-верно-верно, — снова застрекотал Риаль, — после биометрического исследования вскрытие подтвердит, что он умер до пожара. Только его босс погиб в огне. Ужасная агония. Без каламбура — мир праху его.

Положив конец надгробной речи, Думер заключил:

— Гарсия оказался не в том месте, убийца хотел наказать Бонелли.

«Верно подмечено, малыш Жюльен, «наказание» — и тщательно подготовленное, с риском быть застигнутым на месте... Как сказал Жак: не очень быстрое, слишком мудреное для наемного убийцы, преступный мир здесь не при чем».

У Думера появился нервный тик — очевидные факты были ему не по нутру. В рамках расследования об организованной преступности в дело вступила бы БРБ с полномочиями на национальном уровне по всему региону. А здесь на первый взгляд речь о преступлении, находящемся в его компетенции.

— Десятью километрами дальше дело перешло бы в Лион. Не повезло, Антония, оно будет расследоваться в Бургундии. Если это война мафиозных кланов, я к ней слабовато готов. Что ты об этом думаешь?

Щелчок в мозгу! Вдохновение! Озарение! Столько еще надо бы сделать, отдраить, подчистить... А через шесть месяцев ее здесь уже не будет...

— Это не месть, дорогой мой Жюльен, хотя и очень на нее смахивает. Уголовный мир настроил свои скрипочки. Бонелли открывает бал. Но начался только первый тур вальса.

«Жак сказал: «Впереди у тебя пляска на раскаленных углях».

От переводчика.

Отряд специального назначения BRI

Отряд специального назначения сыска и быстрого реагирования (La brigade de recherche et d'intervention, BRI) — единственное подразделение, совмещающее функции юридической

полицейской (розыск, идентификация, слежка и наружное наблюдение, сбор доказательств) и одновременно решающее задачи группы быстрого реагирования для действий в кризисных ситуациях.

Подразделение создано 22 сентября 1964 года в префектуре полиции г. Парижа для борьбы с выросшей до крупных масштабов оргпреступностью и бандитизмом. Нынешнее название присвоено в 1967 году. После теракта на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году руководство французского МВД признало, что Франция не имеет спецподразделения для действий в подобных ситуациях и создало на основе BRI отряд специального назначения ВАС (*la brigade anti-commando*). BRI является основным спецподразделением управления юридической полиции Парижа.

Задачи подразделения:

- предупреждение преступлений, готовящихся бандитскими группировками, розыск лиц, причастных к такой деятельности и их задержание до совершения ими преступных действий;
- сбор разведывательных сведений, касающихся организованной преступности, их обработка, всесторонний анализ и систематизация (по оценкам французских экспертов, BRI имеет наиболее полную базу данных о преступных элементах, действующих на территории Франции);
- участие в задержании особо опасных вооруженных преступников;
- содействие другим подразделениям национальной полиции в области сыска и захвата опасных преступников;
- проведение самостоятельно и во взаимодействии с другими силами МВД активных мероприятий в отношении организованных преступных группировок, а также при захватах заложников и в других чрезвычайных ситуациях.

Функционально отряд состоит из пяти специализированных групп: переговоров; снайперской; радиационной, химической и биологической защиты; альпинистов (для городских условий и промышленных объектов), а также штурмовой.

Жесткий отбор и подготовка специалистов обеспечивают конкурс пять человек на место (из ста заявок соискателей принимаются к рассмотрению не более двадцати). В течение трех суток по результатам комплексного тестирования (стандартные зачеты по физподготовке, психологический отбор, полоса препятствий, стрельба) отбираются десять кандидатов. В дальнейшем все они на протяжении трех недель проходят проверочную стажировку во всех оперативных группах, входящих в состав отряда, в качестве сотрудников различной специализации (от эксперта до бойца штурмовой группы). В итоге всего лишь четыре-пять полицейских становятся кадровыми специалистами BRI. Продолжительность службы в подразделении — три года.

Общая численность группы составляет 50 человек.

Помимо отряда BRI, входящего в состав парижской префектуры полиции, в МВД имеются еще пять таких же отрядов: в Лионе, Марселе, Ницце, Монпелье и Байонне (именно в этих городах наблюдается наибольшая активность организованных и этнических преступных группировок).

Позже на основе существовавших ранее отрядов сыска, расследований и координации были созданы BRI в Нанте, Руане, Лилле, Версале, Страсбурге, Тулузе, Аяччо/Бастиа.

В пригороде Парижа Нантерр имеется отряд центрального подчинения BRI-National (BRI-N), действующий непосредственно в интересах центрального управления юридической

полицейской.

В ближайшее время планируется создать также аналогичные подразделения в Орлеане и Дижоне.

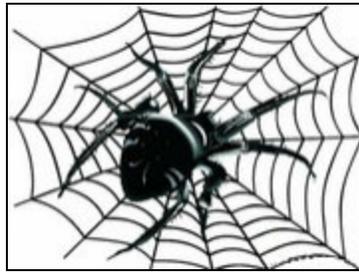
Общая численность таких отрядов составит 16.

Отряды имеют одинаковую организационную структуру. Все BRI подчинены так называемому центральному офису (отделу) по борьбе с бандитизмом (l'Office Centrale de la Repression du Banditisme, OCRB) и соответствующим межрегиональным управлениям юридической полиции МВД (DIPJ, direction interregionale de police judiciaire).

Все четырнадцать существующих отрядов задействуются на всей территории страны независимо от их регионального подчинения.

В отличие от других спецподразделений полиции сотрудники BRI работают без униформы в штатской одежде, за исключением крупных операций против многочисленных бандитских группировок и случаев, связанных со штурмом зданий.

Пауки

Ral.q 71 Всем доброго времени суток! Вчера вечером сторел поезд Дижон-Лион. На вокзале Макона полицейских было битком, полный бардак, я не успел на свой поезд, опоздал на работу. Сообщите, кто знает, когда поезда будут нормально ходить, спс.

Дикий кролик Привет, Ral.q 71! Дурдом не закончился? Я был вчера на перроне, ждал этот поезд. Гребаное гетто в проходах. Гребаный бред, не доедешь до дома. Добрался до Вилльфранш на три часа позже. Даже не извинились перед нами. Пичаль, как всегда.

Чик-чирик 158 Хай, Ral.q! Я тоже вчера застрял в Маконе. Пару пропустил. Видел один прикол в том бардаке: высокую чувиху, курившую трубку. Нереально! Ее надо назвать Мегрэтта.

Ral.q 71 Куча людей ее срисовали, один парень с жд сказал, что это большая шишка из БРБ Лиона. Интересно, зачем она там околачивалась.

Дикий кролик Блин, БРБ! Круто! Эти легавые не поедут просто так, из-за раздавленной псины. История пахнет убийством.

Качок Йо всем! Фигасе, я не в курсе, даже очканул, ехал этим рейсом до Турню. Похоже, сошел прямо перед пожаром. Кто знает, где загорелось?

Дикий кролик Я знаю, я же там был. Начал гореть вагон в хвосте. В первом классе. Ты там сидел?

Качок Ничесе, блин, да! И не один! А про других пассажиров есть новости, они живы?

Чик-чирик 158 Оо! В этой душегубке могли зажариться люди?

Качок Легко, там было два чувака в костюмах и при галстуках, часто на этой линии мелькают, еще один здоровый раввин со шнобелем. Я его каждое воскресенье вижу.

Дикий кролик Про двух чуваков не знаю. Может, с толпой смешались. Твоего раввина помню: видел на выходе, был живее всех.

Спасибо, Сеть, твои чаты — неисчерпаемые копи. Одно удовольствие. Сокровище! Благословение божье!

Пауки дали много информации. Камиль Гутван отключил компьютер.

«Высокая чувиха, курившая трубку»...

Он знал лишь одну подобную особу: Антонию Арсан. Только эта сумасшедшая могла позволить себе такую крайность.

Осталось выяснить, кто были те двое и здоровый раввин.

Но удастся ли из этого извлечь толк в ближайшее время?

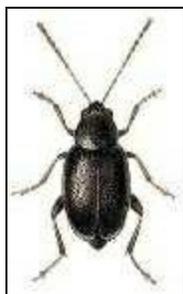
От переводчика.

Минитель (фр. **Minitel**) — французская информационная система, использующая технологию «Видеотекс». Создана во Франции в конце 1970-х (!) годов. Первые пользователи испробовали минитель в 1980 году, и до появления интернета он оставался самым популярным в стране телекоммуникационным средством. За это время название «минитель» стало нарицательным, и используется для обозначения вида связи, как «телефон» или «интернет».

Абонент подключался к телеинформационной системе через терминал небольшого размера, с экраном и клавиатурой. Пользуясь им, можно получить массу разнообразных услуг, в частности уточнить расписание пригородных поездов, узнать котировки акций, сделать заказ на определенные товары и услуги, пообщаться с другими пользователями минителя. Аппарат выдавался каждому жителю в почтовом отделении бесплатно. За пользование вносилась ежемесячная абонентская плата, она зависела от типа аппарата и характера услуг.

В середине 2000-х годов в связи с широким распространением интернета было объявлено о последующем прекращении работы минителя. В феврале 2009 года «Франс Телеком» объявила об отмене заявленных ранее планов «свернуть» минитель в связи с широким распространением интернета. Это было связано с тем, что, согласно исследованиям, минителем продолжали пользоваться не менее миллиона жителей Франции в месяц. Однако с 1 июля 2012 года сеть все же прекратила свою работу. Оставлена лишь одна функция минителя — функция общения между оставшимися пользователями.

Букашка

«Между нами — никакого движения воздуха. Она ни разу сама не завела разговор, держит меня на расстоянии, обращается, как с собакой — когда обращается ко мне вообще. Мы выехали из Макона полчаса назад, а она открыла рот только затем, чтоб указать дорогу. Просто стена, могила, это отношение меня напрягает. Такое чувство, что она меня не выносит. Кто-то про меня наболтал? Не может быть, я себя не выдал, никто не знает, личное дело чистое».

— Остановись там, Милош. Поставь машину у обочины.

«А она знает слово «пожалуйста»? Нет, так же, как и элементарные правила вежливости. Во всяком случае, что касается меня. Другие имеют право на «спасибо» — иногда».

— Спасибо, Милош, не хочу останавливаться на парковке.

«Вот черт, я так и в лотерею выиграю! Я только что услышал «спасибо»? Ушам своим не верю, даже странно».

Захлопнем двери, разомнем ноги. Слава богу, хоть дождь закончился.

Так, где мы находимся? В самом сердце Божоле [\[3\]](#), это-то я знаю, не знаю названия поместья. Национальная трасса осталась позади. После Бельвиль-сюр-Сон Арсан попросил свернуть. И в итоге мы остановились здесь. Что и говорить, местечко великолепное. Виноградник простирается покуда видит глаз. Как сказал бы поэт: окружен деревушками, увенчан замками. Н-да, вид был бы потрясным, если бы не эта домина: каменная кладка золотистого цвета, плющ, витражи... Не то, чтобы уродлива — мне не по средствам».

— Тебе понравится местный ресторанчик, Милош, готовят здесь, как в прежние времена. Настоящая реликвия вкуса, храм, каких скоро совсем не останется.

«Да я сплю! За кого она меня принимает? Мне не по карману заплатить тут даже за одно блюдо. Я в Макдоналдсе-то прикидываю в уме цену картошки-фри, не представляю, как смог бы позволить себе здесь даже корку хлеба».

— Я угощаю, спрячь свою карту.

«Ничего себе! Неважное дело! Раньше она меня не баловала такой щедростью. Сперва «спасибо», потом приглашение в ВИП-забегаловку — что-то она темнит. У каждой медали есть и обратная сторона. Ладно, посмотрим, что к чему. А пока будем соблюдать правила игры».

— Так любезно, не знаю, что и сказать, патрон.

— Давно хотела тебя пригласить. Время у нас есть, воспользуемся им.

«Держите меня, она разыгрывает церемонии, как на торжественном приеме».

— Посмотри туда, вверх и направо, это часовня Бруйи. А дальше — Боже, резиденция

Анны, старшей дочери Людовика XI. Это там звонят в колокол, начиная праздник молодого вина... Слева от тебя Клошмерль ^[4]. Деревни отсюда не видно, для этого нужно взобраться повыше на виноградники.

— Так Клошмерль существует не только в книге?

— И да, и нет — это местечко зовут еще Во-ан-Божоле. Так что для одного закоулка — целых два названия. И еще здесь потрясающий музей. Рекомендую посетить... Ты из Сета, если мне не изменяет память?

— Вообще-то только про тех, кто родился в Сете и там живет, можно сказать «из Сета». Остальные — приемные дети.

— Мм, понимаю... Тебе, должно быть, постоянно давали понять, что «ненормальные, которые родились не пойми где, теперь должны быть счастливы»... Это слова из песни Брассенса ^[5]. Подозреваю, тот знал, о чем поет: он был родом из Сета. А ты откуда родом?

— Я как раз из ненормальных — родился в Сплите, в Хорватии. Родители бежали оттуда из-за войны. Мне было пять, когда им удалось переехать во Францию.

«Гляди-ка, и глазом не моргнула, раскуривая свою трубку. Арсан — ультраправая, ее молчание меня беспокоит. Вопрос шефа меня ошеломил, и ведь она знала ответ».

— А я родилась в Париже, в худшем месте, где только можно было родиться. Для многих провинциалов Париж — пустое место, город без традиций, где живут только снобы, которые считают, что им все позволено... В детстве я от этого натерпелась.

— Как это, патрон?

— Мы переехали в департамент Эн, когда я была совсем маленькой. Мать — француженка, отец — итальянец по фамилии Капелли. Парижанка и итальяшка! Кошмар! Origine spraventosa! Ужасное происхождение! В школе я этого наслушалась! Остракизм испытала на своей шкуре! Знаю, что это такое, не тебе одному выговаривали про ненормальных, которые родились не пойми где...

«Мы получали одни и те же тычки, проливали одни и те же слезы... Мы с ней похожи: залечивали раны, пробивались, чтобы изменить свою жизнь... Это из протеста она пошла служить в полицию? Чтобы стать равной, уважаемой? Я-то поступил туда как боец Сопротивления, чтобы заткнуть рот фашистам и уличной шпане, которые испоганили мое детство».

— Слышал «Парижане — шиш в кармане»?

— Да, а еще «Живешь в Париже — придурок рыжий».

— А вот эта до кучи — «Вот парижская картина: гомосексов половина». Да, Милош гомофобия цепко сидит в сознании глухой деревни. Облик столицы приобрел голубой оттенок. В сознании идиотов гей-парады и гей-мэр перекрасили ее в ультрамарин.

«Вот это ошарашила так ошарашила! Арсан защищает геев? Я скорее представляю себе, как она их поливает из автомата в упор».

— Пфф! Как будто и без них недостаточно ненависти. Какой вред приносят гомосексуалисты, скажи? Кому вредит их любовь? Пора уже оставить их в покое. По правде говоря, я предпочту двух голубых, любящих друг друга, гетеро-паре, где готовы горло друг другу перерезать.

«Да-да... Я бы почти поверил ей, если бы она не свернула тему».

— Почему тогда вы назвали одного парня педиком? В прошлый четверг вы орал в кабинете, у меня до сих пор в ушах звенит.

«Улыбается, посасывает трубку, пускает белое облачко».

— А, подслушиваешь под дверью? Да забудь про геев, они здесь не при чем. Для меня педик — скользкий тип: наносит удар в спину полицейскому, делает карьеру, обливая нас помоями, а мы даже не можем ответить. В том случае, что ты напомнил, речь шла о журналюге. Его статья меня взбесила, я не смогла это переварить.

«Ну, тут я теряю дар речи! Выходит, Арсан не ультраправая, а просто много орет... ей бы надо держать себя в руках перед прессой. Как к ней должны относиться газеты, расстилать красную дорожку? Она же их посылает в задницу! В конце концов, журналисты делают свое дело: сообщают то, что услышали, а слышат они только ругань в свой адрес. Что ж, не будем возражать, она меня, возможно, проверяет».

— Ладно, хватит разговоров, ресторан уже заканчивает работать, персонал будет нас проклинать.

«Она гасит трубку, убирает ее в сумку. Мы проходим в роскошный дворик. Сад во французском стиле, гравий на парковке. Ряд дорогих тачек: «порше», «мерседес», «феррари» — понятно, почему она предпочла припарковаться в другом месте. А я одет как бомж, за кого меня могут здесь принять? За жиголо мадам, на ней-то дорогие шмотки? Ну и пусть, в конце концов, мне до лампочки, войдем с высоко поднятой головой...»

Интерьер под стать фасаду. Мебель из натурального дерева, вышитые скатерти, картины на стенах, убранство тянет на пять звезд. Ресторанная карта на виду, я не осмеливаюсь поднять глаза на цены. Ну же, всего один взгляд на сегодняшнее меню. Ого! Даже так? Господи боже мой! Счет достоин того, чтобы его вывесили в рамочке».

— Какая радость, Антония! Счастлив видеть тебя снова!

— Я тоже, Жюль, сколько лет, сколько зим.

«Нас встречает толстяк с улыбкой на лице. У него такой огромный живот, что Арсан перегибается, чтобы чмокнуть его в щеку».

— Не слишком поздно, чтобы поесть?

— Для тебя никогда не слишком поздно, дорогая. — Обнаруживает меня. — Вас двое?

— Да... Познакомься с лейтенантом Машеком, одним из моих помощников... — Жест в сторону пузана. — Жюль Раншон, наш хозяин, мой старый друг.

«Помощник? Слишком много чести, в ее бригаде я только подмастерье. Но Раншон, впечатленный моим званием, этого не знает».

— Так молод и успешен... Мои поздравления — вы защищаете вдов и сирот.

— Ты опаздываешь на одно действие, Жюль. Когда появляются вдовы и сироты, это означает, что преступление уже свершилось. Мы защищаем общество, занимаемся виновными.

— Это так же благородно... Идите сюда, я посажу вас у окна. Здесь открывается вид на сад, погода чудесная.

«Меня никогда не обслуживали так по-королевски, такая предупредительность — это тебе не забегаловка, где подают сэндвичи. В довершение изысканного сервиса официантка помогает мне сесть. Блондиночка, сияющая улыбка, глаза газели. Как только она отходит, патрон поддразнивает меня, тихонько кивая на нее:

— Хорошенькая куколка, правда?

— Очаровательна, не стану отрицать.

— Тем хуже для тебя, она давно занята.

— Что ж, такова жизнь, тем лучше для счастливого избранника.

«Старый метрдотель, серьезный, как далай-лама, приносит меню. Антония

останавливает его властным жестом».

— Нет нужды, Шарль, я знаю, чего хочу... Если, конечно, мсье позволит мне заказать за него.

«Смилуйся, заказывай, я ничего не смыслю в стряпне».

— Прошу вас, патрон, открыть новое блюдо — что может быть лучше.

— Итак?... — шелестит человек в черном.

— Как обычно, мой милый Шарль, помноженное на два.

— Хорошо, мадам Арсан... А вино?

— Полбутылки вина Моргон и воды Бадуа — этого достаточно, нам допоздна работать.

«О, сегодня будут сверхурочные? Просто праздник какой-то! Рождество и гора подарков! Не знаю, что за дело, но оно меня уже возбуждает. У меня в кабинете все тело деревенеет, на заднице пролежни. Пора уже поработать «на земле», прежде чем снова вернуться к канцелярщине. Но спокойствие, у Арсан свои правила, послушаем, что она скажет».

— Извини за вино, Милош, у меня две причины для такого ограничения. Первая — война полиций.

— То есть?

— То есть при первой же возможности жандармы заставляют нас пройти алкотест. Шарик меняет цвет — и твоя карьера спеклась.

— Спасибо, я запомню урок... А вторая причина?

— Личная... Моего мужа насмерть сбил шофер... Деревенщина, нализавшийся вусмерть... Ненавижу алкоголиков... Ты не пьешь, надеюсь?

— Лимонад... Изредка стаканчик вина, не больше.

— Это хорошо, особенно в нашей профессии.

«Вот, так и есть, она меня прощупывает. Без паники, держи себя в руках».

— Когда погиб ваш муж?

«Вздыхает, сжимает губы. Может быть, играет передо мной спектакль?»

— Десять лет назад... Было очень поздно, он возвращался домой... Тот пьяница вылетел со своей фермы, как снег на голову. Жак не смог избежать столкновения.

— Он погиб на месте?

— Нет, мой Жак отправился на небо три дня спустя... Я говорю «на небо», потому что душа его витает рядом со мной, над моей головой... Он всегда со мной... Дает мне советы по работе.

«Что?! Арсан связывается с призраком, чтобы вести расследования?! Это иррационально, она спятила, так и напугать можно! Кое-кто был бы счастлив прознать такое, чтобы подсидеть ее».

— Вы... Вы действительно слышите его голос?

— Нет, успокойся, я последовательница Декарта, привидения не существуют. У нас с ним длинный солилог [\[6\]](#), так делают одинокие люди, мне это помогает делать правильный выбор. И Жак сказал: Милош — та правая рука, которая тебе нужна.

«Не могу произнести ни звука, не могу сглотнуть — горло напрягается изо всех сил, чтобы ожить».

— Хмм! Вы меня разыгрываете?

— Нисколько, я сейчас объясню.

«Но предварительно ей надо продегустировать вино, которое принес далай-лама. То

есть булькать странным образом. Надувать щеки, полоскать вином рот, прочищать горло... Ну и церемония. Нет, я ничего не понимаю в этом ритуале. После щелканья языком следует главное — «Очень хорошо, превосходно». Шарль наполняет бокалы и отходит с почтительным поклоном. Разговор возобновляется, прямой, без экивоков».

— Что ты думаешь о смерти Бонелли?

«Только откровенность, лукавить было бы ошибкой».

— У меня есть сомнения, патрон. Вы считаете, что его заказали криминальные круги, я колеблюсь между профессионалом и любителем.

— На основании?

— Слишком сложно для наемного убийцы.

— Ни следов, ни отпечатков, нам ни разу не повезло... Ты можешь представить, что первый встречный совершит такой подвиг? Плюс я тебе напомню, что у Бонелли был охранник. Требуется стальные яйца, чтобы подойти к такому сторожевому псу.

«Очко она заработала».

— Я сказал, что у меня сомнения, а не уверенность. Проблема в манере исполнения: преступная среда более радикальна.

— А здесь они поменяли методы.

«Сейчас я дам ей только пол-очка, нужно пояснение».

— С какой целью, патрон?

— Да чтобы поиметь нас! Тот, кто дергает за веревочки, хочет, чтобы мы смотрели в другую сторону. Этот тип держит нас за идиотов, мы разочаруем его.

— Так вы считаете, будет передел власти?

— Так точно, Милош, гангстерская война снова вспыхнула. Еще одна. Наркотики, проституция, всевозможная контрабанда — новенькие хотят свою часть пирога, если не всю выпечку. Казнь Бонелли — послание: смотрите, что ждет тех, кто не уберется. Вернулись варвары, ужас — их закон, пытки — их порядок. Куча людей окончит свои дни погромсанными... И меня воротит при мысли, что надо будет их собирать по кусочкам.

«Да, понимаю ее после того, что видел в поезде. Не вру — до сих пор тошнота подкатывает. Такая жестокость проела меня до самой задницы. Как можно сжечь беззащитного человека? Нужно быть дьяволом, чтобы чиркнуть спичкой».

— Боюсь, меня тоже может вывернуть, патрон, эти ребята — просто беспредельщики.

— Скажи лучше — настоящие нацисты. Я почти жалею об эпохе Сент-Этьенца^[7]. В те времена у гангстеров был кодекс чести. А сегодня это истинные чудовища. Загвоздка в том, что они ходили в школу, имеют кое-что в голове и умеют этим пользоваться. Смерть Бонелли тому доказательство.

«Согласен, ее точка зрения правдоподобна, здесь нельзя терять времени».

— Приняв все это во внимание, я прихожу к тому же мнению.

— Ты нужен мне, будешь работать на передней линии.

— О! У вас же есть более крутые полицейские, им только свистни.

— В том-то и проблема: они слишком озлобились, их реакции предсказуемы. В деле Бонелли — и войне, которая последует — мне нужен молодой человек с новым взглядом.

«Иисусе сладчайший, могу ли я отвергнуть такой подарок! Ни в коем случае, он великолепен! Вот только выбор ее будет иметь тяжелые последствия».

— Есть одно препятствие, патрон: я приобрел свой первый опыт в Жизоре. Это далеко не БРБ — комиссариат обычного города расследует менее кровавые дела.

— И что?

— Я новичок в этом бардаке, коллеги меня размажут по стенке. И так-то прием был прохладный, а это и вовсе испортит атмосферу.

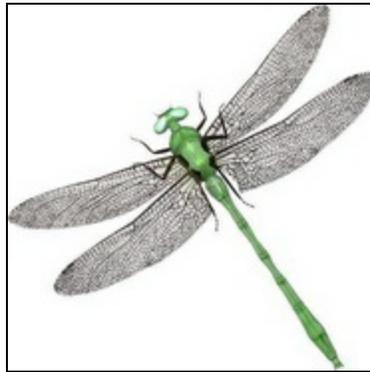
— Они ничего не узнают, ты будешь вкалывать как тайный агент... Для начала после обеда отвезу тебя к Иоланде. Увидишь, она точь-в-точь богомол — точное сравнение, я так ее прозвала.

«Официантка возвращается с нашим заказом. Арсан заканчивает разговор, понизив голос».

— Когда я впервые увидела тебя, то окрестила «букашкой». Паршивая привычка, прошу за нее прощения.

«Ба, за что на нее сердиться? Обоих нас травили в детстве. А сейчас она мне дает шанс. Одно это заслуживает улыбки и отпущения грехов».

Стрекоза

Что за союзница мраком окутала?

Ночь, непроглядная ночь...

С колосников, усыпанных звездами, спускается твой черный занавес. Я жду, пока ты настанешь, чтобы дать третий звонок. Нынче вечером прекрасная Ницца превратится в большой театр. Здесь будет сыграна пьеса под покаянным названием «Сожжем таракана».

Я автор произведения, посвященного моему белому камню.

Как и в случае с клещом, постановка мной тщательно подготовлена. Обдумана каждая деталь. Анри-Констан Брибаль не избежит своей участи.

Сейчас я хочу, чтобы меня заметили. Мне это просто необходимо! Утром в Сети мне попала на глаза куча сообщений о пожаре в поезде, о розыске раввина! Что ж, раз о нем идут разговоры, пусть его увидят. Вчера в Маконе, нынче вечером в Ницце — у полицейских голова пойдет кругом. «А завтра? — будут они задавать себе вопросы. — Где он нанесет новый удар?». Терпение. Я приберегаю для них немало сюрпризов.

Холм Бометт дышит покоем. Уединенное место, нужно признать, пустынный квартал особняков, окруженных мимозой. Здесь, поди, и коты не мяукают. За десять минут мне не встретилось ни души. Куда бы ни упал мой взгляд, повсюду лишь дворцы и роскошные резиденции — стоят на причале у своих бассейнов в тихой пристани богачей. У квартала Бометт есть своя цена. Склоны холма возвышаются над городом, вид с него открывается просто исключительный. Чтобы получить сюда доступ, требуется пропуск — кругленький счет в банке.

Даже когда мне было всего ничего лет, место это ценилось. Мы жили неподалеку, на бульваре Франсуа-Гроссо. Как же Брибалью удалось здесь обосноваться? Ба, благодаря жене, это у нее водятся денюжки. Как говорят у нас в провинции, Флоранс — урожденная Карли, из владельцев большого ниццкого состояния. По правде сказать, и что ей взбрело выйти замуж за этого жалкого типа? Впрочем, из головы вон, что в 1973 все было по-другому. Брибаль был молодым судьей — престижное положение в то время. Папаша Флоранс, наверное, видел в своем зяте будущего депутата. Или будущего министра. Предсказание не сбылось. Брибаль окончил карьеру председателем суда высшей инстанции.

Но кого это я замечаю там, кто это переходит улицу?

Флоранс собственной персоной! Светский визит: она вышла из ворот виллы, где, должно быть, пила чай. Неслыханная удача! Мне всегда доводилось видеть ее сидящей в

автомобиле, ни разу идущей по улице, это невероятное событие. Несмотря на свой возраст, гибкая, высокая, тоненькая — порхает, будто стрекоза, сияя зеленым шелком под обжигающим солнцем.

Но довольно сравнений, мое присутствие должно заинтриговать ее, отложиться в памяти. Только так я добьюсь, чтобы она рассказала обо мне полиции.

Я поправляю темные очки, прибавляю шаг, догоняю ее, громко кашляя.

Она как раз собирается войти в свой дом.

Эхо моего кашля встревожило ее. Она оборачивается и вздрагивает. Мой внешний вид хоть кого удивит. Осень в Ницце еще не вступила в свои права, стоит жара, люди загорают, на пляже полно купающихся.

Шляпа, перчатки, пальто, борода — «Этот тип сумасшедший», — кажется, говорят ее глаза.

Я останавливаюсь, неторопливо приветствую ее, затем не спеша ухожу.

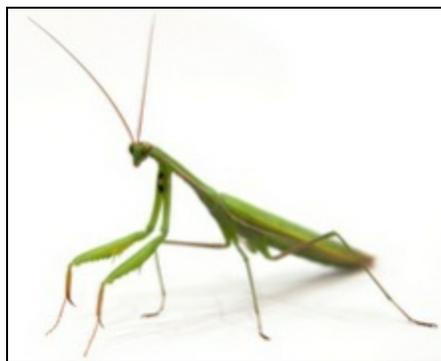
Хлопает дверь.

Вьются стрекозы, красотки беспечные,

Плакать одной из них, плакать...

Сегодня вечером она станет вдовой.

Богомол

Над кварталом Мон-д'Ор день сменялся ночью.

Милош ехал осторожно. Большой любви между ним и автомобилем не наблюдалось. Водить он терпеть не мог. Тем более ему не улыбалось вести машину в такое время и по таким узким склонам. На повороте фары осветили табличку «Сен-Сир-о-Мон-д'Ор» Легендарное место для молодого полицейского — здесь находится Высшая национальная школа полиции [8].

Задумавшись, Милош вздохнул: может быть, он поступит туда в один прекрасный день.

— Если ты этого хочешь, то обязательно добьешься.

Он нахмурился, не понимая.

— О чем вы, патрон?

— О твоём поступлении в ВНШП. Ты мечтаешь стать комиссаром, не притворяйся, я слышала, как ты вздыхаешь.

— Я изучал право только два года, пришлось бросить из-за проблем с деньгами. Трудно будет попасть туда с таким маленьким багажом.

— Да перестань! Я видела твой послужной список, Милош, у тебя была цель, ты смог получить гражданство, ты доказал, что умеешь выживать, у тебя превосходные оценки.

— Э... Вы говорите об учебе в Мелёне?

— Да, о твоей решимости блестяще учиться в школе подготовки полиции. Ты не сдался, показал себя бойцом, вот почему я в тебя верю. Ты научился драться, сопротивляться, побеждать. Не сворачивай — и у тебя все получится.

«Рено» проехал рядом с церковью Сен-Сира. Школа полиции стояла вплотную к колокольне, касаясь ее крыши. Милош увидел, как она осталась позади, освещенная пламенем заката.

«Клянусь, я поступлю туда, зайду с главного входа. Не так, как в Мелён, куда пришлось пролезать: меня приняли благодаря закону. Девять месяцев подготовительного курса — и молодежь из низших социальных слоев может попытаться там счастья. Мне улыбнулась удача — я вышел оттуда лейтенантом. И этот новый шанс не упущу. Арсан предлагает потрясающую возможность, несмотря на мою анкету. Или, скорее, благодаря анкете. На Святом Писании я торжественно клянусь, что не разочарую шефа».

Милош не произнес больше ни слова, лишь мысленно возносил небу молитвы как искренне верующий.

Антония заговорила снова только после того, как машина выбралась из лабиринта

лесов, деревень, полей, камней, позолоченных закатом.

— Тормози, приехали.

Милош прищурился. Зрение его падало, он боялся, что придется носить очки. Напрягала эта тема всерьез: пополнить армию очкариков и делать то, что им поручают — не лучший вариант для карьеры.

— Я вижу только стену, патрон.

— Длинной шестьсот метров. Обширное поместье, правда?

— Черт возьми! У Бонелли водились деньги.

— Завелись, когда он с других стал сдирать шкуру.

— Представляю себе... Вы хорошо его знали?

— Не просто хорошо — наизусть. У Матье был полный набор, чтобы нравиться: член мафии, контрабандист, рэкетир, убийца... Дважды его брали, дважды отпускали, я до сих пор в бешенстве.

— Могу предположить, что у него были хорошие адвокаты.

— Вернее, люди, которые давали показания в его пользу... Дружки... Убийцы того же пошиба... Преступники, которых следовало бы повесить у всех на виду... Я готова заплатить за веревку.

Антония замолчала, еще раз мысленно пробежалась по своему плану, понимая, что он может отпугнуть молодого полицейского. «Если только...»

— Кроме способа смерти, он получил лишь то, что заслужил. На руках Бонелли было слишком много крови, чтобы его оплакивать. Что ж, баба с возу — на земле воздух почище будет... Мои слова тебя шокируют?

— Нет... Мои родители еще и не то говорили про сербских солдат.

— Видишь ли, Милош, вся беда в том, что на свете развелось слишком много мерзавцев, озверевших и неприкасаемых, как он. В наших обстоятельствах ты с ними быстро познакомишься.

— Что вы подразумеваете под обстоятельствами, патрон?

— Что после смерти Бонелли стервятники захотят занять его место, начиная с того типа, кто его убрал. А корсиканцы суровые ребята, они не позволят себя побрить. Я обещаю тебе горячие денечки. — Еще один аргумент — и все, возможно, срастется. — То, что я собираюсь сделать, должно остаться между нами. Мой приемчик не фигурирует в полицейских учебниках.

— Если только это законно...

— Почти, такое не очень жалует уголовный кодекс. Но когда ведешь войну, нужно уметь его обходить: я запущу утку. Все, что я прошу — подтвердить мои слова. А потом молчать об этом в тряпочку. Я могу на тебя рассчитывать?

Прошло время — восемь секунд, которые показались ей вечностью.

«Прикрыть жульничество? Незаконное действие, которое не преподавали в школе? Заманчиво... Почему не обучиться ему? Вперед! И наплевать на передраги, бог меня сохранит».

— ОК, патрон, я с вами.

Антония выдохнула, последняя деталь плана стала, наконец, на место.

«Меньше, чем через шесть месяцев, красавцы мои, или меньше, чем через шесть дней, я загрызу вас всех. Жак сказал: ты отбудешь с блеском!»

В конце проезда машина остановилась перед величественным входом, позолоченные

решетки которого охраняли двое мужчин. Один — высокий, здоровый и уродливый. Другой — уродливый, здоровый и высокий. Бойцы-близнецы. Первый, карикатура на человека, подошел, поводя плечами. Нагнулся, узнал Антонию.

— Комиссар, — пробормотал он сквозь зубы вместо приветствия.

— Добрый вечер, дорогуша, доложите Иоланде, что я хочу с ней поговорить. Передайте, что я приехала из Макона, она поймет.

Громила кивнул, отошел, чтобы вынуть сотовый, деликатный, как кабан-бородавочник. Пока он звонил, Антония вполголоса сказала Милошу:

— Иоланда вышла за Бонелли, когда ей было двадцать. А ему вдвое больше. В то время он уже весил центнер. Женитьба по большой любви.

— Должен ли я понимать, что он принудил ее к браку?

— Нет, это она поймала его в ловушку: родила ему сына. Как ты думаешь, почему я называю ее богомолем? Иоланда сумела добиться своего. До этого она была танцовщицей в одном из его клубов.

— Вы имеете в виду, стриптизершей?

— Если хочешь, исполнительницей танцев в голом виде. Настоящая красавица. Матье облизывался при виде ее сисек. Она не смогла сопротивляться такой искренней страсти.

— Да, чертовски романтично... Кем стал их сын?

— Корсиканцем, как и отец. Бонелли назвал его Тино — Наполеон слишком тяжело выговаривать ^[9]. Тино двадцать восемь — ни волоска на черепушке и зубы акулы. Проблема акул в том, что у них нет мозга. Ему-то я и запущу утку.

Тем временем кабан получил распоряжения. Убрал сотовый, дал знак собрату открыть решетку, проследил, чтобы за полицейскими не проехала никакая другая машина, и скрепя сердце пропустил их в поместье.

Несмотря на темноту, Милошу удалось оценить гармонию парка. У самой земли лампы освещали идеально подстриженный газон. Заросли тюльпанов, увядших от холода, окружали беседки. Дорожку из гравия обрамляли пальмы, напоминая о Корсике. Аллея вела к огромному особняку в стиле Луи-Филиппа, перед которым стоял десяток автомобилей. Повсюду гориллы напряженно следили за подходами к дому.

— Клан потеет, и крупными каплями, — издевательски заметила Антония. — Идет военный совет.

— По вопросу наследования?

— Нет, империя переходит к принцу, все принадлежит Тино. Его маршалы помогают ему найти убийц отца. Нам не следует с ними сталкиваться, Иоланда примет нас в отдельной комнате.

Опыт есть опыт: Антония не ошиблась. Как только они вышли из машины, на пороге черного хода появилась женщина. В брюках, свитере, обтягивающем грудь, в полумраке она казалась красивой. Совершенно недостаточное в действительности определение. Милош подошел поближе, и глаза у него полезли на лоб, а в трусах забегали мурашки.

«Платиновая блондинка, лицо ангела, тело кинозвезды, нет, этой женщине не может быть сорок восемь! Или господь бог разучился считать! На кого же она походила, когда ей было двадцать? На древнеримскую богиню или греческую статую? Святая Бригитта, какая пластика! Понимаю, отчего Корсиканец запал на ее формы».

— Добрый вечер, Антония, я ожидала твоего визита.

— Тягостного визита, поверь. Не спрашиваю, плакала ли ты — вижу это по твоему

макияжу.

В первый момент Милош был шокирован таким обращением. Однако потом он сообразил, что обе женщины были на «ты» с незапамятных времен. Принимая во внимание их возраст, они должны были знать друг друга со времен диско.

— Представляю тебе моего помощника лейтенанта Машека.

— Извините, лейтенант, если я не говорю «очень рада».

— В данных обстоятельствах вы вправе уклониться от любезностей. И я приношу вам свои соболезнования.

Антония была довольна: Милош имел понятие о правилах приличия.

Сохраняя непроницаемый вид, Иоланда увела гостей подальше от заседания первых лиц клана. Проходя комнату за комнатой, Милош получил возможность оценить величие декора. Вернее, растерянный от недостатка культуры в области искусства, без толку поглазнул на него на ходу. По крайней мере, он понял, что на убранство дома пошли немалые деньги. Полотна в стиле барокко, ценность которых он не мог определить, старинная мебель, которую он вряд ли мог себе представить в своем жилище, свидетельствовали о тугой мощи владельцев.

Будуар, в который он вошел, не выбивался из общей роскоши особняка. Вот только обстановка показалась ему более современной. Милош пожал бы плечами, если бы ему назвали создателя этой мебели. Имя Мажореля ^[10] ничего ему не говорило. Равно как и подписи на полотнах. Он ничего не знал о школе символистов. Равно как и о живописи вообще. Находящиеся в комнате люди в трауре интересовали его куда больше.

Два ворона с искалеченным печалью взглядом.

Более молодой — плотный, нервный — вертел в пальцах пулю. По его бритой голове Милош понял, что перед ним Тино.

Второй — постарше, лет шестидесяти, худой как щепка, постоянно скрипел зубами. Неизвестное лицо. Милош гадал, что тот здесь делает.

Ответ пришел от Иоланды.

— Я попросила сына присутствовать при нашей беседе. Не возражаешь, Антония?

— Правильно сделала, так мы сэкономим время.

— Думаю, ты знаешь его крестного отца Батиста Чеккальди?

Старик закатил глаза, показывая, что ответ очевиден.

— Ты шутишь? Между мной и этим господином — бездна страсти.

Смеяться над шуткой было бы опасно. Чувствовалось сильное напряжение, и Тино, ощущая новообретенную власть в полном объеме, резко бросил:

— Вам не поручали это дело, комиссар, у вас нет ордера. О чем вы хотите с нами говорить?

Милош напрягся, пораженный тоном бритого.

«Плохое начало, Арсан сейчас выставят за дверь».

— Я видела, как ты появился на свет, Тино, мы с твоей матерью давние подруги. Мне не нужна бумажка с печатью, чтобы разделить ваше горе.

— Рассказывайте кому другому! Вы ненавидели отца.

— Ты слишком спешишь, Тино, я думаю о вас обоих. И потом, выбрось из головы, что я ненавидела твоего отца. Когда закон потребовал от меня упрятать его за решетку, я сделала это без всякой радости. Когда правосудие освободило его, я уважала его права. Будь честен, пожалуйста: ты видел, чтобы я доставала его после выхода из тюрьмы?

— Нет, признаю.

— В таком случае попробуй допустить, что я говорю искренне. К тому же нахожусь здесь в частном порядке. То, что я скажу, не должно выйти за пределы этой комнаты.

«Неплохо исполнен номер «Большой секрет», Арсан снова берет инициативу в свои руки».

— Я тебе верю, Антония, я всегда тебе доверяла.

— Спасибо, Иоланда, хотя бы один голос в мою пользу.

— Лучше выкладывай напрямую, ты не кандидат, а мы не на выборах: что ты хочешь нам поведать о смерти Матье?

— Я хочу сперва знать, что вам сообщили по телефону.

«Иоланда колеблется, Тино берет слово. Можно считать, что Арсан его переубедила».

— Мало что. Рано утром один тип из криминальной полиции позвонил и известил о смерти папы. Я сказал, что хочу видеть отца, но это, похоже, повергло того полицейского в замешательство. Он посоветовал дождаться, пока его не приведут в нормальный вид.

— Ничего больше?

— Нет, он еще сообщил о смерти Ромена. Из его слов я понял, что их застрелили. По словам того типа из полиции убийца — сумасшедший. Вот и все, пришлось довольствоваться этими сведениями.

«Вау! Арсан выпрямляется, чувствую, что сейчас стану свидетелем великой минуты».

— Ну что ж, он солгал тебе, Тино. Ромен погиб мгновенно, это верно. А твой отец подвергся настоящей пытке: его сожгли заживо.

«Крики, плач, стенания! Лица искажены, слезы льются ручьем, Арсан рассказывает без уверток и колебаний. Не скрывает ничего — ни распятия, ни мучений Бонелли. Иоланда рыдает, Тино судорожно тискает свою пулю, старик скрипит зубами, Арсан выкладывает все — пламя, вопли, агонию, затем поворачивается ко мне, призывая в свидетели».

— Матье не заслуживал такой смерти. Мой помощник в шоке до сих пор. Ведь он видел это! Правда, лейтенант?

— Так точно, у меня нет слов, чтобы описать его мученический конец.

— И что, по-вашему, его убил сумасшедший? Вы шутите, лейтенант?! — вскидывается Тино, обливаясь слезами.

— Я этого и не говорил. Вы думаете, что такое преступление может совершить выживший из ума? Я — нет.

— Тогда кто?

— Люди, которые вам завидуют и которым вы мешаете. Но вот кто именно?

«Дело за Арсан, пусть закончит свою мысль, они внимают, полностью в ее власти».

— Хмм... Армяне держат торговлю. Русские — финансы. Китайцы — свой рис... Не думаю, что они зарятся на ваш бизнес.

— Он совершенно легален, комиссар. Мы управляем барами, клубами, пиццериями и не укрываем от государства ни гроша.

— Да ладно, Тино, налоговая вас грабит — это старая песенка. А если вернуться к расчетам, остаются турки и евреи.

— Вы говорите о Рефике и Вайнштейне? Смешно! Первый сидит на жратве, второй — на недвижимости. У каждого своя специализация.

— Да, но сейчас кризис. Продажи продуктов упали, строительство идет ни шатко ни валко, надо развиваться или уходить с рынка. Заметь, я никого не обвиняю. Простая рабочая

гипотеза. Все, чего я желаю — упрятать убийцу за решетку.

«Тино и старик обмениваются черными взглядами. Нет нужды в гадальных картах, чтобы предсказать будущее. К Турку и Еврею пожелают гости. ОК, я срисовал тактику: нужно лишь следить за ними, они приведут прямиком к виновному».

Черный таракан

Вечер понедельника, дружеская встреча, партия в бридж.

Флоранс никогда их не пропускает. Прекрасная возможность надеть одно из своих красивых платьев, черную бурку и побрякушки. Она уйдет через пять минут, ровно в восемь, вернется очень поздно. Светская жизнь чрезвычайно беспокойна, семейство Брибаль совершенно ею поглощено. Ротари-клуб, Клуб путешествий, Французский благотворительный фонд — они коллекционируют членские билеты. И только бридж их разлучает. Вместо того чтобы делать ставки на повышение в тесном кружке, мсье остается дома и обедается нотами. Мадам терпеть не может оперу. И вот, как только жена его покидает, он потребляет их вволю.

Так и есть, ворота открываются.

«Мерседес» с включенными фарами выезжает во влажный вечер Ниццы.

Давай же, стрекоза, наслаждайся своими нарядами, завтра ты будешь носить траур.

Вот она исчезает в конце темной улицы.

Меня же укрывают деревья. Никто здесь не ходит, этот уголок служит лишь для оживления асфальта. Я могу доверять сохранение моей тайны сени ветвей, присутствие мое здесь всегда незаметно, да и одеяние мое сливается с декорацией — черное на черном, как на картине Малевича.

Идти мне недолго, собственность Брибалеи находится в ста метрах отсюда.

Но терпение, вдруг мадам еще вернется. Забыла кольцо, к примеру. Такое уже случалось. В ее мире не играют в бридж без бриллианта на пальце. А потом следует дать время и таракану. Я знаю, что он приготовит себе поднос закусок, принесет его в гостиную, поставит диск, сядет слушать — всегда в одном и том же кресле, спиной к входу. Я подойду к нему со стороны кухни. Хозяин не услышит меня среди вокализов оперной дивы и вдохновенного тенора. Разве только он слушает «Пеллеаса и Мелизанду». Но нет, Дебюсси не его конек — и эта погрешность против вкуса играет особую роль в данном случае.

Стрелки на часах продвинулись, нет нужды ждать дольше, мадам не вернется.

Мимо проезжает автомобиль, я отступаю, пропуская его, прежде чем подняться вверх по улице. Глупый рефлекс! Совершенно необходимо, чтобы меня заметил кто-нибудь. Любой уважающий себя серийный убийца обязан оставлять следы. Эти больные люди жаждут общественного признания. Я другое дело, я не убиваю, повинуюсь импульсу — я убиваю во имя моего белого камня. Но полицейским нет нужды о нем знать, я хочу, чтобы они возвели меня на престол в клубе великих психопатов. И именно с этой целью снова стараюсь, чтобы меня засекли.

В мою сторону как раз двигается автомобиль. Я подхожу к обочине, поправляю очки. Водитель притормаживает, смотрит на меня, резко жмет на газ, уезжает. Бинго, есть свидетель! Сможет меня описать: «Раввин, господин комиссар, с большой сумкой». Хотя,

конечно, он не сумеет сказать, что в ней было: револьвер и две канистры бензина.

Вилла Брибалея передо мной. За то время, что я наблюдаю за ней, она изучена до последней черепицы. Сколько раз мне доводилось преодолевать ее ограду? И не упомню. Мои глаза следили за тараканом из глубины сада. Ритуал понедельника облегчил задачу. Сегодня памятная дата, мсье оплатит поминальные свечи — своими страданиями.

Как беспечны бывают люди! Брибали начинили свой дом системами безопасности, не упустили ни одного гаджета. При малейшем подозрительном движении взвывает сирена тревоги, чем пользуются все соседи. Снаружи, вдоль тротуара вилла оснащена, чем только можно. Камера на воротах, парк окружен толстой стеной. Высота ее приведет в уныние воров, но с обратной стороны, выше по улице, крутой, как склон горы, ограда значительно ниже. Причиной тому географическое положение квартала: эта часть Бометт расположена на вершине холма. Будь я на месте Брибалея, верх стены в этом уязвимом месте украшала бы колючая проволока. Они об этом не подумали. Тем лучше для меня, через эту брешь я постоянно проникаю в их владения.

Несмотря на возраст, я в хорошей физической форме. Мое тело подготовлено к мести: бег и плавание поддерживают мускулы в тонусе. Влезть на стену для меня — детская забава.

Спрыгиваю внутрь сада, выпрямляюсь — все в порядке — утираю пот...

Как всегда, двигаюсь короткими перебежками, от мандариновых деревьев к фиговым, от лимонных к кустам мимозы, и так до столетней пальмы. Стратегическая пауза: отсюда хорошо видна вся вилла. Шторы не опущены. Гостиная залита приглушенным светом, таракан слушает «Риголетто» в полном восторге. Развалившись в низком кресле, вдали от насмешек, закрыв глаза, он отбивает такт, как болван. Судя по тому, что я слышу, дегустирует третий акт. Гениально! Верди облегчит мне задачу: я знаю, в какой момент застать свою цель во всей красе.

«Un di, se ben rammentomi». Маддалена флиртует с герцогом. До моего появления остается четыре сцены.

Но надо торопиться, герцог уже поет «Bella figlia dell'amore».

В кухню ведет аллея с гудроновым покрытием — удобно расположена для того, чтобы разгружать покупки. Само собой, дверь на запоре. К несчастью для Брибалея, я знаю, как ее вскрыть. Самообучение, книги и инструкции заменили наставника. Имея специальное «образование», я окидываю скважину замка профессиональным взглядом. Тут используется зубчатый ключ. Следовательно, цилиндры замка отпираются отмычкой при помощи электрического пистолета. Под воздействием вибрации штифты соскакивают, система подается, остается только открыть дверь. Операция длится несколько секунд. Это почти как произнести «Сезам, откройся!».

Такой инструмент не продается в гипермаркетах, но это второстепенная проблема, собрать его способен и ребенок. Моя отмычка изготовлена собственными руками. И работает лучше некуда — опробована заранее.

Вот, я цепляю отмычкой ригель. Децибелы нарастают, Риголетто убеждает меня поторопиться: «Venti scudi hai tu detto?». Он прав, развязка приближается.

Великолепно! Электрический пистолет выполняет свою задачу со сверхзвуковой скоростью. Даже жаль, до чего все просто. Но не жаловаться же на это! Самое главное, что я на месте.

Потрясающая кухня! Ощущение, что находишься в лаборатории. Все, включая машинку для открывания консервных банок, приводится в действие касанием пальца. Ладно, хватит

исходить завистью. Я прячусь возле холодильника. Кто знает, Брибаль может прийти за стаканом воды.

На улицах Мантуи история стремительно развивается: Мадалена умоляет Спарафучиле не убивать герцога. Мне осталось сделать совсем немного — и уже таракан будет умолять меня сохранить ему жизнь.

«E amabile invero cotal giovinotto».

Джилльда слышит их разговор. Ее молитвы сливаются с решением Спарафучиле и Мадалены, мощь оркестра нарастает. Минута наступила, я вхожу в гостиную.

Какое убожество, кошмар! В этой буржуазной роскоши все помпезно и претенциозно: картины, безделушки, обстановка. Оскар за самый плохой вкус, мадам повесила шторы с розовыми помпонами. Стоит дорого, выглядит безобразно.

Сидя в кресле, таракан с блаженным выражением на лице изображает Тосканини [\[11\]](#).

Соло на флейте — он взмахивает воображаемой палочкой.

Трели альты — я врываюсь, держа ствол в руке.

Удар тарелок — он в ужасе вздрагивает.

Fortissimo — я стреляю.

Окровавленная рука падает, голос дрожит от ужаса:

— Ааа!!! Вы сумасшедший! Что вам надо?

Второй выстрел — вторая рука в клочки.

Вопит — жалкий глагол. Брибаль лает, как свора собак. Боль невыносимая, пот заливает лицо, тощее тело корчится в кресле. Любопытно, из головы вон, что он ростом под два метра. Ни дать ни взять Валентин Бескостный [\[12\]](#).

Пытаясь сохранить достоинство, он поднимается мне навстречу. Я позволяю ему это сделать: не придется тащить его на ковер. В этот раз разряжаю обойму в его ноги. Таракан катается по полу, надрываясь от крика, не забывая осыпать меня проклятиями между хрипами. Пусть проклинает, сколько хочет, я не верю больше в дьявола.

Пока он ревет, Риголетто слышит пение герцога. Потрясение! «La donna e mobile» ошеломляет его: как, этот соблазнитель все еще жив?! Тогда чье же тело находится в мешке, который он собирается сбросить в реку?

Несчастный отец обнаруживает в нем Джилльду. Ад и проклятия, Спарафучиле зарезал его дочь!

А таракан сменил репертуар. Он больше не оскорбляет меня, звучит речь защитника, словно в суде. Нет человека, который бы любил евреев так, как он. Он восхищается Израилем, кибуцами и Эйнштейном! Эта история — какая-то ошибка, моя рука ошиблась мишенью.

Я не отвечаю, он тоже подойдет в неведении.

«V'hoingannato»... Риголетто прижимает к себе дочь. Невинная жертва агонизирует. Шут плачет, бичует себя, просит у нее прощения.

Сотни раз звучал этот отрывок во мне и для меня.

Он исторгает у меня слезы.

Риголетто — это я...

Поставим точку. Аккорды Верди прекрасно подойдут для заключительной сцены.

Бензин воняет смертью...

Я обливаю таракана. Как и клещ, он понимает, что я сожгу его живьем. Впадает в панику, умоляет, я слышу повторяющееся «Пощадите!». Странно, что он знает о

существовании пощады, сам он никогда к ней не прибегал.

Джильда умирает. Опера оканчивается криком Риголетто: «Проклятие!».

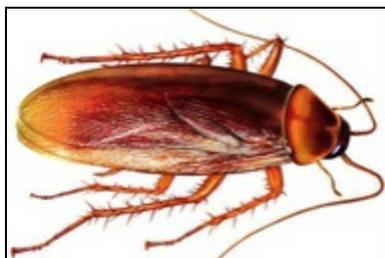
Его я и жду, чтобы швырнуть свой «Зиппо».

Таракан вспыхивает. Последние вопли. Огонь мгновенно распространяется по гостиной: оплавляются картины, занимают розовые помпоны.

Ite exsequiae est. Конец погребальной службе, идите с миром.

Моя машина припаркована внизу квартала Бометт. Я сажусь в нее с легким сердцем.

Прусак

Площадь Часов, которые никогда не бьют. Жаль. Если бы били, двенадцать ударов заглушали бы крики отчаяния людей, позабытых ангелами.

Полночь — благословенный час забулдыг без семьи, которым алкоголь помогает изрыгнуть существование, лишенное любви.

Полночь — проклятый час для тех, кто ложится в постель один на один с самим собой и говорит, что все загублено.

Полночь — час начала следующего дня, похожего на предыдущий, наполненный тревогой и валиумом.

Полночь — нулевой час, пустота звездных суток, словно небытие жизни.

Полночь, полночь, полночь...

«Полночь — картина, затемненная нашими неудачами... А еще время, когда прусаки выползают из своих щелей. Ни один закон не мешает блюстителям порядка охотиться за ними... до того дня, пока не возникает новый, ограничивающий преследование. В стране, которая поливает грязью свою полицию, можно ожидать всего».

Тассен, пригород Лиона. Сидя в засаде в «рено» напротив местного бара, Антония снова и снова возвращалась к своим невеселым мыслям.

«Термин «реакция» был введен санкюлотами [\[13\]](#). Реакционерами они называли дворян, противников изменений. Фашисты, те хотели, чтобы в умах людей жила одна-единственная мысль. В демократах они видели опасных людей, отклоняющихся от верного пути. Голоса несогласных заглушались огнем и мечом: разъяренное человеческое стадо слышало только свой голос».

— Патрон, посмотрите, в баре какое-то движение.

Антония знаком показала, что заметила.

«Если следовать логике и называть вещи своими именами, наше общество стало реакционным и фашистским: оно держит меня на коротком поводке и затыкает рот... Запрещено вести расследование за границами своей территории! Ослушаюсь — мне перебьют ноги. Запрещено критиковать официальный гуманизм! Выскажу мысль, противную политике блаженных сторонников социальных прав — на мне поставят клеймо стервы. Косность и догматизм — вот что вскармливает предписанную толерантность. Думай, как все или проваливай! Хотелось бы мне знать, где обитает демократия в стране, отупевшей от ангельской пропаганды».

— Патрон, дверь открывается, это, возможно, наш клиент.

Нет, не он. Надо подождать еще немного.

«Мои методы называют нечестными. Но если реформа провалилась и это отказываются

признать — не гораздо ли это хуже? Я говорю не только о смертной казни, но и о законах, которые парализуют работу полиции. Нам и своих хватало, а теперь еще и свалились на голову указы из Брюсселя! Пфф! Европейский комиссар, которого никто не избирал, знает ли он, как страх пожирает тебя изнутри? Как свистит пуля? Погибает товарищ? Нет! Окопавшись в своем кабинете, он не рискует быть пристреленным. И к тому же получает в пять раз больше моего».

Огни бара погасли, взгляд Антонии стал жестче.

«Полицейский! Сегодня нужно быть святым, чтобы выполнять эту работу. К сожалению, преступники этим качеством не отличаются, кретины-правозащитники, похоже, об этом забывают. С теми процедурами, что они нам вешают на шею, у адвокатов не жизнь, а малина. А бандиты радуются: достаточно плохо подписанного протокола, чтобы их отпустили. С меня хватит! Чаша моего терпения переполнилась! Наплевать на методы, убийцы должны заплатить за свои преступления, точка, проповедь окончена, аминь!»

— Думаю, на этот раз он, похож на фото.

Не нужно и приглядываться, комиссар узнала Антона Йозевича.

Худой, как червяк, бритая голова скинхеда. Антон прощался с друзьями хриплым голосом: вино и курево сделали свое дело со связками. Он нелепо шатался из стороны в сторону, пьяный, плохо одетый, в куртке из дрянной кожи.

— Подожди трогаться, прихватим его внизу улицы.

— В том гадюшнике? Он же обделается со страху.

— Я бы сильно удивилась, он легко подстраивается под ситуации. Самое трудное — вывести его из равновесия, я тебе объясняла, как это сделать.

— Не беспокойтесь, патрон, я знаю свою роль наизусть.

— Давай строго по тексту. Этот тип как прусак — подбирает и переносит все, что услышит, даже если ничего и не выгадает. Он себя самого продал бы с потрохами, если бы за его голову была назначена награда. Проблема в том, что он сочиняет на ходу — привирает, преувеличивает. Мне бы не хотелось, чтобы он нафантазировал, придерживайся нашего сценария.

Антония скрывала от Милоша часть правды и в глубине души злилась на себя за это. Антон был не просто доносчиком, двадцатым ножом у Турка — он был педофилом и вдобавок убийцей. Комиссар столкнулась с ним еще до службы в БРБ. В Герлане нашли труп девочки, избитой, изнасилованной и зарезанной. Все указывало на серба. Но виновность подтверждалась только сумбурными показаниями одного обкурившегося наркомана. Невозможно было провести и анализ ДНК: кожа жертвы, погруженной в цистерну бензина, растворилась под воздействием сольвента. За отсутствием улик Антон был отпущен на свободу. Негодуя, Арсан поклялась себе, что получит его голову, и, дав клятву, выжидала удобного случая.

«Но в конечном итоге, — оборвала она себя, — Милошу и так есть за что его ненавидеть. Одного происхождения довольно, чтобы букашка «расписал» его по-хорватски. Он уже предвкушает удовольствие».

— Включай зажигание, Милош, он наш.

Сказано — сделано, машина поехала вниз по улице. Пустынная, усеянная старинными домами, улочка несла на себе особый отпечаток, в духе Эжена Сю. Она выглядела так, что хоть сейчас можно было снимать «Парижские тайны» [\[14\]](#). Однако действие происходило близ Лиона, в XXI веке: молодой лейтенант резко затормозил в трех шагах от прусака.

Как планировалось, комиссар осталась в салоне — самое главное, Антон не должен был ее увидеть — а Милош выскочил из «рено».

Быстро (с большой буквы Б), пистолет наизготовку, он усмирил серба:

— Руки в стену, ноги шире и не дергайся.

— О! Чего ты хочешь?

— Сначала посмотреть, нет ли у тебя пушки.

Ответ немного успокоил Антона. Во-первых, он означал, что будет диалог, и, похоже, этот соплик не собирался его убивать. Иначе прикончил бы, не шаря по карманам. Йозевич перевел дух, вернулась наглость:

— Кончай лапать, это меня возбуждает. Оружия нет.

— А это что, не нож ли с выкидным лезвием?

— Открывать устрицы, у нас же месяц с буквой «р» [\[15\]](#).

Арсан предупреждала: прусак подстраивается под любые ситуации.

— Так, поворачивайся, надо поговорить.

— О чем, братишка? Что ты хочешь услышать?

«Правило первое, главное и единственное: этот козел должен меня уважать».

Авторитет следовало подкрепить резким мастерским тычком. Кровь брызнула из носа серба.

— Начнем с «вы», терпеть не могу, когда мне тыкают.

Йозевич ошарашено кивнул, зажимая рукой ноздри.

— Раз понимаешь это, добавляй «капитан».

Антон дышал с трудом. К пропитому голосу и славянскому акценту добавились и потерпевшие аварию согласные:

— Бадамушта вы из балиции?

— Да, братишка, из БРБ.

— Какие ко бде вопросы, де понимаю, что вам дадо.

— Слушай сюда: Матье Бонелли — холодный труп со вчерашнего вечера. Вернее, горячий труп: его сожгли заживо в поезде.

— Де может быть!

— Может! Ромена Гарсию прикончили вместе с ним.

— Черт, и Ромена!.. Кто, вы в курсе?

«Эта рыбешка ничего не знает. Тем лучше, будет легче его подковать».

— Есть одна идея: Рефик или Вайнштейн.

— Вы шутите?

— Нет, и Тино Бонелли тоже не шутит. Мы с ним встречались, он убежден в этом.

— Он сильдо ошибается, Рефику плевать да корсиканцев.

— Ты работаешь на Турка, может быть, слышал, как он приказывал убрать?

— Дет, ди фига. Повторяю: Рефик чист.

«Пора наживлять крючок, он готов клюнуть».

— Раз это не он, значит, кто-то другой. Если, конечно, Рефик не держит тебя в стороне от своих дел.

— Я в деле... С чего он должен держать беда в стороне?

— Ты не турок, даже не мусульманин... Понимаешь, куда я клоню?

— Нет.

— Ладно, выкладываю карты: мы знаем, что Рефик — хозяин местной турецкой мафии.

Еще знаем, что он близок с «Серыми волками» ^[16]. Ты неходишь в братство, плевать ему, если тебя шлепнут. Если надо кем-то пожертвовать, ты первый в списке... Сечешь фишку?

— Смутно, продолжайте.

«Все точь-в-точь по плану, я тебя не разочарую, тупица».

— Так, внимание, разберем, как школьную задачку: если бы доказали, что Рефик убрал Бонелли, что сделали бы корсиканцы, как думаешь?

— Постреляли бы всех, как на бойне.

— А ты защищал бы своего босса, если б узнал, что ему плевать на твою шкуру?

— Я бы послал его подальше.

— Вот почему Рефик тебя и не приближает, возможно. Скажем, в его интересах держать тебя в неведении.

— Типа, чтоб я его защищал, если дойдет до пальбы?

— В яблочко: чтоб ты служил ему пушечным мясом... Гипотетично, но логично...

— Паршиво, если это де только гипотеза.

«Славно, он клюнул на крючок, осталось подсечь».

— У вас должда быть серьездая причида, чтобы бде все это рассказать.

— Просто колоссальная: нам бы не хотелось подбирать ваши ошметки на улицах. Еще меньше — ошметки жертв, которые здесь сбоку припека. Слушай, мой тебе хороший совет: прощупай территорию вокруг и дай мне знать, если она заминирована.

— Я де стукач, друзей де сдаю.

— Ты ошибся направлением, я думаю о Вайнштейне.

— Еврей? Вы его бодозреваете больше, чем Рефика?

— Фифти-фифти, что оставляет шанс твоему приятелю.

— Вайнштейн... Как же я должен за него взяться?

— Прежде чем переметнуться к Турку, ты же оказывал ему кое-какие услуги. Сходи подлижись, поговори о Бонелли, увидишь его реакцию.

— Что я с этого буду иметь?

«Готово, он пойман. Сматываю удочки и отчаливаю...».

— Ты выиграешь по всем ставкам. Если почувешь, что Вайнштейн поднес огонь к запалу, скажешь Рефику и заработаешь его уважение. В противном случае Еврей тебя снова примет к себе. И еще спасешь свою шкуру, и я буду тебе очень признателен. Ну, а также возьму убийцу и повяжу корсиканцев. Честная сделка, верно? И пока не началась заварушка, подумай о моем предложении.

— Хм... Я даже де здаю вашего имени.

— Нанси, как город, капитан Мишель Нанси. Но мы с тобой до этого не встречались, поэтому визитку не оставляю. Телефон БРБ есть в справочнике...

Пчела

Антония проспала пять часов. Впечатляющее достижение по сравнению с предыдущими ночами, жаловаться не на что.

Зачастую она спала лишь час. Лекарства давали все меньший эффект. Должно быть, они так и будут слабеть до того дня, когда она погрузится в глубокий сон без всякой помощи пилюль.

6:58. Что толку лежать в постели? Она встала, побродила по своей трехкомнатной квартире в Круа-Русс [\[17\]](#), окинула взглядом старую мебель, коллекцию насекомых, заметив, что Бернадетт смахнула с них пыль, включила телевизор и подошла к клетке.

Увидев хозяйку, Жорж радостно потянулся между прутьев.

Она взяла его на руки и почесала брюшко. Жорж обожал такие ласки, выпрашивал их, извиваясь от счастья — крыса-улыбка. Антония посадила его на подстилку, насыпала зерна в кормушку, проверила, есть ли вода в поилке, и, выполнив этот ритуал, опустилась на диван.

Сегодняшние новости были точной копией вчерашних. Покушения и теракты в Ираке совершались все чаще. По мнению аналитика, эта новая вспышка была ожидаемой. Предстоящие выборы вызвали брожение в умах избирателей. Число жертв очередного урагана в Океании составило триста человек. По мнению аналитика, феномен имел естественное происхождение. Глобальное потепление не оказало никакого влияния на данную катастрофу. В США одно за другим происходит выселение собственников жилья под протесты населения. По мнению аналитика, причиной послужила плавающая ставка по ипотечным кредитам. Можно было предвидеть, что она увеличится в случае спада в период кризиса. В пригороде Марсея во время досмотра автомобилей от рук угонщика погиб полицейский. По мнению аналитика...

Щелк!

Антония выключила телевизор, чтобы положить конец этим искажениям правды. Человек хладнокровно, сознательно убит, ничто не могло обелить действия убийцы. Он был полицейским, в каких-то объяснениях нужды не было. Кровь полицейского — это кровь мужа, отца, честного парня, защищавшего ближнего. Отморозок отнял его жизнь, на этом и должны закончиться все комментарии.

Так, слово за слово, комиссар принялась высмеивать современную манеру излагать новости. Для всего, что ни попадя, требовался комментарий эксперта, даже для детских сосок. Ладно! Но откуда брался этот эрудит? Чаще всего такой нахлебник объявлял публике, что недавно написал книгу — в издательстве «Что-то с чем-то», продажа во всех крупных книжных сетях. Откуда он черпал знания, делающие его мнение неоспоримым? Ну как же, он же написал книгу в издательстве «Что-то с чем-то», продажа во всех крупных книжных сетях. И вот, имея такое образование, власть, пожалованную средствами массовой

информации, эрудит вещал с ученым видом, цитировал страницы своего научного труда — издательство «Что-то с чем-то», продажа во всех крупных книжных сетях — и удалялся, а никому и в голову не приходило проверить его выкладки... полученные из рапортов людей без научных званий, которые в поте лица делают реальную работу.

Последний комментатор тоже не изменил правилу: «Погибший полицейский должен был...». Чтобы не поддаться искушению расколотить экран, Антония оборвала его речь. Критика действий полиции стала прямо-таки спортом. Она этого не выносила.

Ухх!

Спазм снова возник в самый неожиданный момент. Антония стиснула зубы, привычно переживая приступ. Тянувшая боль опаляла живот, будто внутренности осадила конница. Удары копьями сменились невыносимым страданием. В такие ужасные минуты Антония боялась самого худшего: что один из кризов случится в присутствии подчиненных.

Боль приутихла. Антония собрала вчетверо больше сил — вдвое больше уже было недостаточно — поднялась и после захода в туалет прошла в ванную.

Полочки аптечки ломались от пронумерованных баночек. Бесясь от названий медикаментов, большинство из которых содержало больше двенадцати непроизносимых букв — какой нормальный человек может вспомнить слово «декстропропексифен»? — она нанесла на упаковки порядковый номер, в котором их следовало принимать. Так, в первую очередь проглатывался У1, а заканчивался утренний прием пилюлей У5, которую надо было рассасывать.

Она забрала весь набор в кухню и совместила его, чертыхаясь, с чашкой кофе. Врач не советовал употреблять кофе, но, учитывая состояние кишечника, Антония плевать хотела на его науку.

Она даже сгрызла плитку шоколада, чтобы повысить настроение.

Затем, припомнив вчерашний киносеанс, признала, что он был неплох. Корсиканцы начнут причинять неприятности, а язык прусака послужит веревкой, на которой его и повесят: обычно наказывают именно через то, чем ты грешил.

Пальчики оближешь, объеденье, пир на весь мир!

И вечеринка только-только началась.

Придя в себя, Антония приняла душ, подкрасилась, элегантно оделась. Такой день, как сегодня, заслуживает всяческих почестей.

Прежде, чем выйти за дверь, комиссар погладила Жоржа, проверила, выключен ли свет, и, подбодренная обезболивающими, отправилась приводить в действие следующую часть плана.

На выходе из лифта на первом этаже она услышала звонкий голос:

— Добррый день, мадам Аррсан! Как ваши дела?

Бернадетт подметала холл. Антония ее обожала. Родом с Мартиники, Бернадетт приехала в Лион, чтобы заработать на жизнь и чего-то добиться, но все, чего добилась — место консьержки. Она впряглась в эту работу двадцать лет назад и никогда не жаловалась. Благодаря ей, как повторяла Бернадетт, ее дети ели каждый день. «И не только бананы», — добавляла она, смеясь.

— Хорошо, Бернадетт, а как ваши?

— Неплохо, жильцы не пачкают, не надо часто подметать... Как я рада, что энтероколит вас не беспокоит больше. Такая болезнь — не шутки.

Прибираясь в квартире комиссара, Бернадетт заметила лекарства на кухне. Чтобы

успокоить ее, Антония призналась, что страдает от заболевания кишечника... и попросила никому об этом не говорить: не очень женственная хворь.

— Правда, я бы с удовольствием обошлась без него. Но главное, что я все-таки могу работать.

— Да уж, работа у вас благородная. Помогаете людям, я просто восхищаюсь вами. И молю Бога, чтобы он хранил вас.

— Я тронута до самого сердца вашим добрым пожеланием, Бернадетт.

Все время разговора Бернадетт не переставала подметать. Настоящая пчелка. Антония смотрела на нее с теплым чувством. В миллионах ульев столько пчел нуждалось в защите. И столько негодяев хотели принести в их дом беду...

Убежденная в справедливости своего дела, Антония села в машину.

И, как в молодые годы, отправилась на дежурство в засаде.

Навозный жук

Паскаль Каршоз перечитал, чертыхаясь, статью, разъяренный сильнее, чем гризли, лишенный меда.

МОЛЧАНИЕ ПО ВСЕМУ МАРШРУТУ

Таинственный пожар в поезде Дижон-Лион

В воскресенье вечером в поезде Дижон-Лион огонь уничтожил часть вагона в хвосте состава. По всей видимости, пожар начался после Турню. Тревога была поднята на вокзале Макона. Пассажиры были сразу же эвакуированы, а немедленно прибывшие пожарные оцепили место возгорания.

Происшествие повлекло за собой серьезные опоздания поездов. Пассажиры были вынуждены продолжить путь в автобусах, предоставленных в их распоряжение. Движение было возобновлено в полном объеме лишь к полудню понедельника.

На вопрос о причине происшедшего дирекция железнодорожной компании не смогла дать ответа, ожидая результатов проводимого в настоящее время расследования.

Тем не менее, к всеобщему удивлению, дело ведет не только криминальная полиция.

В самом деле, в понедельник утром в Маконе для осмотра поврежденного вагона высадились БРБ Лиона в лице комиссара Арсан. Связано ли ее присутствие с исчезновением трех лиц? Ведь, что бы ни утверждали власти, к сожалению, неизвестно местонахождение двух мужчин и одного раввина. Со слов свидетеля, вызывающего доверие, они находились в сгоревших купе. Еще один свидетель утверждает, что видел, как раввин покинул вестибюль вокзала. Но, по его показаниям, двое мужчин там замечены не были.

С чем же мы имеем дело: с происшествием без человеческих жертв или со сведением счетов, которое закончилось таким печальным образом? Бодрящее присутствие на месте происшествия комиссара Арсан (смотрите нашу статью в выпуске за четверг) позволяет нам сделать самые различные предположения.

Мы позвонили в ее подразделение, однако не получили ответа на этот вопрос.

Так что же все-таки произошло в поезде?

Этого мы не знаем. Тишина по всему маршруту.

Камиль Гутван

Статью дополнял портрет Антонины. Гутван сыграл грязно: на фото она показывала язык. И с чего ей взбрело в голову назвать журналиста педиком? Да еще за этим оскорблением последовали словечки других полицейских. А парень злопамятен и не оставит ее в покое. «Плохо для бригады», — сокрушенно подумал Паскаль Каршоэ, офицер БРБ. В бригаде он руководил группой и, несмотря на склонность к крепкому словцу, поддерживал неплохие отношения с журналистом.

Чертова статья! Что еще за история с поездом? Он вышел из кабинета, намереваясь пролить свет на эту загадку.

Сорока лет, лысый, крепко, по-медвежьи, сбитый, Паскаль обращал на себя внимание издали. Да к тому же сегодня утром он был одет в желтый джемпер. Однако в общем зале, где работали подчиненные, никто не заинтересовался его появлением. Даже Одиль Манукян проигнорировала присутствие шефа. Ее рабочий стол находился рядом, ей и повезло попасть под горячую руку. За неимением под боком крепких бородатых мужиков выбор пал на нее — Паскаль ткнул газетой:

— Это что за дерьмо, бл...?!

Одиль (спортивный вид, короткая стрижка) была не из пугливых. Сохраняя полное спокойствие, она поудобнее устроилась в кресле, не собираясь обращать внимания ни на абсурдный вопль шефа, ни на его хронически-вульгарную манеру выражаться:

— Здесь нет таких — только девушки, которые трахаются бесплатно. В свободное от службы время, со своим парнем.

Паскаль сбавил обороты: его отбрили в его же манере.

— Хм! Прочти-ка это, есть от чего слететь с катушек.

— Не надо, уже.

— Что это за история с поездом? Знаешь что-нибудь?

— Да, Арсан действительно ездила в Макон, с того времени мы ее не видели.

— Что?! И с каких пор расследование ведет комиссар, а не подчиненные? Это не ее забота, черт возьми!

— Да ладно! Она посчитала необходимым выйти за пределы своих обязанностей.

— Недопустимо! Ты могла бы поставить меня в известность!

Одиль разозлилась не на шутку — достал!

— У меня не было на это времени, командир! Вчера вы были на выезде, приехали только что.

Паскаль опустил голову, признавая, что продолжать разговор в таком тоне было бы глупее некуда.

— Ладно, девочка, команду себе «отставить».

— Я могу принять это как извинения?

— Если хочешь, в виде исключения.

— Тогда вы получаете бонус: это я ответила на вопросы Гутвана.

— О! Только не говори, что это ты рассказала ему всю ту чушь!

Она покачала головой.

— Чтобы написать чушь, нужды во мне не имелось. Поди узнай, откуда он выудил инфу! Вполне возможно, все липа, этот тип — настоящее стихийное бедствие. — Щелчок в мозгу. Одиль округлила глаза. — Дополнительная подсказка только для вас: Милош сможет просветить, он ездил с шефом в Макон.

— Почему он?

— Потому что обслуживает нас, незаменим как шофер.

Паскаль захохотал, соглашаясь. Святозадый был обузой для бригады, такого нерешительного скромника следовало бы перевести на службу в деревню.

— А где он сейчас?

— В дальней комнате с уголовными делами и компом.

Уголовные дела! В честь чего? Парню на побегушках нечего рыться в архивах. Требовалось разъяснение. Раздраженный, Паскаль поблагодарил помощницу и побежал к архиву с твердым намерением таковое получить.

Дверь была закрыта. Он резко распахнул ее и, воплощенное оскорбление, в бешенстве ворвался в кабинет:

— Скажи-ка, мсье Придурок, что ты тут трешься?

Как всегда сдержанный и осторожный, готовый к тому, что его могут прессовать, Милош даже не вздрогнул. Улыбаясь шефу, он спокойно указал на кипу дел:

— Изучаю родословную наших клиентов, господин майор. В базе данных содержится не все, я делаю пометки, чтобы потом ее дополнить.

— Издеваешься надо мной? Кто тебе позволил ворошить это дерьмо?

— Позволил — неподходящее слово, Арсан мне приказала им заняться.

— Я хотел бы знать зачем?

— Матье Бонелли мертв, его убили.

— Что? Если это шутка, то не очень хорошая.

Уверенный в себе, Милош четко и ясно доказал, что о шутке не было и речи. Внимательный, знакомый с техникой нейролингвистического программирования [\[18\]](#), Паскаль видел, что ягненок уже не тот. Не прошло и трех дней, а эта шушера превратилась в тигра. Немыслимо! Метаморфоза его поразила. Как можно было так быстро преобразиться? Шестое чувство подавало сигнал тревоги, в чудеса Паскаль не верил. Парень не мог измениться сам по себе. Чтобы вести себя столь уверенно, за спиной должен стоять динозавр. Опытные антенны Паскаля улавливали верные сигналы: умению постоять за себя Милоша обучила Антония.

— Ладно, адьос, Бонелли, дело находится в юрисдикции криминальной полиции.

— Патрон так не думает, господин майор, и комиссар Думер тоже. Они склоняются к версии войны мафиозных кланов.

— Тогда я балерина. Профи убирает человека проще. Добрый день, ба-бах, пока! Шитокрыто, дело сделано быстро и хорошо.

— Возможно, вы же в этом эксперт. А моя задача — просто выполнять приказы.

Тон насмешливый. Паскаль не узнавал Милоша: тот никогда бы не позволил себе ответить так самоуверенно. Ненормальное отношение. Феномен занимал Каршоца, но он догадывался, откуда ноги растут:

— Арсан поручила тебе продвинуться дальше?

— Не понимаю вопроса, господин майор.

— Повторяю для глухих: эта мегера пообещала тебе косточку? Например, вести расследование?

— Нет, мне еще многому надо учиться, она на смех поднимет — зеленый новичок в такой заварушке. А еще... — Милош сделал глубокий вдох. — Меня шокирует, что вы называете своего начальника мегерой.

Прямая рискованная атака подкрепила интуитивную догадку Паскаля: Милош действительно работал под контролем Арсан, самого хитроумного спрута в полицейском море. Мозг немедленно подал ему сигнал: «SOS! Человек в опасности, нужна срочная помощь!» Арсан его разжует и проглотит. Что бы Паскаль ни думал о молокососе, вырвать его из щупалец пройдохи — прямой долг старшего.

— Мегера — богиня мщения! Почитай уголовный кодекс, мальчик, это не оскорбление.

— Но намерение у вас присутствовало. Почему вы ее не любите?

Заноза сидела глубоко, ее следовало вырезать. Ситуация требовала сохранять спокойствие, и Паскаль невозмутимо выложил перед Милошем одно досье из стопки за другим:

— Клан Бонелли... Турки... Вайнштейн... Большие друзья шефа... Странно.

— Забавная драма, я украду у вас реплику.

— Закрой варежку и слушай... Арсан пытается прихватить этих козлов много лет. Я даже скажу: отомстить им. Навязчивая идея, она хочет заполучить их головы. Но фашистке не фартит: гильотину сдали в музей, и слава богу.

— Вы против смертной казни?

— Безоговорочно, ярый противник этой средневековой процедуры.

— Даже когда убивают полицейского?

Паскаль испустил усталый вздох. Слишком явная приманка, даже не смешно.

— А равенство — это тебе чушь собачья? Полицейский — такой же гражданин, как и другие. Поверь, мальчик, если нас поставит над законом, с Республикой будет покончено. К тому же мы отгородим себя от народа, а предполагается, что мы его защищать должны.

Никакой реакции. Невеселый взгляд Милоша обескуражил Паскаля. Парень не разделял такую точку зрения и близко. Понятно, мегера провернула свое черное дело. Единственное средство все поправить — пошатнуть уважение, которое парень к ней испытывал.

— А ты знаешь, что Арсан прозвала тебя букашкой?

— Она мне сказала, я не обиделся.

— Bravo, задохлик, сильна бабенка, я и представить не мог до какой степени. Но справедливости ради, не тебе одному она дала имя насекомого.

— Ваш случай?

— Нет, прежде чем она меня окрестила, я выбрал свое имя — навозный жук... Думаю, мне подходит. Улавливаешь сходство?

— Нет, расскажите.

— Навозник — полезное насекомое, подчищает дерьмо нечистоплотных животных. Я совсем как он: подметаю каждый день. Не успею закончить — начинай сначала. Но это моя роль, я с ней согласен. И я против того, чтобы сносить башку засранцу в наказание за оставленную кучу, научить его соблюдать чистоту — более цивилизованный способ.

Паскаль подумал, что выиграл в споре одно очко. И очень сильно ошибся, между ним и лейтенантом была трещина, которую не заметила даже Антония: ребенком Милош узнал, что такое война, и ничего не забыл.

— А вы считаете, что отвратительные преступления наказываются достаточно?

— Ого, кажется, я слышу слова патрона! Мальчик, вероятно, пора тебе в конце концов уяснить, что закон «око за око» — далекое прошлое.

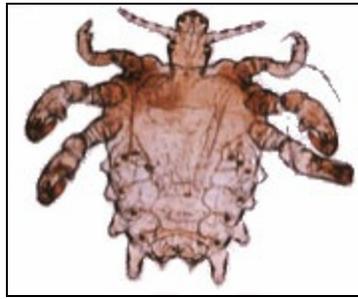
— Иисус сказал: «Поднявший меч — от меча и погибнет». Перед смертью мучитель должен страдать так же, как и его жертвы.

— Вот как? А если преступник — людоед, поедающий своих жертв, его надо сожрать сырым? Выбрось из головы эти отклонения, мы же не среди дикарей.

Время шло, работа звала, Паскаль направился к двери, дружески закончив беседу:

— Хороший совет, Милош — береги задницу! Дела, в которых ты копаешься, пахивают неприятностями, не вмешивайся в них, не спросясь меня, это может дорого стоить. Придет день, и мы прищучим этих подонков... но по закону... Если захочешь поговорить, дверь моего кабинета открыта

Лобковая вошь

Лион менялся, приобретал более современный облик. Старый провинциальный город, карикатура на буржуазный уклад, превратился в столицу. Этот крутой поворот был особенно заметен за вокзалом Перраш на южной окраине.

Здесь росли высотные здания смелых форм, олимпийские спорткомплексы, штаб-квартиры крупнейших мировых производителей. Прощайте, лионские ткачи [\[19\]](#) из фильма «Призрак», высмеянные Янсоном [\[20\]](#)! Накопления больше не лежали в старых шерстяных чулках, на смену кубышкам пришли финансовые воротилы нового времени.

Полуостров у слияния Роны и Соны бурлил, перемены проходили непросто. Повсюду копали, подтаскивали, возводили. Экскаваторы, грузовики и подъемные краны сообща перелицовывали кварталы.

Хотя строительные работы еще продолжались, продажа недвижимости шла полным ходом, район кишел торговцами. За неимением капитальных помещений многие обосновались во временных конторах. К их числу принадлежал и Даниэль Вайнштейн. Видный предприниматель, честь по чести внесенный в торговый реестр, ждал, когда к стройке подойдет баржа. Рядом с его офисом рекламный щит расхваливал достоинства роскошного жилого комплекса. Пластиковые елочки вокруг здания маскировали бульдозеры. От тротуара к двери вела красная дорожка — последний штрих в деле оболъщения клиента. К двери...

Антония не отрывала от нее глаз.

Когда тот, другой, выйдет, в дело вступит она. А пока, сидя в теплом салоне автомобиля, она вела разговор сама с собой, потягивая трубку.

«Ты спрашиваешь, Жак, зачем я здесь околачиваюсь — объясню: хочу посчитаться с Вайнштейном. Этот молодчик — чемпион по всяческим гнусностям. Уважаемый бизнесмен, считается большой шишкой в недвижимости, нет вечеринки, на которую его бы не пригласили. Образован, язык подвешен, вхож в дома к местной верхушке и гламурной тусовке. Эх, если бы эти балбесы знали, они не пожалели бы ему и палец: Вайнштейн — Еврей в преступном мире — сутенер номер один в регионе. Стройки приносят ему денежки, но поменьше, чем студии-бордели. Отсюда до швейцарской границы такие заведения насчитываются десятками, управляются подпольно подставными лицами... и набиты девчонками, ввезенными в страну пинками. Этот тип — настоящая лобковая вошь, присасывается к их молодости, заражает, разрушает и губит! И раз я приехала сюда потолковать с ним, дорогой мой Жак, то для того, чтобы приблизить его кончину».

Какое-то движение возле конторы. Оттуда вышел человек, но не тот, кого она поджидала.

«Откровенность дается мне нелегко, я не доверяла эту тайну никому, говорю только тебе: три года спустя после твоей смерти Владе, одной из девушек, удалось убежать. Мы встретились с ней тайно на подпольной квартире. Влада хотела дать показания против Вайнштейна. Но не смогла: на следующий день ее тело нашли на берегу Роны, освежеванное, будто тушка кролика. Бедняжке было всего восемнадцать. Никто не потревожил Вайнштейна, прикрытого всякой мелкой шушерой из кучи его подставных фирм».

Дверь снова открылась, из нее наконец вышел прусак, вроде бы довольный собой. Гася трубку, Антония ликовала: у Милоша получилось быть убедительным.

«Пора, Жак, пойду прижму лобковую вошь к ногтю. Если тебя осенит, как можно его раздавить, шепни свою идею, я сумею ее осуществить».

Без глупой спешки она выждала, пока серб скроется из виду, и только потом пересекла улицу. Изнутри контора выглядела скромно: на стенах фотографии высотных зданий, конторку секретаря окружают комнатные цветы. Молодая женщина за белой стойкой приветливо поздоровалась:

— Добрый день, мадам, я могу вам помочь?

Антония покатила со смеху: она пришла сюда именно затем, чтобы ей помогли.

— Даниэль Вайнштейн на месте?

— Ээ... Как вас представить?

— Заноза в заднице... Но можете не трудиться, я сама.

Антония заметила дверь в кабинет, как только вошла. Резко толкнула ее, оставив позади секретаршу и ее возражения:

— Пожалуйста, мадам, вернитесь! Вы не имеете права!

Возмущения запоздали: Антония уже находилась в логове хозяина. Вторжение застало Вайнштейна врасплох, затем он избрал отстраненность в духе «дзен».

— Комиссар... Ваш визит — большое удовольствие...

— Сначала выслушайте, что я скажу, удовольствие будете получать потом.

Секретарь, ворвавшаяся вслед за гостьей, извинялась за свое опоздание:

— Мсье, простите, я не успела, пока вставала, эта дама...

— Не страшно, Леони, — остановил ее Вайнштейн. — Комиссар Арсан — моя старая знакомая. Когда говорю «старая», я имею в виду наше долгое знакомство.

— Боюсь, оно скоро может прерваться, — подхватила Антония.

Загадочная реплика. Угроза, явно прозвучавшая в ней, встревожила вошь. Улыбка сошла с лица, покрытого загаром из солярия, Антония увидела, что Еврей побледнел.

— Спасибо, Леони, можете оставить нас, я займусь мадам.

Секретарь отступила за дверь. Короткая и веская интермедия. Антония воспользовалась паузой, чтобы рассмотреть Вайнштейна. Его внешний вид можно было описать одним прилагательным — сексуальный. Он излучал естественное обаяние зрелого возраста. Притягательную ауру создавали теплый тембр голоса, черные как смоль волосы, синие глаза и правильные черты. Даниэль был элегантно одет в итальянский костюм, рубашку с запонками и шелковый галстук — все от известных кутюрье. Однако Антония заметила, что он не очень уютно чувствовал себя в своих ботинках из крокодиловой кожи. По тому, как пальцы теребили канцелярскую скрепку, было видно, что он чуть не портил воздух от беспокойства. Несвойственно ему.

— Позвольте, я сяду?

— О, тысяча извинений, комиссар, задумался.

Антония опустила в кресло, инструктируя себя: не обращаться на «ты», избегать прямых атак, довольствоваться его волнением. У вши было много знакомых, длинные руки и быстрая реакция — сразу хвататься за телефон. На другом конце провода через мгновение на защиту вставали его адвокаты. Если только в гости не заходил влиятельный депутат. Щедрый по природе, вошь вносил лепту политическим партиям без разбору, независимо от окраски.

— Что вы имели в виду под окончанием нашего знакомства? Собираетесь подать в отставку?

— Даже и не думала, мсье Вайнштейн.

— А... Жаль, я бы предложил вам дуплекс на старость. Само собой, по привлекательной цене.

— Подкуп должностного лица?

— Нет, квартира-выставочный образец. Всегда приберегаю для друзей.

Слово «дружба» никак не могло быть применено к их отношениям. Антония ненавидела красавчика и знала, что и тот на дух ее не переносил.

— Так чему же я обязан вашим присутствием, комиссар?

— Читали утреннюю газету? Там пишут о поезде на вокзале Макона, я туда заскакивала.

Статья Гутвана вызвала в ней раздражение: история про раввина достойна такого трепача. Но, поразмыслив, Антония сказала себе, что с помощью этих рассказней Вайнштейна удастся вывести из равновесия.

— Ну да... А в чем дело?

— Я восполню в ней пробелы: двое исчезнувших — это Матье Бонелли и Ромен Гарсия. Убиты в своем купе.

— Великий Боже, какой ужас!

Прозвучало фальшиво, Вайнштейн был в курсе, серб ему все выложил.

— Согласна с вами, мсье Вайнштейн, трагический конец... Хуже всего, что за ними скоро последуют и другие.

Вошь не улавливает смысла предсказания, а когда вши что-то непонятно, в ход идут напыщенные речи:

— Зажгите мне фонарь, пожалуйста, я плохо различаю это будущее.

— У корсиканцев не было врагов, во всяком случае, таких могущественных, чтобы соваться в их дела. На сегодняшний момент я, понятно, не знаю, кто убил Бонелли. Однако после недолгого размышления правдоподобными мне представляются две версии.

— Какие, позвольте спросить?

— В такие периоды кризиса моя мысль обращается в сторону людей, чей бизнес испытывает трудности. И на ум приходят сфера питания и недвижимость.

— Мм... Во второй гипотезе, вероятно, речь пойдет об одном из моих братьев?

— Да, о собрате иудейского вероисповедания. Раз вы читали газету, то знаете, что разыскивается раввин.

Вайнштейн поморщился: такой связи он не усматривал.

— Немногие в нашем бизнесе посещают синагогу, комиссар. Раввин — святой человек, не думаю, что он может совершить убийство. И мои единоверцы тоже, я ручаюсь за их честность. Да и зачем им убивать Бонелли?

— Чтобы расширить сферу своего бизнеса... Но хватит о ваших друзьях... Я слышала, что турки пытаются попробовать новенькое, — солгала Антония. — Клубы, казино —

хорошая штука, но почему не взяться и за строительство? Реальное предположение, у них достаточно рабочей силы, готовой вкалывать. С торговлей продуктами дела идут неважно... А они-то как раз специализируются по жратве.

— Заманчивая возможность, согласен... Вы подразумеваете кого-то конкретно?

— Нет, прежде всего надо прошерстить уголовные дела.

Вайнштейн выглядел все более взвинченным. В этом туре «кошек-мышек» с приличным уровнем игроков он проигрывал с разгромным счетом. Нехватка козырей могла недешево обойтись. И, напряженный — невооруженным глазом была заметна его тревога — он открыл свои карты, чтобы получить чуть больше информации:

— По вашему мнению, комиссар, как отреагируют корсиканцы?

— Чтобы узнать это, надо бы с ними потолковать.

Ответ его оглушил. Разговор ни о чем — Вайнштейн больше ничего не понимал. Разве прусак не уверял его, что у полицейских была встреча с корсиканцами?

— А вы с ними еще не виделись?

— Расследование ведет полиция Дижона, на каком основании я стала бы их опрашивать? БРБ не должна путаться под ногами... Хотя...

Божественное озарение! Ставки повышались, но сыграть надо — дело того стоило. Антония подошла к Вайнштейну, склонилась, как будто желая доверить секрет.

— Вот что сказал Жак: если А, нанеший удар, сможет убедить, что виновен Б, корсиканцы вылечат Б лекарством «вендетта». Но если корсиканцы не поведутся на развод, тогда сам А замаринует Б с острой подливкой. В обоих случаях Б был да весь вышел, а под шумок А заграбастает рынок — на паях с корсиканцами.

Ошеломленный, Вайнштейн дополнил условия задачи.

— Мм... Из этого следует вывод: Б должен заглянуть вперед и предупредить события.

— Или быть начеку. Если бы я знала, кто такой этот Б, посоветовала бы ему потолковать со мной, прежде чем свершится непоправимое... отчего на БРБ обрушится весь геморрой... Мне оно без надобности, у бригады и без того работы под завязку.

Разговор подошел к концу или почти подошел. Антония поднялась, ожидая самого последнего вопроса. Он не мог не прозвучать.

— Ладно, покидаю вас, мсье Вайнштейн, благодарю, что уделили время... Обращайтесь безо всяких, если кто-то вызывает у вас сомнения. Какие-нибудь новые сведения помогли бы моим коллегам из Дижона спасти жизни людей.

— Да, разумеется.

Вайнштейн пожал ей руку, озабоченный, находящийся мыслями где-то далеко отсюда.

— По поводу сомнений, комиссар — в вашей бригаде служит капитан Мишель Нанси?

— Нанси как город? Нет, абсолютно точно.

— Вы уверены?

— Слушайте, мсье Вайнштейн, я знаю всех своих людей... Почему вы спрашиваете?

— Просто так, кажется, при мне упоминали это имя. Если бы такой полицейский действительно существовал, я бы предложил держать связь через него. Фамилию Нанси запомнить легко.

— Да нет, это ошибка, вам придется продолжать помнить мою фамилию.

Антония ликовала: у неисправимого серба язык висельника.

От переводчика.

Производство шелка в Лионе и восстание лионских ткачей

В Европу — как и в Россию — изначально шелк поставляли с Востока. Успехом он пользовался невероятным: не только парадные одежды, но также ризы священников, и даже обои во дворцах, — все изготовлялось из этой нежнейшей и прочнейшей материи. В Лион, стоявший на пересечении торговых путей, драгоценные куколки шелкопряда попали вскоре после того, как купцы начали развозить их по всему миру и продавать — нет, не на вес золота, а много дороже! Первые опыты создания лионского шелка относятся приблизительно в середине XIII века. В конце XVI — начале XVII века Генрих I Наваррский со свойственной ему решимостью приказал бесплатно раздавать все необходимое для разведения шелкопряда. Но более всего лионским ткачам помог своим указом, изданным в 1531 году, король Франциск I: его повелением ткачи освобождались от налогов, а Лиону даровалась привилегия снабжать шелком другие города. Благодаря шелкоткачеству Лион процветал и разрастался.

Знаменитые на весь мир платки «Эрмес» производят из лионского шелка.

К сожалению, именно шелк, создавший славу и благосостояние Лиона, принес ему и неисчислимые бедствия. В начале Великой Французской Революции зажиточные лионцы приняли сторону роялистов, после чего город был осажден революционными войсками конвента, после долгой осады взят и приговорен к уничтожению. К счастью, комиссары конвента все-таки не стали проявлять излишнего рвения в исполнении приговора.

В 1831 году в Лионе произошла очередная, теперь уже местная революция: рабочие и мелкие мастерские восстали против крупных фабрикантов и мануфактуристов, которые скупали товар для перепродажи в другие города, но не желали повысить расценки на шелк. Фабриканты вызвали национальную гвардию. В ответ рабочие взяли за оружие и начали строить баррикады. Они сражались под черным знаменем, на котором кровавыми буквами было написано: «Жить, работая, или умереть, сражаясь». Следующее восстание впервые в истории проходило под красным флагом — лионские ткачи помнили, как предыдущее выступление их братьев утопили в крови...

Разумеется, сейчас, как и во многих странах мира, в Лионе тоже случаются и забастовки и демонстрации. Разумеется, не так, как в 1831-м году. Но события тех лет в Лионе помнят...

Сороконожка

Толстые пальцы пробарабанили по клавиатуре, затем быстро переместили курсор. Клик! На экране монитора открылась страница форума.

Момо из Ниццы Всем привет. Я вас сейчас порву новостью: раввина ищут не только в Маконе. Его разыскивают также и в Ницце. Похоже, он убил моего соседа.

Ral.q 71 Момо, добрый день. Тогда это не тот раввин, наш никого не убивал. Дело в ментальности: у вас на юге обстановка погорячее.

Момо из Ниццы Но тут такая странная штука: он спалил виллу жертвы. Если я ничего не путаю, ваш поезд сгорел, так ведь?

Ral.q 71 Йес, но делать такие выводы, хмм...

Момо из Ниццы Надо бы знать, как этот чувак выглядел...

Качок Снова привет всем! Я могу сказать, я его видел: тот, что ехал в поезде, был бородатый, здоровый, как медведь, одет, как ворон. Да раввин, самый обыкновенный. Припоминаю одну деталь: у него при себе была спортивная сумка. Большая, темно-синяя. И еще у него прикольный шнобель, я уже писал.

Дикий кролик Йоу, отроки! Подтверждаю: тот, которого я засек на вокзале Макона, нес темно-синюю сумку.

Питер Пен Сионер Внимание, я встряну: вау и еще раз вау! Это мегавынос мозга! Знаете почему? Если это был и не тот же самый раввин, то его двойник, я столкнулся с ним в Бометт. Крепкий чувак, правда, нос я не разглядел. Я проезжал вчера вечером мимо виллы, где произошло преступление. Он прогуливался на углу улицы.

Качок С синей сумкой?

Питер Пен Сионер Да, с большой сумкой. В темноте мне показалась зеленой.

Ral.q 71 Ты рассказал об этом в полиции?

Питер Пен Сионер Зачем? Думаешь, им это надо?

Пора вступать в разговор. Толстые пальцы пробарабанили по клавиатуре...

Глаз рыси Здравствуй, Питер Пен Сионер! Представь, что твой раввин — убийца, может быть, твои показания помогут остановить его, пока он не пристукнул еще кого-то. На твоём месте я бы сразу пошел в полицию и все им рассказал. Это касается и Дикого кролика, и Качка.

Дикий кролик Я только печатаю слово «полиция» — и пальцы сводит судорогой.

Глаз рыси А тебя не сведет судорогой, если этот раввин прикончит ребенка? Подумай-ка о последствиях. Малый — больной, он не остановится.

На экране пауза, человек по ту сторону раскидывает мозгами. Затем быстро появляются слова, фразы...

Качок О'кей, Глаз рыси, ты прав, я схожу в комиссариат.

Глаз рыси Bravo, парень, я выпью кока-колы за твоё здоровье.

Дикий кролик Ладно, я тоже туда сметаюсь. Но это будет нехило: не один легавый заработает инфаркт, когда увидит, что я нарисовался в их обезьяннике.

Глаз рыси Удачи, не дрейфь! Ладно, мне надо идти, кастрюля с молоком на огне стоит. Чао, компания!

Внук судьи Жан-Клод подал богатую идею — присоединиться к общению в чатах, и Романеф не переставал его за это благодарить. От форума к форуму судье открывался вывихнутый мир, населенный людьми разочарованными, ни во что больше не верящими, плюющими на политику и чихающими на полицию. Немало течений наполняло эти мутные воды. Изучив их, судья отыскал ответ на загадку: отсюда Гутван и качал свою желчь. Стремясь уничтожить прохвоста, Романеф долгое время искал источник, откуда тот черпал информацию, а обнаружив, бросился с головой в его бурные воды. Журналист должен был заметить никнейм «Глаз рыси», не подозревая, кто за ним скрывается. В конце концов это неведение дорого ему обойдется. На бумагомараку Романеф точил не зуб — целую челюсть. Плата по счетам — всего лишь вопрос времени. С последней статейкой Гутван вплотную подошел к своей кастрации. После истории с раввином он обретет новый статус — евнуха.

Толстые пальцы судьи выключили компьютер. Затем одной рукой он расстегнул ворот рубашки, другой взял мобильный телефон. Все это одновременно и с немислимой скоростью. Из разряда тучных людей, обливающихся потом при малейшем усилии, он, однако, поражал своих близких ловкостью рук. Наблюдая за проворством движений, некоторые сравнивали его с фокусником. Сам же себя Романеф видел большой сороконожкой. Ему нравилось это сравнение: листая двадцать уголовных дел одновременно, судья думал, что правосудие испытывает сумасшедшую нужду в сколопендрах-многоножках. Суды завалены по горло, судьи и прокуроры не имеют ни сил, ни средств — рассмотрение дел затягивается надолго. Чтобы исправить бездействие правительства, сороконожке приходилось жонглировать судебными решениями и срочными письмами.

Судья как раз перечитывал одно, содержание которого могло уместиться в восьми строчках электронного сообщения.

«Как и где об этом поговорить?» — задавал он себе вопрос.

Романеф окинул критическим взглядом свой кабинет. Он работал в современном офисе с тех пор, как переселился из старого Дворца правосудия сюда, на улицу Сервьен... но современность сочеталась со средневековым наименованием «Бастионы», которое больше бы оценили королевские судьи-бальи. Удобный и безопасный, кабинет, однако, совсем не подходил для разговора с глазу на глаз. Лучше бы встретиться где-нибудь на нейтральной территории.

Он набрал номер телефона...

— Комиссар Арсан? Добрый день, это Романеф... Спасибо, хорошо, надеюсь, вы тоже... Мне нужно с вами встретиться, Антония.

Последовала пауза. Антония понимала, что звонок конфиденциален: Романеф назвал ее по имени, хотя находился на службе.

— Нет, это не может ждать, комиссар... Давайте в нашем обычном месте в двадцать один час, если вам удобно... Да? Прекрасно, до вечера.

От переводчика.

Антуан де Сен-Экзюпери — уроженец Лиона

Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери (Antoine Marie Jean-Baptiste Roger de Saint-Exupéry) родился 29 июня 1900 в Лионе, а ушел в свой последний полет 31 июля 1944 года. Происходил Тонио (так его называли в семейном кругу) из старинного рода перигорских дворян и был третьим из пятерых детей виконта Жана де Сент-Экзюпери и его супруги Мари де Фонколомб. В возрасте четырёх лет потерял отца. Воспитанием маленького Антуана занималась мать.

В двенадцать лет Сент-Экзюпери впервые поднялся в воздух на самолёте. Машиной управлял знаменитый лётчик Габриэль Вроблевски. И заболел небом. В 1921 году он призван в армию, записался во 2-й полк истребительной авиации в Страсбурге. Вскоре ему удается сдать экзамен на гражданского лётчика. Его переводят в Марокко, где он получает права уже военного лётчика.

В 1926 году Экзюпери нашёл свое призвание — стал пилотом компании «Аэропосталь», доставлявшей почту на северное побережье Африки. Весной он начинает работать по перевозке почты на линии Тулуза — Касабланка, затем Касабланка — Дакар. Здесь он пишет свое первое произведение — «Южный почтовый». В 1930 году Сент-Экзюпери производят в кавалеры ордена Почётного Легиона за вклад в развитие гражданской авиации, в этом же году Сент-Экзюпери пишет «Ночной полёт» и знакомится со своей будущей женой Консуэло из Сальвадора.

На следующий же день после объявления Францией войны Германии Сент-Экзюпери является по месту мобилизации и переводится в авиачасть дальней разведки. Это было его ответом на уговоры друзей отказаться от рискованной карьеры военного лётчика. Многие пытались убедить Сент-Экзюпери в том, что он принесёт гораздо больше пользы стране, будучи писателем и журналистом, что пилотов можно готовить тысячами и ему не стоит рисковать своей жизнью. Но Сент-Экзюпери добился назначения в боевую часть. В одном своём письме в ноябре 1939 года он пишет: «Я обязан участвовать в этой войне. Всё, что я люблю, — под угрозой. В Провансе, когда горит лес, все, кому не всё равно, хватают вёдра и лопаты. Я хочу драться, меня вынуждают к этому любовь и моя внутренняя религия. Я не могу оставаться в стороне и спокойно смотреть на это».

31 июля 1944 года Сент-Экзюпери отправился с аэродрома Борго на острове Корсика в разведывательный полёт и не вернулся.

Клоп-хищнец

В Броне, пригороде Лиона, Антония остановила машину в деловом квартале и задумалась.

Почему Романеф хотел встретиться с ней вне стен своего кабинета? Чтобы поговорить без недомолвок? Такие приглашения случались редко и никогда — без особой причины.

Перебирая возможные предположения, Антония дошла до ужасного: а что, если Милош все рассказал? Если под давлением Каршоза выложил, что они с начальницей делали накануне? Нет, не может быть, иначе Романеф приглашал бы ее гораздо менее любезно. Он был другом вне работы, но на службе умел напомнить, что занимал пост судьи и не шутил с обязанностями. Вычеркиваем Милоша. Наводим курсор на «Посмотрим вечером, что к чему».

Тревога отлегла. Антония закурила трубку и уставилась на погрузочную площадку.

В глубине двора, обнесенного решеткой, вдоль выкрашенного в зеленый цвет ангара сутились люди. Одни подвозили коробки на ручных тележках, другие загружали их в рефрижераторы. Рабочие двигались, казалось, из последних сил: начальство обращалось с ними, как с рабами, отдавая приказы лаем. В Антонии их вид вызвал жалость. И она снова завела разговор с самой собой...

«Если Еврей — король сутенеров, то Турок — ас в своей категории. Да-да, Жак, у его лавочки солидное положение в торговле продуктами халяль. Обширный рынок, значительные прибыли и обеспечение золотом! Знаешь, с кем я сравниваю красавца? С клопом-хищнецом, его еще называют клоп-убийца. Объясню: это насекомое живет в грязи, убивает все, что шевелится, и прячется под своими жертвами. Турок похож на него: орудует в мутной воде, предательски убивает, а потом выступает в одежде уважаемого большого босса. Ни одна контрабанда не проходит мимо него: наркотрафик, незаконная поставка оружия и самое ужасное — торговля людьми. Понимаешь, дорогой мой, вот последнего вида коммерции я не могу ему простить. Невозможно забыть грузовик, обнаруженный в Савоие. Произошло это четыре года тому назад. Полиция не задержала его перевозчиков только чудом: те спрятали грузовик в лесу высоко в горах. Бедняги заперлись изнутри. Они не должны были издавать ни звука. Стояла зима, голод и холод позаботились о том, чтобы заставить их молчать: из кузова извлекли тринадцать трупов. Турка подозревали в том, что он приказал оставить людей на произвол судьбы. Он выпутался шутя. Возможно, он и ждал прибытия товара, но грузовик ему не принадлежал. Турок был всего лишь клиентом, его самого подставили. По мнению турецкой полиции, поставщик-исполнитель доверил доставку дутой фирме. Фирме-невидимке! Учредительные документы — фальшивка,

барахловый товарец — украден. Короче, от Турка отвязались. Больше всего меня выводит из себя, дорогой мой Жак, что он еще и разыграл карту страдальцев за дело исламской веры. Послушать его, так он стал целью полицейского заговора, к которому примкнули и ультраправые. Продажное обвинение! Сам понимаешь, газеты вовсю кинулись наживаться на этом дельце, Гутван во главе стаи: полицейские — садисты, полицейские — расисты, полицейские — фашисты! И мы вкалывали, как проклятые, чтобы замять скандал».

Табак прогорел. Антония, прервав разговор с воображаемым собеседником, выбила трубку и вышла из машины.

Еще не появившись на площадке, она знала, что ее приход поразит как громом.

И ее «обласкали» вниманием! Как только работяги заметили новое лицо, на площадке воцарилась убийственная тишина. Всего за тысячную долю секунды втолковали, что присутствие ее нежелательно — мягко говоря. Антония не оскорбилась таким отношением — да она просто была наверху блаженства. Она угадывала гнев этих мужиков, выглядящих потешно в своих белых тюбетейках, ее вытолкали бы взащей, не будь она полицейским. Но все знали, кто она, и побаивались полиции... особенно комиссара Арсан.

Тот или другой — без разницы. Антония окликнула первого, кто проходил мимо, усатого изможденного заморыша.

— Здравствуйте, любезный! Не могли бы вы подсказать, где найти господина Рефика Сака?

Любезный не был камикадзе. Пусть вопрос и был пустяковым — отвечать полицейскому означало навлечь на себя неприятности. К тому же дружки следили за реакцией бедняги, готовые отрезать ему язык, если тот откроет рот.

Рот открыть все же пришлось — изображая вежливость, подключая акцент:

— Я турецкий, разрешение пребывания Франция.

— Мне до лампочки! Я спрашиваю, где ваш хозяин.

— Лампочки? Не понимать, я турецкий, разрешение пребывания Франция.

Настаивать дальше — пропаций труд, Антония обратилась ко всей галерке:

— Хорошо! Итак, вы слышали, что я спросила, кто может ответить?

Из-за спины громко окликнули:

— Я здесь, комиссар! Что вам от меня надо?

Антония обернулась. Рефик насмешливо смотрел на нее сверху вниз с высоты своих метра девяноста двух. Тридцать лет, лысый, никакой растительности на лице, мускулистый — больше похож на атлета, чем на мафиозо-беспредельщика. К тому же и одет в костюм спортивного покроя, чуть небрежный и дорогой.

— Перекинуться словечком с глазу на глаз, мсье Сака, это не займет много времени.

— Что случилось, комиссар, нашли какие-нибудь мои пожитки на Монблане?

— Только поезд, а внутри два трупа. Вы к ним не имеете отношения, а вот их смерть может вас вскоре затронуть.

Клоп недоверчиво скривился.

— Пройдемте в офис, там будет удобнее поговорить.

— Лучше прогуляемся немного, я же сказала, что это займет три минуты, не больше.

Все более заинтригованный, клоп проревел своим людям на непонятном жаргоне: «Kicini sollamak, ya da ben tuktal bir olacak!», что Антония перевела как «Пошевеливайте задницами, иначе отоварю по полной!».

Перевод, похоже, оказался верным, потому что все поднажали.

Удостоверившись, что работники приведены в чувство, Рефик догнал Антонию. Перед ними возле аэроклуба высились сооружения выставочного парка. Вдалеке взлетали самолеты из аэропорта имени Сент-Экзюпери. Повсюду деловые кварталы боролись с промышленными зонами за каждый клочок земли. За тридцать лет городской пейзаж изменился до неузнаваемости. Некогда деревенская, восточная окраина Лиона превратилась в индустриальную.

— Итак, комиссар, что это за покойники?

Антония спрашивала себя, разговаривал ли уже прусак с Турком. Если да, то нынешняя беседа будет короткой. В противном случае придется лавировать.

— Читали статью Гутвана в утреннем выпуске?

Гутван! Целовать ему руки — вот что должен был делать клоп! В деле с грузовиком журналист защищал его как самый преданный сторонник.

— Зачем мне лгать? Конечно, читал.

— Вот о чем в статье ни слова: трупы, о которых я говорила, извлечены из того поезда. Это Матье Бонелли и Ромен Гарсия.

— О! Это просто ужасно.

Не очень убедительный тон: судя по всему, клоп был в курсе.

— Бонелли сожгли живьем. Гарсию застрелили.

— Печальный финал... Делаю вывод, что вы расследуете их убийство.

— Вовсе нет, БРБ здесь вне игры.

— Как так? Расследование находится не в вашей компетенции?

— Нет, ни один из моих людей не принимает в нем участия. Дело ведет криминальная полиция Бургундии.

Казалось, ответ озаботил Рефика. Он скорчил гримасу, которую Антония сочла признанием: такое трепло, как прусак, докладывая о гибели корсиканцев, сдало свой источник — капитана Мишеля Нанси. Чудненько! Продолжение пройдет как по маслу.

— Я прочитал, что разыскивают раввина.

— В статье Гутвана? Забудьте эту писанину. Тот тип, если вообще существует, может быть только свидетелем. По правде говоря, мсье Сака, вы представляете, что истово верующий может жестоко убить двух человек?

— Не очень.

— По-моему, речь идет о личной мести. На острове Красоты это называется преступлением чести.

— Вы думаете?

— А как иначе? Среди братьев-островитян у Бонелли имелись не только друзья. Могут поспорить, что убийца вращается в его кругу... И люди Бонелли знают это лучше некуда. Надеюсь, что полиция найдет убийцу раньше — для его же блага.

Антония подходила к машине. Шедший рядом Рефик выглядел удрученным.

— Я приехала не за тем, чтобы просто все это рассказать, мсье Сака.

— Не сомневаюсь, комиссар.

— Видите ли, за время службы я уже сталкивалась с подобного рода делами. Всегда есть ловкач, желающий поживиться. Проблема в том, что его алчность вызывает опустошительную бойню в кругу друзей и соратников.

— Другими словами, я должен уяснить...

— Что история повторится снова. Неизбежно. И вот хороший совет: держитесь

подалее от рассказней, особенно переносимых близким человеком: он греет руки на этой истории. Когда можно зашибить монету, первыми в спину стреляют друзья.

Голос Турка будто выцвел от волнения, губы еле двигались:

— Почему именно близкий, а не любой другой человек?

— Потому что ему доверяешь! Даже если за будоражащие слухи щедро платит большой хитрован.

— Но зачем?

— Чтобы пообщипать рынок. Метода классическая: хитрован провоцирует кризис, чтобы науськать одних на других. И как только конкуренты останутся с голым задом, ему всего-то и останется, что наклониться и подобрать ставку. Кроваво, вероломно и действенно.

— Хм, понимаю... Все, кроме мотивов, толкнувших вас посоветовать мне держаться настороже.

Антония открыла дверь машины, уселась, оттягивая ответ, затем, повернув ключ, взглянула на Турка с намеком.

— Предупрежден — значит вооружен. Вы честный торговец, мсье Сака, мы доставили вам неприятности и были неправы. Не хочу, чтобы повторилось дело с грузовиком. Мы потеряли бы уйму времени, вмешались бы газеты, а префект был бы в ярости... В дикой ярости... И это я еще не говорю про министра...

— Не нужно... Я уже лучше понимаю цель ваших действий...

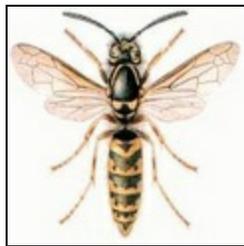
— К тому же у моей бригады работы — непочатый край. Я бы огорчилась, если бы дело передали нам, в Бургундии оно на своем месте... При данных обстоятельствах, само собой разумеется, что я с вами не встречалась.

— Я узнал то, что нужно, и уже не помню, что мы вообще беседовали.

Они попрощались. Антония тронулась с места.

В зеркале заднего вида перед ней предстал Рефик, набирающий номер на мобильном телефоне.

Оса

Как предусмотрительная потаскуха, Антон поставил на обеих лошадей. В своем уме он не сомневался, выигрыш будет за ним.

Слоняясь с друзьями в квартале Тассен, как всегда по вечерам, он взвешивал шансы каждого. Финиш гонки будет праздноваться на кладбище. Вот только кто возглавит скачку?

Похоже, Вайнштейн не очень удивился, узнав о смерти Бонелли. Что отбрасывало его в далекие аутсайдеры. Плюс к тому он поостерегся говорить о равнине, замеченном в Маконе. А ведь читал статью Гутвана. И хотя Антон напирал на историю с раввином, Еврей предпочел не задавать вопросов. Подозрительное поведение. Судя по явному смущению, Вайнштейн вовсе устремился за главным призом — деревянным ящиком.

В этой гонке Рефик наступал ему на пятки. Недавно Антон сам слышал, как тот крыл Бонелли почему зря. Из-за нехватки рабочих рук корсиканец нанимал турок в свои жалкие забегаловки. Они мыли посуду — тот платил наличкой мимо кассы. Но повыше официальной зарплаты. Это вызывало брожение в турецких рядах. Рефику пришлось привести ребят к порядку. Один упал случайно, другому палец сломали, третьего отметелили — чтоб напомнить, кто здесь хозяин. Как и Вайнштейн, Рефик глазом не моргнул, когда узнал о смерти Бонелли. Как будто был в курсе. Хотя, может, это так показалось — жара ли, холод, Турок сохраняет хладнокровие.

Антон поостерегся говорить о том, за что убрали корсиканца — он не дурак. Слишком опасно. Проболтался, что знаешь мотив — считай, подписал себе приговор. Он лишь намекнул на угрозу со стороны корсиканцев со знающим видом — информация-де у него от полицейского из БРБ, тупого как пробка.

И Вайнштейн, и Рефик отметили в голове его фамилию.

Мишель Нанси!

Ну и наивняк этот капитан! Что он себе думает? Что ему поднесут инфу на блюдечке? Нет, Антону такая посуда и самому нужна. Каждый гребет под себя: раз выживший в этом деле продвинет его, какая разница, кто поедет в морг? В разборках для того, чтобы поставить на место корсиканцев, лучше вооружен Рефик. Справится с ними на раз. Жаль, спиртное в его конторе под запретом.

Антон зажег сигарету — хоть так утешиться, что теперь придется работать на Турка.

И остался стоять, будто мигом протух.

В конечном итоге самый большой идиот — он сам.

«Что за сраная пруть, — бесился Йозевич. — На кой было пороть горячку?»

Теперь-то он понимал, что надо было действовать осмотрительнее. Лажанулся по-крупному, сообразив это только теперь: кого бы ни убрали — Еврея или Турка — он на этом ничего не выиграет. Тот, кто останется в живых, не даст ему гроша ломаного! Даже если

выживет виновный, с чего он расщедрится, разофициально за ним ничего не числится? Но дело может пойти и еще хуже: если Рефик, вместо того, чтобы ждать нападения корсиканцев, ударит по ним первым, Вайнштейн заподозрит, что это Антон предупредил Турка о наезде. И наоборот... Катастрофа! И тем большая, если один из них действительно пришил Бонелли, а теперь готовился избавиться от следующего конкурента. А если в этой последней схватке уберут убийцу Бонелли, оставшийся в живых накажет его, Антона, за двойную игру.

Ужасная ошибка — и почему он не последовал совету того полицейского! Антон злился на себя за то, что поставил на обеих лошадях, надо было делать то, что от него просили — наблюдать, прикидывать, откуда ветер дует, говорить только то, в чем уверен.

Раздавленный тревогой, серб свернул на одну из тех узких улочек, которые были дороги сердцу Эжена Сю. Траур в голове, ноги не слушаются — тяжело ступая, он направился вверх по дороге. Издалека навстречу ему грациозной походкой спускалась молодая женщина. Она шагала, напевая — высокий рост, точеная фигура, внешность топ-модели, в ушах наушники. Антон обратил внимание на серебряный трилистник на ее косухе Perfecto. Но, конечно, еще большее внимание он уделил груди телки и кожаными ботфортам. Бомба! От такой наружности позабудешь и про стрессы.

Девушка поравнялась с ним, распахнула полуприкрытые глаза, остановилась, похлопала ресницами:

— Простите, мсье, вижу, вы курите, огонька не найдется?

Не дожидаясь, пока он скажет «Да», достала сигарету.

Очарованный, обалдевший, Антон протянул зажигалку, неловкий, будто школьник. Вспышка пламени. Вопрос.

— Что такая красотка делает в этом квартале?

Ответ был болезненным. Антон почувствовал, как лезвие вошло между ребер. Он и не заметил, как телка нанесла удар. Быстрая, как оса.

— Убирает тебя, — шепнула она.

— Кто вас...

Она ужалила его, дошла до самого сердца.

— Это тебе от одного друга, болтун, ты очень его разочаровал.

Антон рухнул на древние камни тротуара. Жить оставалось всего несколько секунд. Их хватило, чтобы увидеть, как подъезжает машина, притормаживает и останавливается возле осы. Невесомая, та впорхнула внутрь.

Затем пелена заволокла глаза и жизнь.

Там, наверху, на белом облаке, улыбаясь, его ждала одна маленькая девочка...

Термит

Отель высился на берегу Роны внушительным кубом. Белизной его фасада город бросал вызов темноте ночи. Огни Лиона освещали горизонт над крышами домов.

Антония приехала ровно в назначенное время, вошла в холл, где звучала речь на двадцати языках. Звезды заведения привлекали сюда туристов, художников и бизнесменов со всех пяти континентов. Именно из-за высокого класса Романеф и назначал в отеле «щекотливые» встречи. Не из снобизма — просто он мог быть уверен, что не столкнется здесь с кем-нибудь из полиции. Полицейские посещали менее разорительные забегаловки. В комфортной обстановке роскошной гостиницы судья чувствовал себя свободным от полицейских взглядов и, благодаря укромным нишам рядом с баром, от полицейских чутких ушей — прикрытием служили шум и разговоры.

В одном из таких уголков Антония его и нашла. Романеф поднялся для приветствия. Когда они находились не во Дворце правосудия, то забывали формальности и по-дружески целовались. И на сей раз не изменили своему непринужденному обычаю.

— Добрый вечер, Роже, как дела?

— Хорошо, Антония, а у вас?

— Возрастные болячки... Что нового у Мадлен?

— Нога срастается, мануальщик считает, что она скоро снова сможет ходить.

— Это хорошо, думаю, болезнь ее порядком достала.

— Кому вы говорите! Вы же ее знаете, я такое от нее выслушиваю!

Антония улыбнулась, представляя себе это нетерпение. Мадлен была ее самой старой подругой. Они вместе сдавали экзамены в лицее, записались на один юридический факультет, на пару зубрили, получали дипломы, затем вышли замуж и были друг у друга свидетельницами на свадьбе. Но, в отличие от Антонии, Мадлен отказалась от своей карьеры ради карьеры мужа.

— Как только Мадлен встанет на ноги, отпразднуем это у меня дома.

— Если приготовите нам ваши артишоки в костном мозге — с большим удовольствием.

Пока мы не начали — что выпьете, Антония? Я склоняюсь к «Королевскому Киру» [\[21\]](#).

— Что ж, склонимся вместе.

Романеф сделал знак бармену принести два бокала, затем завел речь о пустяках. Осмотрительная тактика до начала переговоров. И лишь когда бармен подал заказ и отошел, он перешел к сути дела:

— Я получил мейл от коллеги из Ниццы. Вот, принес вам, прочтите, тревожное сообщение. Это произошло в понедельник вечером в Бометт.

Он вынул из кармана письмо. Текст был коротким, Антония быстро вернула бумагу,

взволнованная содержимым.

— Раввин плюс убийство? Может быть, всего лишь простое совпадение.

— Не думаю, Антония.

— Почему этот судья проинформировал вас, а не нас?

— Мы с ним одного года выпуска. Так случилось, что вчера утром мой дорогой коллега и однокашник был проездом в Лионе. И я пригласил его на обед — вспомнить добрые старые времена. Мы болтали о том о сем, и между грушей и сыром я рассказал ему о раввине [22]. Не буду скрывать, что поделился с ним своими опасениями. Дело, в котором фигурирует верующий, всегда чревато.

Антония сморщила нос, в объяснении судьи недоставало ключевого элемента.

— Откуда вы узнали, что на вокзале Макона видели раввина? Гутван написал об этом в своей статье только сегодня.

— Интернет, Антония... Я общаюсь в чате на одном форуме, где нахожу свежайшие новости. Совсем как Гутван. Где, вы думаете, он добыл информацию?

— Уверены?

— Абсолютно: как-то я расставил ему ловушку, он попался на удочку. О, я сообщил ему самую малость. Тем не менее, моя попытка показала, что я могу его обмануть. И сделаю это обязательно... Не прощу ему участия в деле с грузовиком.

— Если бы он противодействовал нам только тогда... Этот тип — настоящий термит, подтачивающий основу общества. Кончится тем, что его ненасытность разрушит все здание. Я спрашиваю себя, осознает ли это наш безумец.

— Ему наплевать, Антония. Гутван создал себе репутацию всевидящего борца и держится за нее любой ценой. Для поддержания ее он готов даже защищать преступника. Не забудьте, что наш идеалист был прежде адвокатом.

Тихий ангел пролетел. На его крыльях значилось имя Рефика, написанное красным мелом. В деле с грузовиком Гутван заклеил доказательства: на редкость неубедительное досье. По его мнению, упорство полицейских объяснялось их озлобленностью. Расследование дела Турка пахло остракизмом, его голову требовали, потому что он мусульманин. Был ли журналист искренен, публикуя свои обвинения? Выдавливая упреки капля за каплей? Романеф и Антония, главные мишени его статей, никогда в это не верили. Пусть Гутван боролся за презумпцию невиновности, полицейским и судьям он в ней отказывал — вот как они видели ситуацию. И думали оба так, потому что многие — в основном предвзято — сомневались в неподкупности представителей закона... а те молча от этого страдали, будучи обязаны по долгу службы проявлять сдержанность.

— Что бы там ни было, Роже, теперь он знает, что Бонелли мертв. Приготовимся, так сказать, прочитать вдохновенную статью о его мученической смерти.

Романеф проговорил вполголоса, с иезуитской ноткой:

— Интернет ему в помощь, он также в курсе, что раввина видели в Ницце.

— И что дальше?

— Тсс... Прежде, чем я продолжу, скажите, как вы относитесь к казни Бонелли.

Судье Антония доверяла, никогда ему не лгала. Тот платил ей взаимностью, чего бы это ни стоило. Понимая коллегу, уважая их многолетнюю дружбу, она выбрала путь искренности.

— Преступление похоже на личную месть. Хотя я и выдвинула противоположную версию, маловероятно, что его заказал член мафии. Возможно даже, горящую спичку бросил

корсиканец.

— Я считаю так же. Уверен, у Гутвана противоположное мнение. Готов поспорить, этот раввин занимает все его мысли... Было бы глупо разочаровывать термита.

Неожиданная концовка. За ней последовал вопрос — один-единственный, но конкретный:

— О чем вы думаете, Роже?

— Как бы укрепить его в этой мысли... Вы знаете, кем был Брибаль?

— Тот тип из Ниццы? Мне знакомо это имя... Голова дырявая, не могу вспомнить, где слышала.

— Брибаль свирепствовал в уголовном суде в Бург-ан-Бресс. Статуя командора — вот такое у меня осталось о нем впечатление.

— Теперь припоминаю. Не имела счастья его знать. Или несчастья.

— Несущественно. Оцените такую формулу: Бонелли плюс Брибаль плюс преступный мир равно раввину, разыскиваемому полицией... Смесь криминальной войны и религии — небывалый сюжет. Руку отдам на отсечение — термит будет в восторге.

Антония ошеломленно дерзнула предположить:

— Вы намереваетесь впаять эту информацию?

— Именно — чтобы развести Гутвана. Направим его по этому следу, он не выкарабкается... Если, конечно, вы со мной.

Неожиданное предложение, Антония едва не бросилась судье на шею.

— Если вы беретесь за дело, Роже, я с вами без раздумий! Но вопрос, как к нему подступить.

Романеф потянулся, толстые пальцы затрепыхали, изображая полет колибри.

— Фррр... Представим, что произойдет утечка информации... Фррр... Что прозвучат некоторые имена, в том числе Вайнштейна.

— Вот это да! Если бы Гутван упомянул его имя в этом бардаке, Вайнштейн был бы в ярости.

— Упомянуть — пустяки. Ненависть журналиста к верующим огорчила бы Еврея гораздо больше... Вайнштейн мерзавец, но вместе с тем ревностно соблюдает религиозные обряды. Руки прочь от его церкви. Не думаю, что ему придется по вкусу, когда термит устроит живодерню для раввина.

— Само собой, но надо еще приманить насекомое, и с умом.

— Сеть, Антония, Сеть... Тут моя сфера, я этим и займусь.

— Тогда я беру на себя поле боя... Я уже знаю, как его заминировать.

И, предвкушая удовольствие заранее, они чокнулись за успех плана. Который не мог осуществиться сейчас же — это они осознавали. Романеф поставил стакан — озабоченное лицо, сощуренные глаза:

— Без официального расследования с нашей стороны, боюсь, Гутван не поверит.

— А сейчас раввином мы не занимаемся.

— Идеально было бы, если бы всплыли новые данные, тогда мне поручат уголовное дело, пусть даже только частично. Но вам же известны процедуры: БРБ зависит от парижского судьи.

При данных обстоятельствах Антония могла лишь сокрушаться о существующем порядке. Она только собралась разделить сожаления судьи, как завибрировал ее мобильный.

— Арсан слушает... Да... И где это? Хорошо, поставьте в известность Каршоза и

держите меня в курсе.

Она выключила телефон, сияя ярче, чем победитель лотереи:

— Думаю, господин судья, в воздухе запахло обращением о принятии дела к производству. С ним вы скоро познакомитесь близко: патруль обнаружил в Тассене тело Антона Йозевича. Его только что зарезали.

Часть 2

Нераскаявшиеся

Паутины их для одежды негодны, и они не покроются своим произведением; дела их — дела неправедные, и насилие в руках их.

Исаия 59:6

Паразит

Гибель серба подстегнула расследование. Пусть полицейские и не оплакивали жертву, все же их долгом было отыскать убийцу. Все стремились и еще к одной цели — прищучить Рефика или Вайнштейна. Чуть везения — и преступник выведет напрямик на них. Этой надеждой, а еще ожиданием зеленого сигнала светофора и жила вся бригада. Но те, кто должны были дать отмашку, отсутствовали на перекличке. Необъяснимо отсутствовали.

Устав ждать, Одиль крикнула со своего рабочего места:

— 9.28, а Каршоза все нет! Кто-нибудь в курсе, где он?

В ответ прозвучал слегка взвинченный мужской голос:

— Никто! Мобильный отключен.

— Наверное, поехал домой принять душ, — откликнулся еще один инспектор. — Думаю, он смертельно устал — пахал всю ночь.

— Не хватало еще, чтобы шеф завалился спать.

Одиль не стала спорить:

— Ладно, давайте-ка я пошлю ему смс... Майора нет, а от Арсан есть новости?

— Она едет, только что меня предупредила.

Взгляды всех присутствующих уткнулись в обладателя информации — Милоша, любимчика шефа! Раз уж он был в курсе малейших передвижений комиссара, надо полагать, стал ей необходим. Крайне необходим.

— Так поторопись, — уколола Одиль. — Беги готовить ей кофе, у тебя две минуты, не больше.

Смешки и ухмылки со всех сторон довершили начатое — унизили и задели.

И Милош, вспыхнув, вновь уткнулся в папки досье.

«Что ж, презирайте меня, пока получается, я ведь умею и кусаться — долго ждать не придется. Арсан это тоже касается. Мне очень не нравится роль, что она мне приберегла. Прусак не должен был умирать. Я полицейский, кой-чему научился, начальница об этом позабыла. А ее задумки пахивают подставой. Ну так ей скоро платить, и счет будет немаленький».

Потирая виски, Милош вспомнил совет Паскаля.

«Он был прав — от этих залежей бумаг несет неприятностями. Но не в том смысле, как полагает Каршоз: здесь на явные доказательства вины всем было фиолетово. Почему никто не взял на себя труд состыковать факты? Хмм, ответ известен заранее — из-за недостатка времени и людей. И профсоюзы с этим согласны».

Из коридора слышались голоса и шаги. Движение свидетельствовало о появлении Антонии. Вскочив со стула, Одиль готовилась засыпать начальницу вопросами.

«Вот и она! Так я, по-твоему, букашка? Что ж, придется окрестить меня по-новому. Я накопал такое, что стану паразитом, королем паразитов. Подобного насекомого коллекция

Арсан еще не знала. От моего преобразования станет жарко — задницу мадам припечет неслабо».

Как Милош и думал, первой на Антонию накинулась Одиль. Лихорадочно-взвинченная, она обратилась к начальнице на повышенных тонах, что та сухо пресекла в момент:

— Модерато! Анукян, убавьте громкость. Если не ошибаюсь, в школе полиции вас учили соблюдать субординацию.

Одиль почувствовала, как щеки горят от смущения.

— Прошу прощения, патрон, и не думала вас оскорбить.

— Принимается, лейтенант. Что вы хотели еще?

— Информацию и указания в расследовании убийства Йозевича. Им пока никто не занимается, нам бы и карты в руки. Если дело передадут другому отделу, все будут рвать и метать.

— Понятно... А каково мнение Каршоза?

— Ээ... Майор завернул домой переодеться, скоро вернется.

Не дослушав до конца, Антония уже поняла, что Каршоз вымотался и решил сделать передышку, а Одиль его прикрывает.

— Ладно, надеюсь, явится в скором времени. У меня новая информация из Дворца правосудия, общий сбор в моем кабинете в 10.30. Присутствие Каршоза обязательно, пошлите ему сообщение. — Одиль чуть кивнула, обещая связаться с Паскалем. — И еще, лейтенант. Попросите Милоша зайти ко мне со всеми документами.

Одиль кивнула еще раз — будет исполнено. Безотлагательно.

Положив конец словесной перепалке, Антония направилась в свой кабинет.

Почти голые стены: она хотела, чтобы помещение было простым и сдержанным. Никаких фотографий — только официальный портрет француза номер один. Карта региона и план города, казалось, изнывали от скуки. Две фоторамки на рабочем столе — исключение из общего правила. С одной фотографии Антонии улыбался Жак. Со второй свою остренькую мордочку тянул Жорж.

— Открыто, Милош, заходи и прикрой дверь.

Появление букашки предварило робкое «тук-тук». Задыхлик вошел, едва удерживая кипу папок, и, воспитанный, как всегда, подождал приглашения сесть.

— Не стой столбом, бери стул.

— Спасибо, патрон, папки тяжелые.

Антония вздохнула: у парня силенок маловато, тут не поспоришь.

— Это означает, что ты нарыл весомые улики?

— Да... Но давайте прежде о сербе.

— А в чем проблема?

«Да в том, что я полицейский, должен защищать закон. Я верю в правосудие, а мои действия судит Господь, смотрящий сверху. Что ж, начнем говорить с ней в ее же манере».

— Мне не по себе, патрон, воротит от смерти Йозевича.

— И зря.

— Как сказать. Когда вы представили мне свой план, речь шла лишь о том, чтобы заставить серба распространять слухи.

— Верно — посеять панику в преступной среде.

— Но его не должны были убить. А убили!

— Ну и? Что ты хочешь сказать?

«Смелее, Милош, не дрейфь под ее взглядом!»

— Что вы использовали меня или прокололись. Мало хорошего в обоих случаях. Вы или желали его смерти, или не предвидели такого исхода.

— Третьего варианта не может быть?

— Нет. Серб прежде работал на Бонелли. Я читал об этом в архиве. Думаю, вы были и курсе, но скрыли от меня. Как и то, что его задерживали по подозрению в убийстве девочки в Герлане.

— Суд Антона отпустил.

— Пусть так. Но в этом деле слишком много умолчаний, патрон, а общая атмосфера меня напрягает.

«Жак говорит: ты недооценила гнома. Профессией он не ошибся — не пройдет мимо явных улик. К тому же у него просто талант копаться в прошлом. Недурно, но со мной ему не тягаться. Понимаешь, козьячка, я тоже умею читать досье. А в твоём личном деле есть пустоты, которые мне удалось восполнить. Ты ловко замаскировал свой секрет, никто не знает... кроме меня. Так следи за тем, что говоришь, Милош».

— Допустим, у тебя есть доказательства, что хочешь в обмен на молчание?

«Тяжело дышит, вот оно — с головой погружаемся в шантаж».

— Ничего, патрон. Почти ничего.

— Пусть и почти ничего — все же у тебя есть требование.

— Нет, пожелание — перейти в другой отдел. Я замазан, как и вы, одинаково виновен. В свое оправдание скажу, что полностью вам доверял. Но доверие поуменьшилось, и я просил бы содействовать моему переводу в департамент Эро. Это в ваших силах, большего не нужно.

«И все? Ты умиляешь меня, букашка, я-то ожидала чего покруче. Но ты пай-мальчик. Если думаешь, что я отпущу тебя, сильно ошибаешься: ты слишком мне нужен. Но только прочти сообщение из Ниццы — сам будешь умолять разрешить остаться».

— Глянь-ка на этот мейл.

— Что это?

— Копия секретного документа. От судьи из Ниццы.

«Ну что, зацепило, малыш? Аж в лице переменялся».

— Раввин? Как в Маконе? И что это значит?

— Значит, что он и есть убийца прусака. Я не могла предвидеть, что раввин пришлет серба, полиция об убийце понятия не имела... Да, Милош, выпали новые карты, нам загонять новых хищников. Я еще не знаю, что у них на уме, на кого они работают. Наше дело выяснить — пока ангелы Апокалипсиса не протрубили.

— Но почему этот тип прикончил Йозевича?

«Спасибо за вопрос, букашка, сам протягиваешь мне руку помощи».

— Как раз это я и прошу тебя выяснить.

— Простите?

— Напрягись, вспомни, что я сказала в ресторане: «Мне требуется молодой помощник с незамыленным взглядом». Вот это я и имела в виду: в расследовании нужен ты, чистый и необстрелянный. Ты должен увидеть то, что не заметим мы — побитые жизнью. И не сомневайся, я бы обязательно просветила тебя насчет «достижений» прусака — в нужный момент.

«Вот дерьмо, я зашел слишком далеко, совершил главную ошибку моей жизни! Как же

теперь вновь завоевать ее доверие? Спокойно, Милош, перечитай мейл, вспомни, где встречал упомянутое имя — где-то в досье. Точно, открой ту толстую синюю папку, ищи, это здесь. Брибаль... Брибаль... Брибаль...»

— Брибаль! Есть, патрон!

— А именно?

— Анри-Констан Брибаль, судья, председательствовал в процессе «421», прежде чем ушел в отставку.

— «421»?... Сгоревший клуб, где погибло два десятка молодых людей?

— Да, патрон, драма, разыгравшаяся в Ля Домб десять лет назад. Помните, процесс завершился скандалом: не было вынесено ни одного серьезного приговора.

— Так точно, теперь вспоминаю. Но какая связь с нашим раввином?

— Владельцем клуба был не кто иной, как Матье Бонелли. — «Ну и лицо у нее! Похоже, я снова поднимаюсь в ее глазах». — Вообще-то Бонелли не пришлось сесть на скамью обвиняемых: контракт с управляющим клуба освобождал хозяина от всякой ответственности.

— Узнаю Матье — его фирменные гнилые делишки.

— Это не все: Йозевич работал в «421» начальником безопасности. Он дежурил в клубе все уик-энды, кроме того, когда разыгралась трагедия — из-за бронхита. Однако это не помешало ему выступить на процессе свидетелем.

— Дай угадаю — на стороне защиты?

— В точку, патрон.

«Превосходно, букашечка моя, не можешь и представить насколько. Вот такого я и ждала от тебя, когда поручала порыться в архивах. История, которую ты вытащил на поверхность, пусть и стародавняя, проливает свет на нынешние преступления. Я полностью в этом убеждена. Но Жак говорит: «Осторожнее, Антония, используй ее, чтобы докопаться до правды и для своей большой стирки».

— Как на духу, Милош, все еще хочешь перевода в департамент Эро?

Шершень

*Зябко снаружи,
Стужа внутри меня -
Мне ли страшиться холода!*

Поля совсем серебряные — тронуты инеем.

Я приглядываюсь, соображаю, что к чему, раскидываю мозгами.

Клещ, черный таракан... а кто же я во всей этой истории? Шершень! Именно такое прозвище дали бы мне, служи я в армии. Шершень охотится на себе подобных. Бесстрашный, как палач, убивающий собратьев. Безжалостно.

Да, я и есть шершень — насекомое, что я выслеживаю, погибнет на костре. Напрасно умолять, лить слезы, стенать — я приведу приговор в исполнение недрогнувшей рукой.

Рено Бернье-Тенон.

Забавная привычка многих адвокатов обзаводиться длинными фамилиями. Да, это шикарнее смотрится на медной табличке двери кабинета. И хорошо звучит в зале суда.

Зал суда!.. Как-то раз Бернье-Тенон размахивал рукавами мантии на процессе — а не стоило. Эффектные речи, действенная защита, он просто вытащил подопечных.

А вот свою голову уберечь у него не получится — она слетит нынче вечером.

Защищать бандитов, мошенников, преступников — и не испытывать рвотных позывов? Все дело в наличных, другого ответа не бывает.

Бернье-Тенон богат, преступный мир щедро вознаграждает тех, кто ему служит. Достаточно лишь глянуть на особняк, сразу станет понятно — денег у адвоката куры не клюют. Замок, окруженный виноградниками, в самом сердце Божоле, в полудне от Лиона — немногие живут в лучших условиях. Но удивляет, что Бернье-Тенон — единственный здесь обитатель. Ни жены, ни детей, лелеет свое безбрачие в полутора десятках комнат, а эгоистичное одиночество разделяет только с парой слуг, да и те занимают сторожку поодаль.

Состояние позволяет красавцу осуществлять любые фантазии. Покоритель дам, отличная партия (дамам позволено мечтать), коллекционирует победы над прекрасным полом. А еще автомобили. Всех эпох и марок, ныне уже и не существующих. Бывшие конюшни адвоката теперь стали музеем. В нем живописно выстроились модели «Бугатти», «Дюзенберг», «Делайе», «Паккард». Но страсть владельца простирается дальше расстановки экспонатов: раритеты он холит и лелеет. Не могу и представить, во сколько ему обходится

содержание, но все машины в превосходном состоянии. Другими словами, на ходу. Каждый вечер он по очереди выгуливает их по деревенским дорогам. Нет, не накручивает километры — достаточно небольшого променада по окрестностям.

Я знаю маршрут, он неизменен.

Какова бы ни была погода, поездка начинается у ворот замка. Поворот налево после кованой решетки, дорога идет вдоль виноградников, к соседней деревне, огибает ее, поднимается, спускается и возвращается в исходную точку с восточной стороны. На все про все четверть часа. Немного, но мне достаточно: последняя часть проходит через лес. Да, аллея недлинная, зато расположена за парком. Есть еще преимущество — это частная территория. Здесь не встретишь никого, кроме Бернье-Тенона, слуг и заблудившихся прохожих. К этому списку следует добавить поставщиков продуктов.

Вот, кстати, и фургон доставки. Я хочу, чтобы меня заметили, водитель тут поможет.

Сбоку автомобиль украшает реклама. Если не ошибаюсь, добрый малый за рулем — мясник из деревни неподалеку. Хвала близкому соседству! Полицейским не придется долго искать свидетеля.

Знак «Стоп» заставляет шофера притормозить в конце аллеи.

Как черт из табакерки, я выскакиваю из скрывавших меня зарослей.

Почтенный торговец цепенеет, глаза вытаращены — раввин! Что ему здесь делать в час, когда и петухи еще не пели? Осматривает кусты, бывшие моим убежищем. По выражению лица водителя читаю его мысли. В конце концов, раввин — тоже живой человек, организм потребовал опорожнить мочевой пузырь. Не на людях же этим заниматься, вот и объяснение пребывания в укромном месте.

Довольный, что разрешил загадку, лавочник дружески кивает. Я отвечаю тем же и продолжаю свой путь. Моя машина припаркована метрах в двухстах. Свидетель должен видеть ее, но в общих чертах. На таком расстоянии невозможно различить марку — лишь стандартный серый кузов.

Прощальный жест, и приятель уезжает в противоположном направлении.

Бросаю последний взгляд на лес: сегодня вечером я сожгу здесь Бернье-Тенона. Места лучше не найти: не хотелось бы поджигать замок.

Черт, мобильный вибрирует, пришло сообщение.

Ну-ка, ну-ка... «Срочно приезжайте, вас ждут».

Отправляемся в Лион...

От переводчика.

О машинах адвоката

Североамериканские историки сошлись во мнении, что самые красивые легковые автомобили, когда-либо выпускавшиеся в США — «Дюзенберг». И хотя марка просуществовала всего 16 лет, причем независимость сохраняла лишь первые пять, ее модели были превосходными. История компании связана с Фредериком Самюэлем Дюзенбергом. Он родился в 1876 г. в Германии, приехал в США еще ребенком и считал своей родиной штат Айова. Начинал с изготовления велосипедов и участия в велосипедных гонках. После этого принялся за конструирование двигателей гоночных машин.

Марку «Бугатти» основал известный конструктор Этторе Бугатти — итальянец, родом

из Милана.

Французская марка «Делайе» основана Эмилем Делайе.

«Паккард» — автомобили, на которых ездили миллионеры, известные богатые люди, например, Николай II и Сталин. Этот автомобиль превосходил многие машины своего времени по качеству и дизайну. У истоков стоял Джеймс Паккард.

Муравьи

— Наконец-то!

Почти на грани нервного срыва, Одиль встретила Паскаля чуть ли не криком.

— С чего такое волнение?

— Вы не ответили на мое смс.

— Я получил его, когда был за рулем мотоцикла, девочка. Если ты не знала до сих пор, набирать сообщение и управлять «Ямахой» одновременно — наверняка значит вписаться в стену.

— Можно было остановиться и позвонить.

— Да ехать оставалось всего ничего... Ладно, что за переполох?

— Арсан вызвала нас всех, похоже, есть новые данные.

— Насчет Йозевича?

— Думаю, да, она только что вернулась из Дворца правосудия.

Новости оказалось достаточно, чтобы шеф поторопился.

Кабинет Антонии наполнялся и наполнялся сотрудниками. Большая часть полицейских стояла: размеры помещения не позволяли всем сидеть. Появление Паскаля вызвало вздох облегчения. И саркастическое замечание Арсан:

— Что, майор, на ночь без сна сил уже не хватает? Старость не радость, советую принимать витамины.

Малочувствительный к колкостям шефа, Паскаль парировал без особых церемоний:

— Насчет старости вам видней, патрон, держите витамины про запас? Если подкинете пачечку, буду благодарен.

Антония подавила желание ответить, что лучшие витамины для мужиков — свечи ректально. Перебранке, где кое-какие словечки могли бы шокировать дам, она предпочла достойное своего положения обращение:

— Хватит зубоскалить, держим уши пошире! В ваших интересах слушать внимательно, повторять не буду!

Комиссар задала тон совещания, все присутствующие смолкли, буквально глядя ей в рот.

— Как вам известно, вчера вечером зарезан Антон Йозевич. Судья Романеф, ознакомившись с делом, поручил расследование нашей бригаде.

Новость вызвала торжествующий гул.

— У меня была встреча с судьей утром, и он ознакомил меня также с докладом криминальной полиции Ниццы. В понедельник вечером на своей вилле заживо сожжен Анри-Констан Брибаль, бывший председатель суда высшей инстанции Бурга. Жена жертвы отсутствовала, находилась в гостях у друзей. И, как и в поезде, где путешествовал Бонелли, рядом с поместьем Брибалеи замечен раввин... Теперь от поместья осталось лишь пепелище.

Как обычно избегая поспешных заключений, Паскаль возразил в стиле адвоката дьявола:

— Из этого делать выводы, что раввин убил обоих парней... Сперва бы доказательства собрать.

— Когда вы узнаете, майор, что Брибаль убит тем же способом, что и Бонелли, что извлеченные из тел пули выпущены из одного оружия — «беретты», что описание раввина совпадает в обоих случаях, думаю, эти три факта напрочь изгонят мысль о простом совпадении.

— Вот как... Раз имеется весь набор, тема случайности закрыта. — Но тут же нарушил обещание, воздев указательный палец: — Минутку, патрон! Такой момент: мы отклоняемся, нам поручили расследование убийства Йозевича, а не поиски мифического раввина.

— Совершенно верно, майор. Однако есть все предпосылки считать, что раввин, возможно, имеет отношение к убийству. Подвожу итог...

Пока что все разворачивалось как нельзя лучше, под влиянием голоса Арсан аудитория размякла и подчинилась. Антония постаралась удержать достигнутый спокойный нейтралитет:

— Кто такой наш раввин? Если — подчеркиваю, если! — этот парень — разыскиваемый убийца, то вот вопрос: он психопат или наемник? Во-первых, надо установить связь между двумя преступлениями. И, во-вторых, выяснить, кому они выгодны. Метод расследования зависит от мотива. Охотиться на сумасшедшего или на профессионала? На того или другого — не на обоих разом.

Сосредоточенная, готовая ринуться в бой, Одиль согласилась:

— Вы правы, патрон, мы не можем расплыться.

— Спасибо за понимание, лейтенант. Но есть еще одна загвоздка. Прежде, чем отправиться на охоту, вам следует знать, что Бонелли был владельцем клуба «421». Помните, сгоревшего в Ля Домб десять лет назад. А председательствовал на процессе Брибаль. Ну и для полноты картины — перед судом Бонелли не предстал, а Йозевич работал в заведении, но болел и отсутствовал вечером, когда случился пожар.

В памяти всех присутствующих всплыла та драма. Паскаль с сомнением поскреб подбородок.

— Вы серьезно думаете, патрон, что «421» может иметь касательство к нашему геморрою?

— Вполне серьезно.

— А какая связь с двумя убийствами?

— Ну, навскидку — месть близкого человека жертвы.

— Десять лет спустя? Нет, маловероятно. Думаю, ни один из нас не подпишется: здесь не пахнет ни мстителем, ни сумасшедшим. Эта версия — мимо кассы, отстой. Если действительно дело закрутилось с пожара в «421», то по другой причине.

Негромкий гвалт подчиненных Паскаля означал единодушную поддержку его слов. Донельзя довольная их точкой зрения, Антония все же подстраховалась:

— Очень хорошо, никто не упрекнет, что я пренебрегла этой версией. Ладно, адье, психопат, посмотрим, что у нас на профессионала.

Непроницаемым взглядом Арсан просканировала сослуживцев. На лицах коллег явственно читалась приверженность второму сценарию. Раз им так хотелось «грязных» подробностей, комиссар предоставила широчайший выбор.

— Процесс «421» демонстрирует следующее: Брибаль допрашивал Бонелли, но не подверг судебному преследованию. Тем не менее, они встречались и разговаривали.

— Известно, о чем? — прервала ее Одиль.

— Если засечь по минутам, Брибаль вывел Бонелли из дела меньше, чем за две. Согласитесь, потрясающая скорость. Виделись ли они впервые? Или между ними были отношения и прежде? — Пауза, необходимая для следующего разоблачения: — Мне кажется странным, что, выйдя в отставку, Брибаль приобрел виллу стоимостью в полтора миллиона евро.

— Что?!

Все голоса слились в этом восклицании. Антония продолжила:

— Справедливости ради скажу, что тесть адвоката богат. Но если у мадам всегда водились денежки, почему в течение более тридцати лет она удовлетворялась рядовыми домами? Хороший вопрос, правда?

— Первостепенный! — подчеркнул Паскаль. — На жалованье члена суда состояния не сделаешь. Изучим его счета под микроскопом.

— Как и появление раввина, он ведь и есть связующее звено.

— Между нашими двумя поджаренными, да, но Йозевич — другое дело. К тому же, one more time, мы должны заниматься его смертью — не поисками раввина.

Антонии хотелось завязать с хитросплетениями и уловками, тем более, что противопоставить последнему ходу было нечего.

— Если бы фамилия жертвы не была Йозевич, БРБ об этом деле и слыхом не слыхивала бы. Догадываетесь почему, Каршоз?

— Даже чересчур! Гаденыш шустрит у всех криминальных авторитетов. Сто против одного — его смерть связана с приятелями, к которым тот похаживал в гости.

— Вы почти угадали, майор: Йозевич был Мистер Безопасность в «421» и свидетельствовал в пользу управляющего. Хотя Антон и отсутствовал на рабочем месте вечером, когда разыгралась трагедия, могу поспорить, что показания его были убедительны: начальник отделался малой кровью.

— Вот дерьмо!

— Не навязываю своего мнения. Добавлю лишь, что мне не особенно нравится, как Брибаль удовлетворился показаниями серба. А что до связи между «421» и нашими тремя преступлениями... Если ниточка и существует, то вопрос, конечно, в деньгах.

Ситуация под контролем комиссара, осталось лишь чуть «поперчить».

— Грязные махинации, судейское крюкотворство и, возможно, взятки в конвертике... Вот почему Романеф из кожи вон лез, чтобы перехватить это дело для нас. Между нами: судья пестует гипотезу, что раввин принадлежит к преступным кругам. Розыск уже объявлен.

— Возможно, патрон... Но вот гибель Йозевича... ничто не указывает, что к праотцам его отправил наш иудей.

Несущественное соображение — Арсан отмела его, как пушинку.

— Серб был настоящим параноиком, шарахался от собственной тени. А судя по тому, что нам известно, он даже не пытался защититься от убийцы. Чтобы приблизиться к жертве, преступник должен вызывать доверие.

— Ну да... вы правы...

— А кто боится священника, майор? Никто! Так что эту версию вполне можно

разрабатывать... Если убийца именно раввин, почему он прирезал Йозевича и поджарил двух других? Вам предстоит это расследовать.

Исчерпав тему, комиссар хлопнула в ладоши:

— Все, разговор окончен! Трудитесь, как муравьи: ройте, тащите информацию, мне нужна конкретика. Да, пока мы не расстались — хочу поблагодарить лейтенанта Машека: его анализ архивных дел позволил нам существенно продвинуться. Bravo, лейтенант, отличная работа.

Милош покраснел как рак, никто не заплодировал. Однако и с издевками коллеги поостереглись — большой прогресс, по мнению букашки.

Обсуждая услышанное, муравьи по одному покинули кабинет шефа. Паскаль тоже собирался выйти...

— Оставайтесь, Каршоз, надо поговорить.

Майор удивленно взглянул на Арсан, развернулся и сел напротив. Как только дверь закрыли с той стороны, комиссар перешла в наступление. Каждое ее слово было обдуманно и взвешено судьей. Вся речь — сплошной порох, готовый рвануть в любую минуту.

— То, что я хотела вам сказать, майор — деликатная тема. Вот почему обойдусь без околичностей: мне известно, что вы активный член левого экологического движения. Имеете там даже обязанности и должность.

Паскаль возмущенно взвился со стула, как бешеный пес.

— Вас это касается?!

— Ничуть, личная жизнь — ваше дело. А вот профессиональная жизнь подчиненных, напротив, интересует меня безмерно.

— Куда вы клоните? Собираетесь начать охоту на ведьм?

— Нет, конечно, майор. У половины полицейских правые убеждения, у остальных — левые, двадцать процентов — франкмасоны, и я уважаю ваши взгляды... Я прошу об услуге именно активиста партии.

Паскаль опустил на стул, заинтригованный речью.

— Допустим, я могу ее оказать — чего вы хотите?

— Попридержите Гутвана... Мне известно, что он ваш однопартиец.

— Допустим... Что дальше?

— В прошлом он мешал нам спокойно работать. Не желаю, чтобы это повторилось в деле Йозевича. Статьи журналиста могли бы повредить поискам истины.

В подтверждение своих слов Антония показала последнее произведение Гутвана. Казалось, в описание убийства Бонелли и его громилы тот вложил всю душу и все чернила. Писанину завершала скользкая фразочка: «Раввин, замеченный свидетелями, до сих пор не обнаружен».

Этого оказалось достаточно, чтобы Паскаль поменял мнение.

— У вас есть план, как притормозить его перо?

Антония филигранно обхаживала Каршоза — сам Макиавелли был бы ошеломлен ее хитростью.

— Я буду опрашивать родственников жертв пожара в «421».

— О! Намерены порыскать среди простого народа?

— Для отвода глаз, майор! Арсан, великая жрица БРБ, занимающаяся делом, сданным в архив, — такая фишка непременно привлекла бы Гутвана.

— Ммм... А чего вы ждете от меня?

— Чтобы вы навели его на мое «расследование». И на какое-то время он оставит вас в покое. Все, чего прошу, это заставить журналиста поверить, что ваше дознание — второстепенное, что-то вроде ложной цели — типа отвлечь внимание от моего дела. Он не должен упоминать о раввине, иначе статьи спугнут нашего дружка-приятеля в конце концов.

— Если это вообще убийца.

— Вот именно. Поскольку у нас нет доказательств, подстрахуемся... К тому же есть и более серьезная проблема.

— Какая?

— Журналист начнет копать про раввина — выйдет и на Вайнштейна. И я уж молчу про Рефика, который подкармливал Йозевича.

— Гутван не дурак — обвинять, не приняв меры предосторожности.

— Вам обязательно придется вести розыск по значным местечкам Еврея и Турка, Гутван это пронюхает. И если начнет, не дай бог, дергать Вайнштейна — налетит вся еврейская община. А примись он за Рефика — и великий муфтий со своей кликой намылят нам холку. Моя позиция четкая — ни тех, ни других в этом грязном деле.

Доводы Арсан встревожили Паскаля, он не знал, что и думать. Обмозговав их со всех сторон, он принял решение:

— В деле Рефика все долго гадали, кто осведомлял Гутвана.

— Да, был «крот», подрывавший нашу работу.

— Немало людей было уверено, что стучал полицейский. И если теперь у меня получится слить журналисту нужную нам информацию, это будет означать, что и раньше я такое проделывал. В деле с грузовиком, скажем. А мне не улыбается загонять себя в ловушку.

Страхи майора были напрасны: виновного в утечке давным-давно перевели без особой огласки на островок с дождливым климатом, где тот служил, забытый всеми. Антония знала осведомителя, но не могла назвать. Доверить эту информацию Паскалю — такое не укладывалось в ее схему. Романеф предвидел и подобный поворот разговора.

— Что вы делали с субботы по понедельник, майор? Меня особенно интересует воскресенье и понедельник.

— Не понимаю вопроса.

— Ответьте и увидите, к чему я клоню.

— Отдыхал — рыбачил на щуку и сидел у телевизора.

— Кто-то может подтвердить ваши слова?

— Я живу один. Кроме кота, никто.

— Значит, вас могут заподозрить в совершении этих трех убийств.

Паскаль чуть не взорвался от хохота. Арсан бредит! Майор был тертый калач и просто отмахнулся от ее угрозы.

— А каковы мотивы? Сгораю от нетерпения.

— Им уже десять лет, майор, как и драме «421».

— Я к той истории никаким боком. При всем моем уважении, комиссар, здесь у вас не выгорит.

— Десять лет назад вы попали в перестрелку, напарница получила пулю, прикрывая вас, и умерла на ваших руках. Новичок Сандрин Амон, двадцать четыре года. Вы сделали все, чтобы уберечь ее, как считаете? Кой-кто болтал, что вы были любовниками...

Задетый за живое, Паскаль сорвался с цепи и послал к черту субординацию. Наплевае

на последствия в самом вульгарном смысле слова.

— Клал я на вас, Арсан! Роетесь в дерьме, гестаповская овчарка!

— Нет, полицейский, как и вы, майор. Тот, кто должен все помнить... а я помню, как вы поклялись отомстить.

— Откуда вам известно? Мы же тогда не работали вместе.

— Читала ваше личное дело. Вас же даже заставили посещать психолога...

— Это все?

— Не все! В той истории фигурировали и корсиканцы, и Вайнштейн, и Рефик. Странно, правда?

Паскаль кусал губы, удерживая рвущиеся оскорбления.

В глубине души майор знал, что Антония права: он любил Сандрин и все еще винил себя в ее гибели. Почему он из кожи вон лез, чтобы закалить напарницу? Потому, что та не вызывала особого доверия у бывалых коллег.

Слишком юная, слишком хорошенькая, слишком кукольная внешность.

Обаяние — физический изъян в глазах тех, кто его лишен.

Чтобы заткнуть рты насмешникам, Паскаль брал Сандрин на вызовы чаще, чем других. Все шло нормально до того проклятого дня, до приказа следить за машиной курьера — рядовая операция. Осведомитель сообщил полиции о перевозке кучи липовых паспортов. Кто был клиентом? Бонелли? Вайнштейн? Рефик? Стукач знал только имя изготовителя фальшивок.

В обязанности Каршоза входило накрыть преступников. Служебная субординация диктовала действовать. И стойкий оловянный солдатик Паскаль взял с собой Сандрин — как положено.

Служка поначалу была самой обыкновенной, а потом все вышло из-под контроля. Полицейских застали врасплох сообщники шофера. Засада в лесу, перестрелка, бегство нападавших, пропажа фальшивок...

Опущенный занавес, «Покойся с миром», смехотворные сожаления...

Сандрин осталась лежать там, на месте схватки. Похороны в родной деревне. Большая помпа, гроб окружен официальными лицами. Речь, медаль, прощальный залп. Затем темнота и могильные черви. На белой надгробной плите префект поместил табличку «Лейтенанту полиции Сандрин Амон — благодарная Франция (посмертно)». Почести по уставу.

— Глупостей больше не болтаю, майор, мои обвинения беспочвенны.

Паскаль вздрогнул, как будто очнулся ото сна.

— Так зачем валить на меня эту чушь?

— Чтобы показать, что можно говорить ужасные вещи, не задумываясь. Пора начать мне доверять, Каршоуз. Я знаю, что вы не замешаны в утечке информации. Прошу лишь о небольшой услуге — для пользы дела: пусть Гутван не путается под ногами... И найдите мне этого раввина...

Гусеница

В этих местах чуть переиначили известную присказку: «Увидеть Калюир и помереть».

Кантон Калюир-и-Кюир на границе Лиона между Роной и Соной объединяет сорок пять тысяч жителей. Но, несмотря на размеры, его считают городком в предместье.

Пригородом.

Окраина Лиона — настоящий лабиринт. Без малого миллион лионцев разделены на сорок восемь коммун, притиснутых друг к другу — иголку некуда воткнуть. Прогуливаясь от холма к холму, незаметно для себя пройдешь несколько административных единиц.

Путешественник здесь заплутает.

Даже если он из местных.

Вооруженный древней картой Милош служил подтверждением этому факту.

В глазах Антонии действия букашки были необдуманными и достойными порицания.

— Мог бы завести себе навигатор. Что это за планчик? Ему сто лет в обед. С тех пор столько понастроили, да и дорожные знаки поменялись.

— Но впереди должен бы находиться проспект генерала де Голля.

— Да, только перед нами кладбище. Сворачивай направо, кажется, я помню, где находится улица Пьер-Буржуа.

Рассвирипев, Арсан взяла на себя управление «экспедицией». Милош сконфуженно ссутулился, молясь про себя святому Иосифу. К боязни управления машиной приплюсовался страх плохо выполнить ее приказы.

— Приехали! Продолжай держаться правой стороны, будем на месте через пять минут.

— То есть до назначенного времени.

— Лучше раньше, чем позже. Давай, Шумахер, смотри на дорогу — улица полна неожиданностей.

Шоссе изобиловало «лежачими полицейскими». Некоторые походили на пешеходные переходы, прохожие так и норовили их спутать. Боясь кого-нибудь сбить, Милош напряженно держал на спидометре не более тридцатки. Зато на этой скорости он мог полюбоваться районом. Современные здания соседствовали со старыми строениями. Пейзаж оживляла зелень. Квартал производил приятное впечатление, не то, что его, мрачный.

«Неплохо было бы жить в таком местечке. Ха, будем ждать повышения, пока мне бы холодильник на новый поменять. У каждого возраста свои возможности, и время проходит быстро. Тот, кто ждет нашего визита, в полной мере ощущает груз прожитых лет: господин Юбер Канонье, бывший член коллегии адвокатов Лиона. Из-за несчастного случая защитой он больше не занимается. Непривычно, наверное, резко оборвать карьеру после активной деятельности. Судя по тому, что я читал, Канонье сражался во всех громких процессах. Бой, принятый в деле «421», стал одним из последних. Защитник выиграл бесславную битву, высоко держа голову. Впрочем, он сам об этом поведает, мы уже на улице Пьер-Буржуа, сюда он и удалился от света».

— Прибыли в пункт назначения, Милош.

— Вижу, патрон, приехали раньше назначенного срока, как я и говорил.

Мест для парковки на улице было в изобилии, Милош вырулил к дому адвоката. Выйдя из машины, осмотрел здание. Довольно новое, симпатичная архитектура, но все равно — не такое он ожидал увидеть.

— Так Канонье кукует в этом домишке? Не бог весть...

— Что тебя не устраивает?

— Все устраивает, дом даже ничего себе. Просто я-то думал, что адвокат проживает в особняке.

— Знаешь, что он вышел в отставку в сорок пять лет?

— Да, из-за несчастного случая.

— Ну, так считает копейки, как и все вокруг. Но, судя по всему, запасец имел. Жалеть его не будем — квартирка хорошая.

«Кому ты говоришь!» — чуть не возразил Милош.

Антония набила трубку. Раскурила, пыхнула дымом, мысленно бросила жетончик в аппарат связи с небесной канцелярией.

«Дела идут, Жак. Йозевич получил заслуженное, Вайнштейн и Рефик косятся друг на друга, Тино скоро их «помирят». А в нашем ведомстве Каршоз подведет Гутвана под монастырь, тот собьется с верного курса, и Романеф завершит начатое. Радужные перспективы».

Проходящий мимо тип из разряда «Старая добрая Франция» резко затормозил, пораженный видом большой трубки в зубах Арсан.

«Не переживай, любимый, я остаюсь честным полицейским, но кто-то же должен делать уборку там, куда не достает метла. Мы заварили кашу, чтобы вокруг было почище. Осталось разгрести завалы в истории с раввином».

Зевака продолжал таращить на Антонию глаза размером с блюдца. Комиссар, утомившись от настойчивого внимания, пустила струю дыма в его сторону. Шокированный или испуганный, тот сразу же дал деру.

«Тем, кого удивляют мои методы расследования, я бы втолковала, что они не меняются в зависимости от ситуации. Да-да, Жак, я применяю закон одинаково для всех. Каждое преступление должно наказываться: пусть я и благословляю убийцу Бонелли, найти его — мой долг. Видишь, для этого и приехала поговорить с Канонье».

— Идемте, патрон, пора.

Позиция off. Антония знаком дала понять, что гасит трубку. Пока убирала ее, сделала несколько широких шагов и оказалась под окнами здания.

Посетителей встречал домофон. Арсан нажала кнопку вызова рядом с именем адвоката.

— Да?

— Здравствуйте, мэтр, это комиссар Арсан, звонила вам утром.

— Приветствую, комиссар, открываю. — Щелчок освобожденного замка, просвет в дверном проеме. — Четвертый этаж, налево.

Бормоча «Спасибо», визитеры прошли в холл. Тот соответствовал высокому классу здания. Мрамор, стекло, растения — фешенебельный уровень. И вершина роскоши — аромат амбры в лифте. Сопровождало до четвертого этажа благоухание, встречала приоткрытая дверь апартаментов Канонье.

— Входите, — крикнул хозяин из глубины квартиры. — Я в гостиной!

Полицейские закрыли за собой дверь, прошли по коридорчику — и протерли глаза. Комната, где их поджидал адвокат, сияла ослепительной белизной. Ни одного цветного предмета мебели — ее вообще было мало. Даже ковровое покрытие белое, одинакового оттенка с цветом стен. И — диковинка в абстрактном стиле — висящие девственно-чистые полотна. Ни безделушек, ни сувениров. Канонье жил в первозданном пространстве, причудливом подобии рая. Одежда под стать, тоже белая: просторный халат и сандалии спартанского воина сочетались с эстетизмом места. И лишь толстая сигара — мазок табачного колера в окружении отшельника.

Окутанный голубоватым облачком хозяин, сидящий в позе «дзен» в вольтеровом кресле, вызвал в воображении Антонии гусеницу из сказки «Алиса в стране чудес». Непринужденность Канонье демонстрировал не меньшую.

— Добро пожаловать, комиссар. Надеюсь, дым вас не беспокоит.

— Вы у себя дома, мэтр, и я тоже курю.

— Тогда закуривайте без церемоний. Вы тоже, мсье... Как вас зовут, кстати?

— Лейтенант Милош Машек, мэтр. Курение пока не входит в число моих недостатков.

У меня много других, а о ниспослании этого изъяна не перестаю молить дьявола.

Ответ понравился Канонье и удостоился его удовлетворенной улыбки. Парень обладал остроумием и приличными манерами. Никак Антония не могла его раскусить: букашку следовало назвать Янусом. Если в бригаде лейтенант изъяснялся коряво, то на нейтральной территории говорил легко и цветисто. Странная двойственность. Кто же он на самом деле?

Пока комиссар ломала голову, Милош искоса изучал Канонье. Тот бархатным голосом пригласил гостей садиться.

«Ладно скроен, темные волосы, гладкое лицо, импозантен, я бы сказал, хорош собой — должно быть, производил разрушительные набеги на женские ряды. Тем более, что так и не был женат, разве только на своей работе. Судя по первому впечатлению, оправился от последствий несчастного случая, если можно оправиться от перелома позвоночника. Черепно-мозговая травма, перелом костей таза, не знаю чего там еще — так, здесь повезло выкарабкаться. Восторгаться чудом — дело лишнее, скажем, господь дал второй шанс. Ох уж этот мотоцикл, думаю, Канонье проклинает его небезопасность. Байк, которым управлял мэтр, влетел под грузовую машину, спасатели извлекли из-под колес перемолотое тело. Адвокату не только пришлось расстаться с коллегией — Канонье как проклятый вновь учился ходить, на реабилитацию потребовались годы. К тому времени, как ноги вновь стали слушаться, клиенты давно его покинули. Печальный конец карьеры, защитой он больше так и не занимался».

Покашливание. Голос Антонии вернул Милоша к действительности.

— Гм! Спасибо, что согласились нас принять, мэтр, обещаю не очень вас утомлять.

— Господи боже, я неплохо себя чувствую, комиссар. Конечно, передвигаюсь я не так хорошо, как раньше, жутко хромаю... — Канонье указал на трость, притаившуюся за шкафчиком. — ... Вот почему мне необходим этот предмет. Не хотел использовать его в вашем присутствии от стеснения или гордости.

Багряно-красная палка, нечто несуразное в декоре.

— Гляди-ка, не белая, — усмехнулась Антония.

— «Слепая» — так прозвали богиню правосудия, комиссар. Я достаточно долго служил ей, теперь могу отплатить ее же цветом — хотя белый нельзя назвать цветом. И потом, мне отказываются служить ноги, а не глаза.

Сбитая с толку, Антония вцепилась в тему разговора, как кошка в мышь.

— Могу задать вам вопрос?

— Попробуйте, если иск может быть принят к рассмотрению.

— Почему вокруг все белое? Однородного белого цвета?

Канонье затянулся сигарой, изучающе оглядел Арсан, забавляясь, склонился в ее сторону:

— Вечность, комиссар — вот что я видел в конце туннеля.

— То есть?

— Я подошел к ней очень близко, впад в кому. — В глазах заплясали искорки. — Ослепительная граница, ее охраняет неземное существо, сияние его улыбки озаряло мир до небес. Волшебная картина, все страдания испарились, я был свободен, безмятежен, исцелен от всякой муки... В память об этом миге я и живу в белизне, подобной свечению звездного путешествия... — Мэтр выпрямился, вновь заговорил шутовским тоном: — Мы прояснили загадку, можете теперь считать меня помешанным, не буду на вас в претензии.

Антония заговорщицки подмигнула — не тот случай.

— О нет, мэтр, с головой у вас все в порядке. Я читала статьи на эту тему. Люди, пережившие клиническую смерть, называют это явление «белым светом».

— Очень точно. Или «сияющее пространство». Но, если не ошибаюсь, вы пришли не затем, чтобы получить мое свидетельство об этом феномене. Хотите поговорить о деле «421»?

— Спасибо, что напомнили... На самом деле, мэтр, надеюсь получить от вас сведения.

Клубы дыма, задумчивое молчание. Канонье вздохнул, стряхнув пепел.

— Хм... Крайне удивлен, не скрою: вы, глава БРБ, лично ведете расследование закрытого дела?

Адвоката беспокоили действия Антонии. Ярко выраженные паузы в разговоре показывали недоверие.

— Я не расследую, мэтр, а исследую.

— В зале заседания, комиссар, мне не составит труда объединить эти два глагола в одно выражение — «рыться в давно похороненном». Так чего же вы добиваетесь, эксгумируя эту драму?

— Пытаюсь понять настоящее, мэтр, и пришла я как друг. И в этом качестве рассчитываю на соблюдение вами тайны.

— Можете довериться, если хоть немного введете меня в курс дела.

— Матье Бонелли убит.

— Я узнал об этом из сегодняшней газеты.

— Но вы пока не знаете, что Брибаль и Йозевич последовали за ним. Они тоже убиты... Вот поэтому мы и задаемся вопросом: есть ли связь между их смертями и трагедией «421»? Сомнения и заслуживают нашего внимания...

Оглушенный новостью, Канонье чуть не откусил кончик сигары.

Комар

Юбер просил ее зайти побыстрее.

Но стоит ли ехать в Калюир? Так ли необходимо ее присутствие? Она знала, о чем пойдет разговор с полицейскими. И меньше всего хотела с ними беседовать на эту тему. Где им понять ее страдания. Сколько потребовалось лет, чтобы заглушить кошмары.

Она смотрела на фотографию Рашель.

Как смотрят, ожидая ответа.

Выйти? Остаться?

Потерянная — будто комар, бьющийся о стекло.

А всего и надо — толкнуть дверь и перешагнуть порог.

Проще некуда.

И так мучительно: решиться шагнуть наружу значит вскрыть старые раны.

Так недавно зарубцевавшиеся.

Жизнь стала ясной, и она обрела покой.

Так выйти? Остаться?

Юбер ее ждал, а она не привыкла подводить. Он помогал ей с такой преданностью, больно его разочаровывать.

Но он знал, что делает, принимая полицейских. Зачем они вернулись на десять лет назад — выяснить это небезынтересно. Чего ищут? Откопали новые факты?

Руки прижаты к стеклу витрины, мысли кружат.

Какое решение принять?

Выйти? Или остаться?

Пусть решит судьба. Амели, служащая ее магазина, запаздывает — никогда такого не случалось прежде. Не появится через пять минут — вот и знак не двигаться с места. Положиться на жребий — не веря в приметы.

Выйти? Остаться?

Истекли две минуты, продавщицы не видать — отсюда до конца улицы.

Три... Четыре...

Черное мешковатое пальто, прихрамывающая походка, седой узел на голове.

Амели направляется на службу.

И, значит, надо выходить...

Скорпион

После первого минутного удивления Канонье вновь обрел способность рассуждать.

— Брибаль... Йозевич... Франция потеряла два потрясающих образчика гомо легалус — в шутовском варианте.

— Гомо легалус... Не поясните?

— Весьма охотно, комиссар. Юридические справочники «Даллоз» [\[23\]](#) — пунктик Брибаля, только именем уголовного кодекса он и клялся. Между нами, я всерьез думал, что судья поглощал страницы свода законов на завтрак. Йозевич — дело другое, такого комедианта увидишь нечасто. И его показания на процессе наилучшим образом подкрепляли выкладки законников. Он даже цитировал наизусть уголовные статьи, причем ни в одной не ошибся и в запятой. Брибаль был на седьмом небе, так же как мой собрат — адвокат серба, который, уверен, и написал текст речи.

— И чего ж такого прекрасного поведал голубчик, чтобы очаровать нашу парочку?

Клубы дыма, Канонье сортирует байты памяти.

— Если попроще: что официальная комиссия гарантировала безопасность клуба. Это была правда, увы: Антон с управляющим присутствовали при инспекции. В подтверждение был представлен положительный отчет.

— Не подкопаешься.

— Это и ужасно! «Уполномоченными экспертами» выступали местные спасатели. Они не имели представления о современных материалах. А в «421» большинство принадлежало к четвертому классу — по меньшей мере сто двадцать восемь легковоспламеняющихся элементов. Проверяющие же ограничились осмотром электропроводки, убедились в отсутствии полиуретана и, совершенно удовлетворенные, подмахнули необходимые бумажки... К великому счастью мэра! Для него открытие клуба означало наполнение бюджета.

Невеселое молчание подытожило речь. Из-за мерзавцев и горе-специалистов два десятка молодых людей, полных надежд, погибли в пламени. Клуб «421» был разделен надвое, пожар занялся над главной танцплощадкой в передней половине помещения. Из первого зала посетителям удалось спастись. Но не тем, кто танцевал в дальней части. Подвесные потолочные конструкции, софиты, прожекторы обрушились мгновенно. Эвакуация из одного зала в другой стала невозможна. А пожарные выходы в задней части клуба отсутствовали.

Милош нарушил затянувшееся удрученное молчание:

— Я читал, что решение суда сочли жалким.

Канонье кашлянул, поперхнувшись нервным смешком:

— Ха-ха! Приговор совсем не был умеренным — по закону, который Брибаль применил, не видя дальше своей судейской шапчонки.

— Извините, плохо вас понимаю.

— Поясню: для этого типа правонарушений законодательство того времени предусматривало два года тюремного заключения и штраф в размере двадцати тысяч франков.

— Этот тариф и применили?

— Нет. Мэр Сильвен Жуфлю получил десять месяцев условно и небольшой штраф. Управляющий клубом выплатил смехотворную сумму родным погибших и провел за решеткой шесть месяцев, прежде чем уехать в Марокко. Остальных проходивших по делу лишь отстранили от должностей.

— И все?!

— *Dura lex, sed lex...* Закон суров, но это закон.

Милош изобразил, как рухнул, потрясенный мягкосердечием решения.

— Знаю, лейтенант, приговор просто вопиет о несправедливости. Я и сейчас киплю от негодования. Но что поделаешь? Кассационная жалоба была обречена заранее, Брибаль провел процесс без сучка и задоринки. — Адвокат затянулся — оживить сигару. — Вот еще одна латинская сентенция, которая кажется подходящей к моей профессии: *in cauda venenum*.

— «В хвосте яд» — намек на скорпиона.

— Да, лейтенант, римляне употребляли это изречение. Знаете, в каких случаях?

— Нет, не знаю.

— Тогда придется вас просветить: так именуется искусство хлестко закончить письмо или ядовитый выпад в беспощадной судебной схватке. Синоним изворотливости: показываешь мирный нрав в начале речи, а в финале жалишь не остерегающегося противника. Я и есть скорпион, лейтенант — умею впрыснуть яд в подходящий момент. Но порой правосудие обуто в железные сапоги, и я бессилен.

Убежденная лишь наполовину, Антония вновь пошла в атаку, не давая хозяину передохнуть:

— Почему вы не попытались привлечь к делу Бонелли?

— Думаете, не пытался, комиссар? Я заявлял о его соучастии. Но и его закон освободил от всякой ответственности, увы.

— Вы говорите о контракте?

— Именно, о чертовски хорошо состряпанном контракте. Бонелли не касалось то, что происходило в клубе «421» — это же предприятие, взятое внаем.

— И платежи, вероятно, шли взятками.

— Вижу, вы хорошо знали Корсиканца...

Горечь на душе и во рту. Антония не смогла сдержать жестоких сожалений.

— Если бы смертная казнь продолжала применяться, эти мерзавцы заслуживали бы гильотины.

Мгновенная вспышка гнева Канонье сотрясла белые стены.

— Нет, комиссар! Я был адвокатом и не могу позволить вам так говорить!

— Даже в этом гнусном деле вы не поддерживаете высшую меру?

— Один из самых яростных ее противников! Смертная казнь — настоящая ересь! — Не фанатик по натуре, Канонье вновь обрел свою манеру общения. — Позвольте доказать абсурдность этой меры в двух словах?

— Я вся обратилась в слух.

Канонье раздавил сигару в знак начала действия. Такой же эффект произвел бы взмах рукавов мантии: защитная речь требовала свободы рук.

— Вводя смертную казнь, мы совершили глубокую ошибку — сочли себя равными Богу. А на самом деле действовали подобно дьяволу. — Важнейший момент выступления, голос опустился в самый низ октавы. — Отрубить голову — двойное варварство. Во-первых, убить убийцу значит стать таким же преступником. Во-вторых, раз смерть приговоренного неизбежна, казнь — такое же душегубство... Поверьте, осудить человека на размышления о содеянном — гораздо более суровое наказание, чем эшафот. — Когда, голос повышается до ноты соль. — Таковы мои убеждения, комиссар, делайте с ними что хотите.

Удовлетворенный проповедью, Канонье откинулся в кресле. Ничуть не обращенная в его веру, Антония мрачно усмехнулась в глубине души.

«Что ж, дорогой мэтр, вижу, вас осенил ангел крылом. Не только спина — серьезно пострадала и ваша черепная коробка. Да знаете, что говорят члены мафии, отбыв срок и выйдя из тюрьмы? Что действовали во имя чести! Да, это все, что они выносят из долгого заключения. На жертв им плевать. Ни малейшего раскаяния — они же пуп земли. Убийцы все одинаковы — эгоистичны, эгоцентричны, не заботящиеся о зле, которое причинили. Нет, не вашей дешевой философии изменить мою точку зрения. Останусь при своем мнении, основанном на реальной жизни и непоколебимом».

— Благодарю, мэтр, ваша речь убедительна.

«Убедительна... Расхожий оборот лицемерного толка», — хмыкнул про себя Канонье.

— Вы слишком добры, комиссар.

— И на этой прекрасной ноте мы покинем вас, если только у лейтенанта Машека не осталось вопросов.

Тот отрицательно качнул головой: темы исчерпаны. Антония поднялась, и Милош последовал ее примеру. Комиссар поблагодарила хозяина, но комплименты повисли в воздухе на середине фразы. Звякнул входной колокольчик.

— Вот и она, — просиял Канонье. — Счастлив, что ей удалось освободиться, я должен вас познакомить.

— О ком вы говорите, мэтр?

— О даме, что стоит за дверью. Бывшем президенте ассоциации жертв трагедии «421». Ее единственная дочь погибла в пожаре.

Пусть о госте полицейские узнали совсем немного — она вызвала самый живой интерес. По просьбе Канонье, лишенного возможности передвигаться, Милош бросился к входной двери. И несколько секунд спустя вернулся с женщиной. Высокого роста, стеснительная, бледноватая, неулыбчивая, разменявшая пятый десяток. Одета в неяркий плащ, светлые кудри скрыты беретом. На лице привычно жила печаль, в глазах редчайшего аметистового оттенка — неизбывная скорбь.

— Мой близкий друг мадам Люси Марсо — комиссар Арсан, лейтенант Машек, — отдал дань приличиям Канонье.

Гостья обняла адвоката, тот взял ее руки в свои и больше не отпускал. Антония и Милош переглянулись. По нежному прикосновению было видно — отношения явно выходили за рамки дружбы.

Наконец мадам Марсо нерешительно обратилась к полицейским:

— Приятно познакомиться. Юбер просил быть пораньше, но моя продавщица

задержалась, а я не могла оставить магазин.

— Вы занимаетесь торговлей?

— Да, комиссар — держу небольшое заведение недалеко от храма Нотр-Дам-де-Фурвьер. Религиозные товары. — Дама порывисто протянула Арсан визитку. — Вот, на случай, если захотите связаться. Юбер предупредил, что вы расследуете дело клуба «421».

— Прости, дорогая, — перебил Канонье, — речь не идет о следствии в полном смысле слова. Комиссар наводит справки о трагедии без огласки. Я объясню тебе. — Легкий поклон в сторону Антонии. — С вашего разрешения, разумеется.

Руки Люси в ладонях Канонье дрожали. Отчаяния не скрыть: ее траур по дочери не окончен. С такой неизбежной болью в сердце, как суждено ей дожить остаток лет? Представить это себе Антония была не в силах.

— Охотно разрешаю, мадам имеет право знать.

— Спа... Спасибо, комиссар, — глухо выговорила Люси Марсо. — Если могу быть чем-то полезна, я в полном вашем распоряжении.

«Полезны быть можете, дорогая мадам. Но Жак верно говорит: не в присутствии адвоката».

— Посмотрим. Буду иметь в виду ваше предложение. Что ж, служба не ждет. Мы вас покидаем. Если станет известно хоть что-то, сообщу.

Разговор исчерпан — рассыпавшись в прощальных поклонах, полицейские покинули апартаменты.

Спускаясь по лестнице, Милош с сомнением спросил:

— Что думаете о нашем визите, патрон?

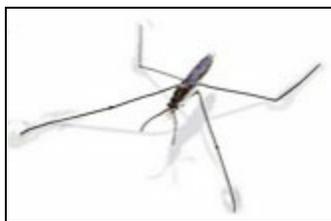
Антония набила трубку, пыхнула — довольная донельзя.

— Думаю, гусеница может обернуться бабочкой, когда захочет.

— Хм... А что сейчас?

— Едем в Ля Домб, мог бы и сам сообразить.

Водомерки

Институт судебной медицины Лиона считается краеугольным камнем Медицинского университета. В его стенах отец криминологии Александр Лакассань заложил основы антропологии, а пионер криминалистики Эдмон Локар открыл первую полицейскую лабораторию.

Ежегодно через морг института проходит транзитом около тысячи трупов. Хотя ИСМ Лиона серьезно уступает коллегам из Нью-Йорка с похоронным счетом 1.000:20.000 и еще более мрачным достижениям москвичей с их тридцатью тысячами мертвецов, производительность труда остается убийственно высокой. Количество вскрытий доводит до головокружения.

Паскаля интересовал только один покойник — Антон Йозевич.

Причина смерти очевидна, судебный медик над ней недолго корпел. Заключение пестрело головолomными терминами: «плевра», «правый желудочек сердца», «аортное отверстие диафрагмы». Паскаль уяснил главное: серб получил удар ножом в сердце. Один — больше не потребовалось. Судя по точности, убийцей мог быть только профессионал.

Тревожный вывод.

Чтобы обдумать его, Паскаль поспешил, зажав нос, покинуть тяжелую атмосферу химических испарений, повторяя на все лады крылатые слова Лакассаня: «Всякое общество имеет ту преступность, что заслуживает». В свойственной ему манере — желчно и цветисто...

«Поезд ходит в обоих направлениях: общество заслуживает и свою полицию. Когда к нам относятся, как к дерьму, шпана расправляет крылья. Стоит тупицам заткнуть глотки полицейским — и воцарится хаос. Как бы мы ни работали, «наблюдатели» изводят придирами, пресса смешивает с грязью, политики обливают помоями, простые граждане не переносят на дух. В результате приходится доказывать, что ты не верблюд — вместо того, чтобы охранять улицы. Вокруг смесь бардака и дурдома, не удивлен, что Арсан придумала свой финт».

На выходе Каршоз был уже «на последнем издыхании». Еще тридцать шагов — и дух смерти покинет его ноздри.

«Арсан по праву носит звание начальника, полицейский она что надо. В следствии ей нет равных, но расточать улыбки газетам — это не про нее. А это-то от комиссара и требуется: держать связь с общественностью, умасливать, демонстрировать прозрачность. Скрыться от ока Интернета, похоже, нереально... Кроме того, ей бы надо пересмотреть свои методы работы. К черту ее хваленое чутье: обязанность комиссара не копать в человеческой натуре, а добывать научные доказательства. Нынче не рыскают по улицам в поисках виновных — их загоняют в тупик выводами расследования».

Восемь метров, не больше — и чистый воздух.

«В этом деле Арсан попала пальцем в небо. Сербка пришел не тот же тип, что убил Бонелли и Брибалья. Иной образ действия. Странно, что она сама этого не увидела! Такая близорукость выше моего понимания. А то, что она требует от меня — просто вынос мозга. Завести Гутвана в бурелом будет далеко не так легко. Но раз я обещал Арсан попытаться, надо постараться совершить невозможное...».

Наконец-то вдохнуть полной грудью! Едва переступив порог института, Паскаль набрал в легкие воздуха до отказа, выдохнул, расправил плечи — и заметил кое-кого на углу улицы.

Его присутствие не удивило полицейского. Гутван в своем деле был дока и не нуждался в наводке — знал, что найдет Паскаля у входа в Институт судебной медицины.

Внешне журналист был полной противоположностью Каршоца. Насколько майор отличался крепким телосложением, настолько Гутван — худобой. Вьющиеся волосы с ранней сединой вокруг изможденного лица, карие глаза за старомодными окулярами с толстыми стеклами.

Поток транспорта двигался в замедленном режиме, улицу перегородили для дорожных работ. Журналист перебежал, лавируя между машинами и получая проклятий по полной:

— Шевелись, гамадрил! Не видишь, я еду?!

Яростные гудки, лионская брань. Оказавшись на противоположной стороне улицы, Гутван подскочил к Паскалю. Тот окинул его взглядом, потешаясь: журналист относился к своей особе с пиететом и питал слабость к галстукам и костюмам с двубортными пиджаками.

— Куда это ты собрался такой нарядный? На свадьбу?

— Смени пластинку, товарищ — повторяешься.

— Кончай обращаться ко мне «товарищ», не переносу это слово.

— Оно такое душевное.

— Так оставь его для русских мужиков.

— Руки-то пожмем?

— Чего ж не поддаться порыву души?

Энергичное приветствие. Со стороны Паскаля даже чересчур: Гутвану пришлось разминать пальцы.

— Прости, парень, я уже не контролирую свою силу.

— Не такой пустяковой болячке помешать мне писать...

— ...о Йозевиче. Подозреваю, ты здесь именно за этим.

— От тебя ничего не скроешь.

— Кроме имени полицейского, сообщившего тебе, что сербка пришили.

— Закон охраняет источники информации... Ладно, раз обошлись без предисловия, что можешь поведать о его смерти?

Паскаль выдал ответы в установленном порядке:

— Антон Йозевич, родился в Белграде, сорок шесть лет, не женат, прослужил в Иностранном легионе пять лет, получил французское гражданство, зарезан вчера вечером в Тассене... Убийство без видимого мотива.

И смолк, исчерпав данные.

— И все?

— А что можно сказать, когда нет видимой причины? Дай мне время опросить его «работодателей». Когда обойду их, будет видно.

Немногословие Паскаля огорошило: Гутван не узнавал его, такое осторожное молчание было непривычным.

— Да ну, старик, мы же знаем, кем был серб! Не сочиняй, что не в курсе! Этот мерзавец пасся у всех кормушек подряд.

— Нет закона, запрещавшего ему подрабатывать вольным художником.

Озадаченный услышанным, Гутван даже не обращал внимания на фирменную лионскую ругань, летевшую над улицей:

— Ты, тормоз, куда обгоняешь, не видишь, ремонт идет?

— Сам тормоз, отвянь!

Обмен «любезностями», средние пальцы торчком, угрозы вхолостую.

Журналист снова вернулся к реальности.

— Ты не станешь таким же, как они, Паскаль.

— Что это значит?

— Что ж, переведу: у нас одинаковые ценности, мы боремся, чтобы общество стало более экологичным, справедливым, гуманным. А ты вдруг несешь такой бред. Не верю, что гордишься своей шуточкой — я слишком хорошо тебя знаю. Она не из твоего репертуара.

— А из чьего?

— Всякой полицейской швали. В ваших рядах ее предостаточно.

Гутван оплошал: Паскаль загнал его в ловушку, выбраться из нее будет непросто.

— Я запрещаю называть так моих коллег! Ты понятия не имеешь, в каких условиях они рвут из себя жилы!

— Как же, я был адвокатом, видел их в деле, до сих пор не могу опомниться от полицейских методов.

— И что ж ты видел?

— Что некоторые пойдут на все, чтобы выбить из подозреваемого признание.

Каршоз одарил журналиста взглядом, тот сбавил обороты.

— Я сказал «некоторые», не все... Не пойму, зачем нам собачиться, времена изменились, просто признаний уже недостаточно, их нужно подтвердить существенными доказательствами.

— Техническими и научными, я в курсе...

Гутван кивнул в знак согласия. Он попал в западню, не отдавая себе в этом отчета. Да и как заподозрить неладное — Паскаль ни разу ему не солгал до сего момента.

— Но если нет никаких доказательств, как в деле с грузовиком, ты готов спустить на тормозах?

— Презумпция невиновности должна перевесить. Сто процентов. И раз уж зашел этот разговор, знай — я никогда не сомневался в виновности Турка.

— Что ж, браво, писал-то совсем другое.

— Если бы ты вдумчиво прочитал статью, то понял бы посыл: вы не вели расследование, а ополчились на Рефика. Я как демократ не мог этого вам позволить.

Новая смесь автомобильных гудков, воплей, рисовки. В этом гвалте и крике Паскаль наслаждался происходящим. Спор шел нужным курсом. Еще минута — и он сдержит обещание, данное Антонии.

— В конце концов, ты, возможно, и прав. Сверху требовали быстрые результаты, мы действовали слишком опрометчиво... И огребли потом по полной.

— Классический приемчик, бедняга: начальство дергает за ниточки, ожидая наград. Но

если номер не срабатывает, расхлебывать только марионеткам.

Одна мысль натолкнула на другую — внезапное озарение! Будто кто-то свыше подсказал Гутвану, тот пристально глянул на Паскаля.

— Арсан все еще дает вам имена насекомых?

— Да, это уже неизлечимо.

— А знаешь, если позаимствовать ее идею, то твои собратья — водомерки.

— Водомерки?

— Или водяные клопы. Только увидел, как они скользят по поверхности водоема, сразу заинтересовался, как называется эта мошкара.

— А, точно, их миллионы снуют там, где я рыбачу.

— Так вот, твое начальство — такие же конькобежцы, так же неуловимы! Не замочат ног, не утонут при волнении воды: попытайся кто-то их изловить — уйдет с головой на дно без надежды на спасение... и утонет, а неуязвимые водомерки продолжат шествие, не помышляя оказать помощь.

Паскаль изобразил понимающий вид, закатив глаза.

«Ненависть к действующей системе погубит тебя, бедняга Камиль. Мнишь себя реформатором, а сам всего лишь анархист и не осознаешь этого. Не пеняй, что использую твое стремление покарать виновных, я стреножу тебя с добрыми намерениями: убережешь от расправы. От этого дела тянет могилкой, можно получить выволочку. Чтобы защитить тебя, я и принял условия игры Арсан. Так, я подвел тебя к необходимости убеждать, осталось только внушить, что тебе это удалось».

— О'кей, ты победил, не буду пудрить тебе мозги, прикрывая кретинов-коллег. Но гляди в оба: за утечку этой информации я могу лишиться яиц.

— Никому — ты же знаешь.

— Тогда записывай на подкорку, лионец: Йозевича заказал не уголовный мир.

— Ты это серьезно?

— Не менее серьезно, чем Папа Римский, толкующий о презервативах. Все говорит за то, что это личная месть.

— На чем основано твое предположение?

— На способе убийства. Если бы члены мафии хотели подчеркнуть значимость события, покромсали бы на мелкие кусочки. Или беззлобно пристрелили бы в хороший денек. Но зарезать... нет, это не в их обычае.

Журналист выглядел озадаченным, но доводы достаточными не счел.

— Гм... Отнесем к отклонениям от традиций. А всерьез меня беспокоит другая деталь: что у вас есть на раввина во всей этой истории?

— Какого раввина? Из твоей статьи?

— Именно — замеченного в Маконе и Ницце. Странно, по-моему, что вы его не ищете. А ведь его видели в поезде, где прикончили Бонелли.

— Точно, да только все раввины похожи. Чистое совпадение.

— Здесь меня убедить будет не так легко.

— Проще простого, парень: скажи, что могло бы связывать смерти Корсиканца и Брибаля.

Хороший вопрос — Гутван примолк... И позволил Паскалю метнуть гарпун:

— Ладно, не ломай голову, подскажу: драма «421».

— Клуб в Ля Домб?

— Он самый. Бонелли был хозяином, Брибаль — председателем на процессе и — вишенка на торте — Йозевич заведовал безопасностью. Вот почему мы предполагаем личную месть. Скажи «адье» раввинам, в этой кутерьме они не при делах.

Ошарашенному Гутвану потребовалось время, чтобы собрать мысли.

— Так убийца может быть близким одной из жертв трагедии?

— Эта версия кажется очевидной, пожар произошел как раз десять лет назад.

— Годовщина... Гляди-ка... А если Йозевича убили не уголовники, почему ты говоришь о его «работодателях»?

Паскаль перевел дух, осталось нанести решающий удар.

— Можешь дать слово, что не напишешь об этом?

— Клянусь детьми.

— Мое расследование — лишь дымовая завеса, настоящее ведет Арсан. Как раз сейчас она опрашивает бывших участников несчастного случая.

— Что за грязные игры, а?

— Операция прикрытия, малыш! Представь, какой скандал разразится, если разбередят старые раны этих людей. Деликатней, осторожней... Официальное расследование — я делаю вид, что прощупываю злодеев, теневая сторона — Арсан проверяет записные книжки положительных персонажей. — Последний довод — и партия будет выиграна. — Не публикуй чуши, опозоришься, как описавшийся пудель.

Гутван, не зная, где правда, уставился на Паскаля.

И, подметив сжатые губы, поверил лишь наполовину.

От переводчика.

Выдающиеся лионцы-криминалисты

Александр Лакассань — судебный медик-эксперт, профессор факультета медицины Лиона. Внес вклад в становление медицинской деонтологии (совокупности нравственных норм профессионального поведения медицинских работников), является одним из основателей криминальной антропологии. Его имя носит одна из улиц Лиона, а также одно из подразделений Высшей Национальной Школы полиции.

«Любой контакт оставляет след» — это слова французского криминалиста **Эдмона Локара**, который был одним из основателей направления судебной медицины, как способа раскрытия преступлений, и выбрал эту формулировку ее основным принципом. За живой ум, развитое логическое мышление и тягу к справедливости Локара прозвали французским Шерлоком Холмсом. Но прежде чем стать профессионалом в своем деле и владельцем собственной полицейской лаборатории по изучению преступлений, будущий криминалист прошел долгий путь: изучал право и медицину, был на подхвате у криминалиста, преподавателя и врача Александра Лакассаня. В 1910 Эдмонд Локар убедил полицию Лиона создать криминалистическую лабораторию, для чего ему была предоставлена несколько комнат в здании суда и два помощника. Здесь исследуются объекты на основе дактилоскопических и трассологических методов, пятна крови, следы зубов, пыль, письменные документы и др.

Вклад Эдмона Локара в развитие и совершенствование инструментов судебной медицины — это графометрический метод исследования почерка; пороскопический метод

изучения отпечатков пальцев; активное применение химических знаний в экспертизах. Криминалист до самой смерти занимался исследовательской деятельностью.

Эдмон Локар был довольно авторитетным человеком для своего времени и своей специальности. В 20-е годы 20 века на его лекциях был активным слушателем писатель, работающий в детективном жанре, создатель любимца многих поколений комиссара Мегрэ — Жорж Сименон. Наверняка лекции известного криминалиста не раз помогали писателю в кропотливой работе над очередным детективным романом.

Бражник «мертвая голова»

Между Лионом, Божоле и Брессом расположился Ля Домб^[24], «край тысячи прудов», блестящий в лучах тусклого солнца.

Но для осени — солнца достаточно яркого.

Все же Милош делал зарубки в памяти. Из предосторожности — запоминал опасные места на дороге. Возвращаться придется ночью, зрение подводило все чаще, и он откладывал в серых клеточках траекторию виражей.

Вид открывался великолепный. Легкий бриз трепал окрестности — холодный воздух, вплетенный между сияющими кронами берез и черешен. Редкие зеленые листья на золоте бросались в глаза. Вдалеке от прудов дубы и грабы старались не поддаваться ветру. Растущие же по берегам ясени и ольхи вволю наслаждались прохладой. По колено в воде колыхался тростник, гнулись ежеголовники. А в пасмурном небе тянулись вереницы перелетных утиных стай.

Зачарованная картиной, Антония смотрела во все глаза, сидя в теплом салоне «рено». Но одернула себя: она здесь не в качестве туриста. И еще Милош занимал ее мысли. Пусть ей и стал известен его секрет (плевать на эту чепуховину), характер новичка все ускользал от встревоженной Антонии. Маска недалекой личности скрывала настоящую натуру. И пора было в ней разобраться.

— Ты водишь машину все лучше, — заметила Арсан, чтобы завязать разговор.

— Благодарю, патрон.

— Давно у тебя права?

— Шесть лет, накопил на них, подрабатывая курьером.

— А!.. Родители не могли оплатить?

— У них не было возможностей. Они и так наизнанку вывернулись, чтобы я получил степень бакалавра. Потом уж пришлось крутиться самому.

Милошу с трудом удавалось совмещать беседу и управление. Антонии даже пришлось указать на не замеченное им препятствие.

— Чем занимаются твои родители?

— Мать — прислуга, отец — ночной охранник. Зарабатывают крохи, но голодать мне никогда не приходилось.

— Знаешь, как говорят: нет дурацких профессий — есть люди-дураки.

Милош сбавил скорость, обсуждаемая история отвлекала его внимание.

— Да только профессии эти не их. В Хорватии мать была учительницей, отец руководил стоматологическим кабинетом. Когда мы переехали во Францию, дипломы не стоили ломаного гроша. Родители пошли на ту работу, которая подвернулась.

Признание сделано, машина прибавила хода между пустынными прудами.

— Так-так-так... Образованные родители и соседи-деревенщина... Понимаю теперь причину двойственности твоей натуры.

— О чем вы, патрон?

— О твоей манере изъясняться: изысканность и вульгарность одновременно.

— И то, и это: я освоил обе версии французского.

— Не знала, что у нас два языка.

— Так оно и есть... У нас было социальное жилье в квартале для малообеспеченных.

— Не улавливаю связи.

— О, это же несложно. Дома мы соблюдали правила грамматики — родители следили за этим. Но лишь я выходил за порог, язык улиц брал верх. Вопрос выживания. Если бы я сказал «полицейский», а не «легалый», шпана из гетто доставила бы мне кучу неприятностей... или «отметелила» бы, если быть последовательным.

Антония взгляделась в дорогу.

— Эй! Ты и от меня сейчас огребешь, если не примешь правее. Выровняй быстрее, едешь напрямиком в кювет.

Что Милош послушно и исполнил, продолжая размышлять.

«Услышь вы всю исповедь, патрон, вот бы глаза вытаращили. Скажем, я никогда не мог иметь собственные вкусы: приходилось притворяться, что нравится то же, что и другим. Да, там, где я вырос, вряд ли у меня вышло бы признаться, что люблю Чайковского. «Правильная» музыка не шла дальше рэпа. Выскажешь критику в адрес группы «Твою мать» — и схлопочешь по сопатке. Равно как и других групп, проповедующих бунт. Что ж, в целях сохранения здоровья я аплодировал тем, кто осквернял своих матерей, поганил полицию и плевал на учителей. Еще помалкивал о том, что меня привлекает современное искусство, пусть я и мало в нем разбирался. Чтобы не привязывались, «тащился» от граффити, испещрявших стены многоэтажек. Что до литературы — с кем я мог бы о ней поговорить? Парни с района читали только комиксы «манга».

«Рено» приближался к цели поездки, насыпи по берегам прудов становились все шире, на горизонте вырисовывалась колокольня.

«Когда я получил степень бакалавра, так называемые друзья поставили на мне клеймо предателя. Причины собственного провала они не понимали. Послушать их, так мой успех обеспечила поддержка оккультных сил. Прозвучали слова «исключение», «предпочтение»... Но мы же посещали одни и те же школы, зубрили одни и те же учебники, шли по одной программе. Однако в их глазах я, шагнувший на следующую ступень, выглядел счастливым членом системы отбора. Мишенью для ненависти».

Здание колокольни становилось все больше. Милош расслабился при мысли о скором конце пути.

«Завершая разговор, патрон, скажу: ко мне в детстве относились, как к чужаку, приходилось опасаться крутых парней района. И в результате я обучился не двойному языку, а искусству наблюдать, держать язык на привязи, а ухо остро. И, помалкивая, я подметил нечто поразительное. Что это на вас нашло у Канонье? Я же полицейский, нужно разобраться...»

Табличка, название деревни, указатель расстояния. Почти приехали.

— В конце концов, не так уж и далеко.

— Да, Ля Домб находится на выезде из Лиона.

— Надеюсь, наш красавец дома.

— Я тоже надеюсь, патрон... Кстати, хочу задать вопрос.

— Валяй, но у меня только плохие ответы.

— Почему вы не попросили у мадам Марсо список ее единомышленников? В этом расследовании бывшие члены ассоциации заслуживают интереса. Им есть за что сердиться на Бонелли и прочую компанию. На вашем месте я бы опросил их в первую очередь.

Антония набила трубку — знак, что машина подъезжала к пункту назначения. Уважая чувства Милоша, комиссар не позволяла себе курение в салоне.

— Напоминаю, что мы не расследуем, а наводим справки — в общих чертах.

— Правда, прошу прощения, вы так и сказали: «Прощупываем почву, не прячется ли где ящерица».

— Меня бы удивило, если бы что-то всплыло: родные должны уже пережить траур по жертвам. Все же есть категория случаев «Бывает всякое», пренебрегать ей не будем.

— Согласен, патрон, но насчет Марсо настаиваю.

Букашка рвался в бой — и Антонию нравился его азарт.

— Ты прав, надо было спросить у нее чертов список.

— Так почему же вы этого не сделали?

— Потому что, дорогой Милош, это было бы ошибкой.

— В самом деле?

— Если бы я потребовала подобное в присутствии адвоката, Канонье поднял бы тревогу среди всех членов ассоциации. Хоть наш воскресший из мертвых и не ведет больше защиту, рефлексы болтуна сохранились.

— Только не говорите, что махнули рукой.

— Ни в коем случае. Я встречу с Марсо в ее магазинчике... один на один.

— И без меня?

— Должен быть женский разговор, с глазу на глаз. Я больше вытяну из Люси Марсо, если тебя не будет рядом. — Антония похлопала по доске, захваченному лейтенантом. — И потом месье Жуфлю заслуживает первоочередного внимания.

Ее взяла! Когда Арсан приводила доводы, крыть Милошу было нечем. Но, желая чуть утешиться, он позволил себе сомнения в целесообразности визита.

— Можно было и не ездить — поручить проверку Жуфлю жандармам.

— Нет, Милош, не забывай правило: увидеть и почувствовать первым. Если подозреваемый узнает, что мы им интересуемся, успеет подготовить защиту. Эффект неожиданности — важнейший фактор для оценки реакций.

— Так Жуфлю — подозреваемый? Странно, мне казалось, мы не ведем расследование.

— Я говорила вообще, идиот! Хотя у Жуфлю и есть веские причины не любить причастных к драме «421». Процесс стоил ему поста мэра, финансовых убытков и остракизма. Есть от чего взлелеять планы мщения.

Машина проехала вдоль поля, по обочинам лежали траурные венки. В паре метров от дороги стояли огороженные серые развалины.

— Притормози, Милош, здесь находился клуб.

— Господи, сколько цветов!

— Естественно, понедельник — годовщина трагедии. Ровно десять лет. Семьи были на возложении.

Милош медленно проехал, затем резко нажал педаль газа. Ему не терпелось добраться до места и заглушить мотор. Дорога слишком утомила глаза и вызвала мигрень.

Страдания его продолжались недолго. На въезде в деревню Антония велела свернуть на гравийную дорогу. Недолгий отрезок — и «рено» остановился на дворе какой-то фермы, приветствуемый лаем дворняги.

Комиссар и помощник вылезли из автомобиля. Машек сразу же попытался успокоить псину, однако своими наивными посвистываниями лишь раззадорил ее еще больше. Антония затаилась трубкой, окинув взглядом дом. Традиционное вытянутое одноэтажное строение, оштукатуренное и покрашенное в желто-коричневый цвет. Отворилась дверь. На крыльце появилась женщина в розовом переднике — лет пятидесяти, сварливого вида, плохо причесанная.

— Заткнись, Бижу! — пролаяла она громче, чем собака.

С сожалением повинувшись приказу хозяйки, шавка смолкла. Решив эту проблему, женщина повернулась к Антонии с любимым вопросом подозрительных людей:

— Что вам надо?

Та протянула трехцветное удостоверение.

— Добрый день! Комиссар Арсан, лейтенант Машек, БРБ Лиона. Мы хотим поговорить с господином Сильвенем Жуфлю! Это ваш муж?

— Я его дочь! А в чем дело?

— Нужно спросить кое-что.

— Его нет!

— Тем хуже, вызовем повесткой. Путешествие обойдется недешево...

«Недешево». Волшебное слово для убеждения упрямцев.

— Ээ... Он за фермой, с моим братом, у первого пруда! Это в пяти минутах, идите по дороге слева от вас.

Антония поблагодарила и вместе с Милошом направилась к утоптанной тропинке. По обочинам выстроились черешни, вплотную подступали грабы. Стайка воробьев порхнула над головами гостей. Солнце уже закатывалось за горизонт. Но и полуприсутствие его освещало водоем. В зарослях тростника какие-то водоплавающие птицы вволю поедали личинок перед сном. Поодаль виднелся силуэт — человек закрывал задвижку шлюза, регулирующего уровень воды. Осень — пора рыбной ловли, Жуфлю спускал воду в своем пруду. Это был его промысел, доходы он получал от разведения рыбы.

Пока Антония подходила к хозяину, дурная привычка вновь взяла свое. Тем более что старый хрыч был пока занят.

«За семьдесят, поперек себя шире, физиономия — будто вырыли из могилы, выглядит, как зомби, одет в черное... Этот тип — «мертвая голова» [\[25\]](#). Любопытный факт: бражник — единственное насекомое, издающее крики. Ярлык подходит Жуфлю, как перчатка: слышно этого типа издали».

Желая скорее поговорить, комиссар зашагала быстрее.

Червь

Один в тиши кабинета, Романеф не отрывался от экрана компьютера. Личного ноутбука, купленного за собственные деньги. Предстоящая операция требовала особых предосторожностей. Происхождение файла легко определяется экспертом.

«Как же все-таки загнать Гутвана в ловушку?» — ломал мозги судья.

На корпусе ноута красовалось яблоко. Оно-то и подсказало идею: запустить червя в плод.

Операция не отличалась сложностью, всего-то и надо — придумать еще один никнейм.

Толстые пальцы засновали по клавиатуре. Несколько касаний — и судья зашел на любимый форум. Педантично выполнена немудреная процедура регистрации, для местной прописки избрано имя «Гиньоль» [\[26\]](#). Отсылка к Лиону могла помочь одурачить журналиста.

Окрыленный надеждой, Романеф включил рабочий компьютер, стационарный, вошел в чат, набрал ник «Глаз рыси» и спокойно подождал. В конце концов, чем он рисковал, если даже случайно и вскрылось бы его присутствие в чатах? Ничем: под прикрытием псевдонима он убеждал колеблющихся свидетелей помочь правосудию. Не за что давать нагоняй. Возможно, даже объявят благодарность.

Два монитора — один против другого. Романеф задумался. «Глаз рыси» писал грамотно. Для большего отличия, правдоподобия сообщений у «Гиньоля» будет куча ошибок. Эффективная уловка! Романеф сделал пару пометок, принялся следить за разговорами в чате. Нужные сообщения появились ближе к вечеру...

Дикий кролик Йоу, маглы! Что новенького о равнине? Мужик сказал — мужик сделал: я сходил в участок. Никаких трупов в обезьяннике, полицейские живы-здоровы.

Питер Пен Сионер Йэс, я тоже. Приветствую, братец Кролик, навестил их коллег из моего славного города Ниццы. Операция прошла успешно, почти ничего не почувствовал.

Толстые пальцы потянулись к клавиатуре стационарного компа.

Глаз рыси Привет, парни! Хорошо, что сдержали обещание, этот тип может быть убийцей. Душа была бы не на месте, если бы он рыскал на севере, мои братья и сестры хотят жить.

Питер Пен Сионер Так ты северный олень, Глазок! Не парься, ему не улыбается ехать в ваши туманные края. И ничто не доказывает, что он преступник.

Дикий кролик Шутишь, Питер Пен, газет не читал? В поезде сожгли двух корсиканцев, чуваков, имевших проблемы с полицией.

Питер Пен Сионер У нас в Ницце об этом не писали. А поподробнее можешь?

Дикий кролик Ноу, Питер, that's all, легавые больше информации не пропустили.

Толстые пальцы забегали по клавиатуре ноутбука.

Гиньоль Здравствуйте я могу рассказать вам кое что.

Дикий кролик А ты кто?

Гиньоль Тот укого дядя служит в полиции и дядя рассказал о равине много интересного сегодня за обедом.

Питер Пен Сионер Ну, выкладывай, что сказал твой дядя?

Гиньоль Его бесит, что все эти дела сплошной шахер-махер, всегда одно и то же.

Дикий кролик А можешь сказать нормальным языком?

Гиньоль Не вопрос. Полицейские получили приказ не говорить что ищут равина чтоб не баламутить месных евреев.

Судья перешел к другому компьютеру.

Глаз рыси Потрясающе! Мне кажется, ты ошибаешься. Неслабо.

Питер Пен Сионер Просто «Криминальное чтиво», друг Гиньоль, твоему сценарию позавидует сам Тарантино. Чтобы поверить, нам нужны доказательства.

Бросок к ноутбуку.

Гиньоль ОК. Ведутся два дела. Одно нио чем, другое тоже для отвода глаз. Первое чтобы найти равина, но расследовать не будут это же политика, говорит дядя, а чувак который связан с равиним большая шишка. Второе дело обман чтобы скрыть откуда ветер дует. Дядя говорил о клубе который сгорел, ниточки ведут к нему, но я не просек название.

Дикий кролик Маловато, Гиньоль, слышал звон, да не знаешь, где он. Я-то богатеев терпеть не могу. Прикольно бы узнать про них, если бы у тебя было больше информации.

Последний переход к ноутбуку и обратно.

Глаз рыси Разделяю это мнение. Маловато, приятель.

Гиньоль Ну вот вам побольше: мужик который знается с равиним торговец недвижимостью. Зовут Рештейн или Клаштейн, я плохо слышал. Дядя был далеко от меня. Помню что кончалось на штейн.

Глаз рыси Осторожнее, Гиньоль, хочу предупредить: ложь может дорого стоить. Ладно, ухожу, дел полно. Пока всем, пересечемся в скором времени.

Гиньоль Не переживай я не заливаю. Мне тоже пора родичи скоро вернуться. Они мне запретили сидеть закомпом по будням. Всем привет сваливаю.

Романеф видел, как сообщения расходятся волнами в сети. Десятки завсегдаево чата подхватили обсуждение. Комментарии колебались от сомнения до возмущения. Те, кто поверили «Гиньолю», говорили, что дыма без огня не бывает.

Теория заговора крепла...

Шум поднялся до небес. Наперебой предлагали линчевать депутатов, полицейских и судей.

Довольный провернутым дельцем, Романеф отключил компьютеры от сети.

Адмирал

Антония и Милош подошли к «мертвой голове».

Жуфлю заметил их появление довольно давно. Но, предчувствуя неприятности от незнакомцев, упрямо их игнорировал. На вежливое приветствие ответом послужило высокомерное молчание. Желая показать, что незваным не место на его земле, бражник неспешно вынул из кармана куртки пачку табаку. Открыл, достал комок сырой массы, скатал, сунул в рот, пожевал с выражением совершенного равнодушия, надул щеки и выплюнул коричневатую жижу к ногам гостей.

«Грубиян, невежа, да еще и жвачное животное впридачу! Ну, погоди, толстяк! Жак говорит: свиной щадить не стоит!»

— Бригада розыска и быстрого реагирования! Вы Сильвен Жуфлю?

Эту новую букашку ошарашенная Антония еще не знала. Задетый хамским поведением бражника, Милош среагировал быстрее, чем она. Он надвигался на хозяина, предьявляя удостоверение, красный от бешенства, готовый к бою.

— Слушай меня внимательно, свинья! Продолжишь молчать — и согласно статье 78-5 Административного кодекса заплатишь за правонарушение тремя месяцами заключения под стражу и штрафом в три тысячи семьсот пятьдесят евро.

«Заплатишь». Волшебный глагол для убеждения упрямец.

— Это я, что надо?

Антония покатила со смеху. Процитированная Милошем статья относилась лишь к особо тяжким случаям. Но, раз грубиян повелся на развод, комиссар тоже пригрозила:

— Будьте полюбезнее, мсье Жуфлю, иначе мы можем и рассердиться.

— Знаю, вы на все имеете право.

— Ошибаетесь, мы применяем закон.

— И поэтому пришли ко мне?

— В какой-то смысле: у нас к вам пара вопросов.

— О чем?

— О вашем распорядке дня.

— А именно?

— Убит Бонелли.

— Читал об этом в газетке и ни слезинки не проронил.

— А еще Брибаль и Йозевич. Вокруг дела «421» появляется много беспорядка.

Лицо бражника оставалось непроницаемым. Никакой реакции. Только жующие челюсти работали вовсю.

— У тебя гости, папа?

Антония и Милош крутанулись на сто восемьдесят градусов — узнать, кому

принадлежит голос. Широкими шагами к ним приближалась копия Жуфлю. Но более молодая и привлекательная, лучше сложенная.

«Гляди-ка, вот и сынишка! А парень недурно скроен. В семействе чешуекрылых отец — бражник, отпрыск — адмирал. Красивая бабочка с разноцветными крыльями. Было б мне лет на десять поменьше, охотно бы наколола его на булавку. Да ладно, Жак, не ревнуй, я давно остепенилась, а его возраст подходит к сорока — навскидку. Так, в сторону мои глупости, у нас два Жуфлю по цене одного. Признай, что поездка того стоила».

— Добрый вечер, — произнес адмирал. — Марк Жуфлю. С кем имею честь?

Вежливое обхождение сына сгладило впечатление от вызывающего поведения отца, но тот в ярости перешел к прямым оскорблениям:

— С ищейками, парень! Пожаловали доставать нас насчет пожара в клубе!

— О нет! Только не это!

— Говорят, после Бонелли пришли Брибаля и Йозевича.

— Черт, печально... Но чем мы можем помочь?

Жуфлю-сын держался приветливо, учтиво, галантно. И в ответ Антония плеснула масла в огонь.

— Успокойтесь, мсье, всего лишь формальная проверка. Я комиссар Арсан, это мой помощник лейтенант Машек. Скажите, где вы были последние три дня, и обещаю больше вас не тревожить.

— Нет ничего проще, комиссар: здесь. Мы готовимся к ежегодному лову, это совсем как жатва у землепашцев.

— Неподходящий момент покидать хозяйство.

— Именно. И еще добавлю, что отец с трудом передвигается. Что бы он ни делал, нужна моя помощь.

— Или помощь вашей сестры, которую мы встретили на ферме.

— Да, с той разницей, что Лидия живет здесь.

— А вы нет?

— Нет, комиссар, я живу в Треву [\[27\]](#), рыбоводством занимаюсь лишь периодически. Настоящая моя профессия — преподаватель философии. И вам не нужно спрашивать, почему я здесь нахожусь: в среду в лицах нет занятий.

«Смотри-ка, учитель! Теперь все понятно: язык, манеры, умение держаться. Ладно, Жак, *molto bene*, с ним нужно поаккуратней. Сноровистый парень, лучше следить за выражениями».

— Хорошо, мсье Жуфлю, верю. Заметьте, я не спрашиваю, могут ли соседи подтвердить ваши слова.

— Зря потеряете время, комиссар. *Vae soli!* Горе одинокому! Со времен процесса «421» в дом Жуфлю больше не ходят в гости. И даже если бы и ходили! В деревне каждый шпионит за соседом, но никто вам не расскажет.

Антония кивнула — знакомый феномен.

Взлетела цапля. Подождав, пока птица не исчезнет из виду, комиссар продолжила:

— Прежде, чем оставить вас в покое, спрошу еще одно: не бродил ли вокруг в последние дни незнакомец — довольно высокий, с бородой, в шляпе и в черном пальто?

Услышав вопрос, старик нарушил молчание. Резко, необузданно, на грани нервного срыва.

— Бродил! И не один, я видел множество, они оплакивали своих детей! В понедельник

на руины клуба приехало несколько десятков.

— И повод был — десятилетняя годовщина драмы.

— Думаете, я не знаю? Уже десять лет я не сплю — вижу кошмары, бодрствую.

— Вы перевернули страницу, мсье Жуфлю, и заплатили за свои ошибки.

— Шутите, комиссар? Назовите хоть одну из них! Я был мэром маленькой деревни, достаточно сведущим, чтобы решать проблемы с землей, но не с дансингом. Доверился тем, кто делал вид, что знает — вот в чем я ошибся!

Бражник выплескивал из себя килограммы желчи. На всякий случай Антония не препятствовала извержению — а вдруг хоть грамм был бы полезен.

— Весь кантон желал открытия этого клуба, а потом все бросили меня! И я получил сполна: штраф, условный срок, отзыв мандата! Я не говорю о худшем! Пусть лучше сын расскажет!

Он выплюнул табачную жвачку, почти задыхаясь.

— Теория айсберга, — подхватил адмирал, — все эти несчастья — лишь видимая часть.

— А что вы подразумеваете под скрытыми двумя третями?

— Адскую спираль, комиссар. Мать не перенесла бесчестья и умерла от горя. Моя сестра-близнец последовала за ней в могилу.

— По тем же причинам?

— О, она была серьезно больна. Скажем, дело «421» не улучшило ее состояние. Затем произошел развод моей другой сестры, Лидии. Муж потребовал от нее порвать с отцом.

— Как добродетельно.

— Добро пожаловать в деревню, здесь ничего не прощают.

Антония чуть не призналась, что хорошо знает местные нравы. Городок, где она выросла, находился неподалеку.

— И, чтобы довершить картину, меня бросила невеста. Но я философ, утешился быстро. Потерял одну — отверг десяток. Пуганая ворона, слышали?... Возможно, двенадцатая по счету окажется той, что надо.

Жуфлю-младший улыбнулся, помедлил, дав полицейским переварить откровения. И довершил исповедь, уставившись зелеными глазами в голубые глаза Антонии.

— Буду искренен, комиссар: я не знаю, кто убил вашу троицу, и не сказал бы, если бы и знал.

— Ясно и обжалованию не подлежит. Честность заслуживает уважения.

— И совершенно в духе предыдущего трюизма: в деревне ничего не прощается. Мерзавцы обманули слишком много людей и заплатили по счетам.

Что возразить на эту крестьянскую мораль? Не настолько уверенно чувствовала себя Антония, чтобы читать нотацию. И она предпочла промолчать, чем произносить слова, в которые не верила больше.

Опрос подошел к концу.

Прощание было сведено к минимуму.

Затем, не обмениваясь впечатлениями, Антония и Милош двинулись в обратный путь. Дворняга вернулась к привычному лаю. Не проронив ни слова, полицейские отъехали от фермы под аккомпанемент настойчивых переливов. Молчание продолжалось до въезда на шоссе, где Антония вдруг приказала:

— Сверни направо, хочу проверить кое-что.

— Куда направо, патрон?

— В сторону кладбища, вон оно. Это ненадолго.

Милош подчинился с некоторой опаской. Темнело, каждая потерянная секунда означала, что придется продолжать путь ночью.

«Зря волновался», — успокоился Милош, подъехав к кладбищу. Крошечному — в соответствии с числом жителей деревни. Свободно вздохнув, он припарковался перед решеткой входа.

— Повезло, патрон, еще открыто.

— Жди в машине, я буду через пять минут.

— Могу узнать, что вы ищете?

— Фамильный склеп Жуфлю — профессиональное любопытство.

Антония ничего не добавила больше и убежала к могилам.

Чем заняться одному, без радио? Убивая время, Милош откинулся на сиденье и принялся считать кресты, видневшиеся над изгородью. Произведя инвентаризацию и осмотр, невесело задумался: «Кованые, мраморные, каменные... Скромные, средних размеров, огромные — настоящая борьба за власть ad patres. Даже после смерти многим нужно отличаться. Богат на этом свете — на кладбище самое большое и богатое распятие! А жалкий покойник имеет право лишь на маленькое! И на кладбище тщеславие, а во имя чего? Все мы окончим прахом...».

Появление Антонии вернуло его в мир живых. Она села рядом, явно довольная результатами.

— Трогай, денек-то прошел не зря.

Лейтенант повернул ключ зажигания, сгорая от нетерпения узнать причину такого торжества.

— Так что вам поведали мертвяки?

— Что не нужно очень-то доверять разглагольствованим адмирала.

— Мм... А в чем подвох?

— Я увидела надгробие семьи Жуфлю. Красавчик Марк не солгал: мать умерла полтора года спустя трагедии.

— Но?... Ведь есть же и «но», патрон?

— Его сестра-близнец последовала за матерью в могилу. Только знаешь, где здесь собака зарыта?

— Могила, собака зарыта... не очень хорошо с вашей стороны так говорить.

— Я не шучу, Милош. Сестра умерла в июне этого года. Совсем недавно... а он скрывает свежую печаль... Это же близнец, его второе «я»...

— Черт возьми... Неплохо, согласен.

— С завтрашнего дня займешься им и его окружением. Аккуратно поспрашиваешь соседей и знакомых, я тебе доверяю.

Антония могла полагаться на помощника, тот уже освоил ее методы работы. Но и привычку анализировать тоже, а она упустила это из виду.

— Если я размотаю ниточку до конца, патрон, то ваша теория потонет: так мы перестаем искать равнина, а идем по следу совсем другого убийцы...

«Жак считает: Милош начинает надоедать. Ладно, спокойствие, думай, как его вразумить... Ага, он же сам заговорил о подвохе, думаю, и мой сработает».

— Класс, реагируешь лучше некуда, хотя и не заглядываешь далеко. А знаешь, наша проблема похожа на Гугл.

— В каком смысле?

— Гугл предоставляет лишь десять процентов информации Сети. Но так называемая глубокая паутина скрывает остальное — миллиарды миллиардов данных.

— Хм... И какая параллель с нашим делом?

— Число неизвестных деталей в нем идентично — тоже девяносто процентов. Надо копать, Милош, и поглубже. В этой свалке возможны разные находки.

— Включая и виновность Марка?

— Скажем, его пассивное соучастие. Не удивлюсь, если он знает раввина. Вот почему я тебе толкую о его связях.

— Да, теперь улавливаю вашу мысль лучше.

Удалось вывернуться. Раввина чуть было не сняли с роли — а теперь имя опять напечатано крупными буквами в самом верху афиши. Антония перевела дыхание, поклявшись себе следить за языком.

Наступал вечер. С раннего детства Милош удивлялся тому, как быстро осенью день сменялся ночью. Можно подумать, что каждое время года заключало повременный договор с солнцем. Он включил ближний свет, проверил, работают ли указатели на приборной панели, повернулся к Антонии и остолбенел: по ее лицу стекали струйки пота.

«Жак подбадривает: держись, девочка, приступы становятся привычным делом. Ты знаешь, что делать, все, что нужно, в сумке. Вот только воды нет — забыла прихватить бутылку».

— Вам плохо, патрон?!

— Легкое недомогание, пустяки.

Машина проезжала деревню, фонари уже зажглись. Оглядев Арсан при свете, Милош счел ее состояние более чем опасным.

— Вы вся зеленая... Давайте отвезу вас в больницу?

— Нет, я уже консультировалась, это вирус, пройдет само... Останови возле кафе, мне нужна вода — запить таблетки.

Милош притормозил, выскочил, открыл дверь перед Антонией, проводил ее до бистро, держась сзади и готовый подхватить.

Типично деревенское заведение — деревянные панели, вымпелы и спортивные кубки — пока пустовало. Завсегдатаи, вероятно, собираются попозже — перекинуться в картишки и опрокинуть стаканчик.

С порога Милош потребовал два стакана воды. Увидев, как выглядит Антония, хозяин — приветливый толстяк — поспешил принести заказ. Взволнованный ее состоянием, он даже предложил таблетку аспирина.

— Спасибо, мсье, не беспокойтесь, у меня всегда с собой аптечка.

Комиссар приоткрыла сумку, вынула порошки и таблетки, проглотила их, дрожа как лист. Потом откинулась к стене, ожидая, пока боль отступит.

— Уже лучше... Схожу в туалет, и поедем.

Даже улыбнулась, поднялась с достоинством и величественной походкой направилась вглубь кафе.

Пользуясь отсутствием Антонии, лейтенант обыскал сумку, перевернул вверх дном коробки с медикаментами.

Быстро переписал названия в блокнотик. И положил лекарства на место.

Блохи

Первый скачок блохи — «веспа» ^[28] устремилась от Института судебной медицины в Брон. Гутван не сомневался, что найдет там Паскаля. И чутье повело его в правильном направлении. Едва доехав и осмотревшись, журналист обнаружил машину полицейского во дворе Рефика.

Ничего удивительного: Паскаль предупредил, что «пощупает» Турка. Просто удостовериться в том, что допрос действительно произойдет — нет, журналист приехал не за этим. Гораздо больше его волновала длительность беседы.

А разговор получался некороткий...

«Больше часа. Для дымовой завесы многовато, товарищ. Или попиваешь с Турком чаек, или трясешь его, как грушу. Думаю, исполняешь свой фирменный номер. А уж твоя беседа по душам — это не объяснение в любви. Рефик, вероятно, кайфует».

Большая стрелка часов показывала, что минуты на месте не стоят. Совсем закован в седле скутера в укрытии, Гутван отсчитывал секунды, мусоля невеселые мысли:

«Разочаровываешь меня, Паскаль, я думал, что ты другой. Увы, врешь, как и все полицейские. А я было поверил в историю с двойным расследованием. Не вышло, приятель. С этой минуты глаз с тебя не спущу».

Полчаса спустя Паскаль вышел — заметно озабоченный. Сел в машину, бросил приказ шоферу и поехал в сторону Лиона.

Только куда именно? Гутван напряг извилины.

«Логично, будем рассуждать логично... Что бы я сделал на его месте? У корсиканцев месть — блюдо, которое может подождать. Чем холоднее, тем лучше. И они готовят похороны Бонелли. Маловероятно, что Йозевич — их рук дело. Остается красавчик Вайнштейн, бывший хозяин серба, завсегдатай синагог. А кого можно встретить в еврейском доме молитвы? Раввина, дорогой мой Паскаль — точно такого же ты «не разыскиваешь». Ты меня держишь не за идиота, товарищ — за короля идиотов!»

Второй прыжок блохи — и «веспа» тормознула за кварталом Перраш, на краю полуострова, где Вайнштейн вел строительство.

И возле конторки бизнесмена Гутван обнаружил машину Паскаля.

«Логика — хорошее дело, великие умы встречаются. Впрочем, это для красного словца: видеть тебе меня ни к чему. Если я заметил верно — а я заметил верно — у Турка ты оставался полтора часа. Делаю вывод: если Еврею уделишь времени больше, значит, считаешь его фаворитом гонки. В твоей работе, дорогой, время на беседу с невиновным не тратят».

Здесь Гутвану повезло больше, чем в Броне: он отыскал закоулок и укрылся от ветра. Не

боясь быть замеченным, журналист засекал длительность разговора с Вайнштейном.

А встреча продолжалась, пока вечер не вступил в свои права.

Было уже темно, когда Паскаль распахнул дверь конторы.

«Гляди-ка, два часа тет-а-тет, вам, видать, было что обсудить. Славно, товарищ, я понял: решил меня надуть. Вернее, решила Арсан, которой ты слепо повинуешься. Если старая карга хотела меня одурачить, то попала пальцем в небо. Дело «421»! Что еще она выдумает? Нет, за этим расследованием я буду приглядывать внимательно».

И последний скачок блохи — скутер доставил Гутвана к редакции.

Рабочий кабинет.

Блохи скачут и там.

В компьютере.

Журналист включил его, пробежался пальцами по клавиатуре, взялся за мышку, вошел на форум — за которым присматривал, никогда не вступая в разговор — и прочел на мониторе:

«**Гиньоль** Тот укого дядя служит в полиции и дядя рассказал о равине много интересного сегодня за обедом».

Сообщение появилось совсем недавно. Ошибки во французском: «равин» с одним «н», пропущенные запятыя... Откуда взялся этот Гиньоль? Появился он здесь впервые.

«**Гиньоль** Не вопрос. Полицейские получили приказ не говорить что ищут равина чтоб не баламутить месных евреев».

«Месных»? Из псевдонима новичка следовало, что он из Лиона. Неужели это... Гутван оставил без внимания ответы на сообщение и впился в продолжение.

«**Гиньоль** ОК. Ведутся два дела. Одно ни о чем, другое тоже для отвода глаз. Первое чтобы найти равина, но расследовать не будут это же политика, говорит дядя, а чувак который связан с равинем большая шишка. Второе дело обман чтобы скрыть откуда ветер дует. Дядя говорил о клубе который сгорел, ниточки ведут к нему, но я не просек название».

Слишком грубо для фальшивки. И потом, за исключением некоторых неточностей, парень говорил о вполне конкретных вещах. Выдумать их он не мог. А клуб — это не что иное, как «421», «дело-обман» для отвода глаз.

«**Гиньоль** Ну вот вам побольше: мужик который знается с равинем торговец недвижимостью. Зовут Рештейн или Клаштейн, я плохо слышал. Дядя был далеко от меня. Помню что кончалось на штейн».

«Торговец недвижимостью», фамилия заканчивается на «штейн»? Такой только один — Вайнштейн! Святоша снаружи, поганец внутри. Наморщив лоб, Гутван перечитал сообщения Гиньоля — подростка, чей дядя-полицейский выложил накипевшее. Черт побери, и есть что: служить продажным политикам! Покрывая их махинации, полицейский должен выгораживать Вайнштейна и замалчивать присутствие раввина. И не он один, конечно! Да и другие посетители чата подтверждают. Потрясающее дело! Бомба! Венец карьеры журналиста!

Если только умно его повернуть.

Убийство серба — вот прекрасный пролог...

Телефонный аппарат.

Желтый.

Безмолвный.

Убийственно безмолвный.

Но Романеф знал, что звонок прозвенит.

И он прозвенел...

— Романеф, слушаю...

План начал претворяться в жизнь.

План, рассчитанный до миллиметра.

План, который оставит правосудие без дела.

План, который судья осуществит с блеском.

— (дружески) Добрый вечер, мсье Гутван... (удивленно) Нет, не отвлекаете, прошу вас... (пораженно) Дело клуба «421»? (раздраженно) Вы говорите о драме в Ля Домб? (насмешливо) Что это за история, кто вам поведал подобную чушь? (примирительно) Да, знаю — вы не выдаете свои источники информации... Хорошо, что проверяете сведения, я не давал поручения возобновлять расследование. Да и на каком основании я бы это делал?

Молчание на другом конце провода. Тревожное молчание для союзников, запускаявших дезинформацию.

Вопросы возобновились.

И ответы с ядовитой начинкой.

— (нейтрально) Раввина действительно разыскивают, подтверждаю: мы располагаем описаниями, вызывающими опасения... (недоуменно) Не думаю, что он имеет отношение к смерти Йозевича, по крайней мере, на первый взгляд... (любезно) Вы правы, нет ничего невозможного... (сокрушенно) Сожалею, большего сообщить не могу — тайна следствия... (приветливо) Пожалуйста, мсье Гутван, и вам доброго вечера.

Романеф положил трубку. Взбудораженный, сделал несколько шагов по кабинету — чуть успокоиться. Подойдя к шкафу, взял книгу. Старый том в кожаном переплете.

Погладил название на обложке — «О преступлениях и наказаниях». Ее автор Чезаре Беккариа, миланский правовед XVIII века, был первым, кто выступил за отмену смертной казни ^[29]. Романеф восхищался его идеями безгранично.

«Дорогой Чезаре, народ требует возврата к гильотине из-за таких ослов, как Гутван. Слишком много прав убивает самое право. А идиот журналист не осознает последствий своей принципиальности. Защищая права виновных и забывая о жертвах, неукоснительное следование букве закона ведет к катастрофе. Результат — люди видят, как преступники избегают правосудия. Доведенные до края, начинают протестовать. Гнев нарастает, поднимаются голоса в защиту высшей меры. За ее восстановление — миллионы граждан. Не отдавая себе отчета, Гутван льет воду на их мельницу. Этот журналист представляет опасность для демократии. Понимаете теперь, мэтр, почему я должен был его нейтрализовать? Нет — обратитесь к Макиавелли, он растолкует справедливость моей борьбы».

Другое место действия — Вийёрбан, пригород Лиона.

Аптека.

Неловкий молодой человек.

Дама-провизор спрашивает, чего он желает. «Поговорить с аптекарем», — бормочет тот еле слышно. Судя по замешательству, посетителю проще открыться мужчине. Привычное дело: господам стыдно ей признаться в заболевании, передающемся половым путем. Фармацевт зовет хозяина, подмигивает, тот понимает ситуацию. Предупредительно увлекает клиента в укромный уголок. Подальше от любопытных ушей, расположив к себе скромника, предлагает все рассказать без стеснения. Молодой человек вынимает листок, испещренный наименованиями медикаментов: он хочет знать, какое заболевание они излечивают. Категорический отказ аптекаря, профессиональная этика запрещает давать такие сведения. Тогда посетитель предъявляет трехцветное удостоверение.

— Лейтенант Милош Машек, БРБ. Я настаиваю, мсье, лаборатория даст мне ответ завтра, но я не могу ждать. Пожалуйста, сберегите мое время.

— Срочное дело?

— Неотложное...

Хозяин аптеки удрученно улыбается:

— Рак...

Колорадский жук

Рено Бернье-Тенон — колорадский жук. Долго мне не удавалось определить его сущность. Сначала чаша весов склонялась к мокрице. Но недавно на глаза попало, что мокрицы — подотряд ракообразных, да еще и очень полезны. Они способствуют восстановлению питательного слоя почвы. Из-за внешнего вида и названия знаменитого детектива несчастная козявка и стала жертвой стереотипа [\[30\]](#).

А вот колорадский жук — безжалостный разрушитель.

Он уничтожает все, что находит, картофель и томаты в особенности. Совсем как Аттила: трава не растет там, где он прошел. Гадость. Просто катастрофа.

Бернье-Тенон такой же: там, где звучит его защитная речь, исчезает радость жизни. А еще он похож на жука своей согбенной спиной.

Так или иначе, колорадский жук доживает последние минуты.

Ночь накрыла Божоле. Насекомое вернулось домой слишком поздно. Полагаю, ужинало в городе в компании малопочтенных людей.

Но, как бы поздно адвокат ни возвращался, он всегда выгуливает одну из своих машин. Его ритуал: спать не сможет, не прокатившись. Какую из диковин он выбрал? Мотор трещит, сейчас узнаю. А, сегодня вечером его фаворит — «Ситроен», одна из знаменитейших моделей, легендарный «Торпедо В14», прозванный «Вечным». Отойти в нем в вечность — вот насмешка судьбы! Вижу, машина еще и с откидным верхом. Колорадский жук не боится холода. Тем лучше! Невосприимчивость насекомого к ветру облегчит мне задачу.

Автомобиль выезжает из ворот замка.

Так, время пошло! У меня на все пятнадцать минут.

Половина из них требуется, чтобы добежать до леска.

Я выскакиваю из укрытия в конюшне.

Темнота мне не помеха, дорога знакома, исхожена двадцать раз. Знаю все преграды и трудные места, хотя веточки все же цепляются за бороду. Черт, теряю время, высвобождаясь.

Так, я на месте. Все приготовлено, сложено в яме. Судя по часам, осталось семь минут. Достаточно, чтобы устроить западню. Но нужно поспешать: сейчас жук должен катить по склону.

Толстые сучья, валежник, листва.

Тащу их на середину дороги, собираю в кучу, укладываю, образуя заграждение.

Так, готово, операция отняла у меня три минуты и литр пота. Через мгновение насекомое будет в моей власти.

По моим расчетам машина должна оказаться возле большого дуба справа, там и

спрятана моя сумка. Адвокату придется остановиться в метре-двух от схрона.

Окинем план еще раз — не упущена ли какая-то деталь? Нет, осталось только ждать в засаде.

Если подсчеты верны, он не замедлит появиться с восточной стороны.

Шестьдесят секунд... Тридцать...

Шум дряхлого мотора, старомодные ярко-желтые фары.

Есть, «Вечный Ситроен» приближается.

И резко тормозит перед препятствием. Удивленный Бернье-Тенон не может разобрать, что это за помеха. Из кустов я вижу, как он соображает: откуда вдруг эта куча веток?

Оглядывается, что-то бормочет, привстает, наклоняется, догадывается — так он думает — и выходит из себя:

— Ах, паршивцы! Снова детские проказы!

Если водитель хочет вернуться домой, есть только один выход — освободить дорогу.

Чертыхаясь, не глуша мотор, он открывает дверь «Ситроена».

Но мне не нужно, чтобы жук вышел из салона.

Я выскакиваю из зарослей, ствол в руке.

Все должно произойти очень быстро. На убийство этого насекомого времени у меня меньше, чем потрачено на тех, других.

Темнота мешает точной стрельбе. Тем хуже, палю наудачу! Выпускаю несколько пуль на глаз. Одна да попадет в ногу жертвы.

— Проклятие!!! Господи боже мой!!!

Колорадский жук ошибся адресом — Бог не имеет никакого отношения к нашему делу. Даже если бы Он и существовал, помочь насекомому не в Его силах.

Насекомое вопит, надрывается, крики разносятся далеко. Все, как хочу, остается лишь подойти.

Ошеломленный жук видит меня, спрашивает себя, кто я, что имею против него, бессвязно лопочет, несет лишнее.

— Ра... ра... раввин... За что... Что я вам сделал?

Этого ты тоже не узнаешь, полудурок, вот и мой ответ — три дополнительные пули, чтобы помешать улизнуть.

Он валится на руль, бьет по кнопке клаксона, исходит ревом, зовет на помощь.

Теперь его должны слышать и в Лионе.

Поэтому я и тороплюсь. Замок в двух шагах, могут прибежать слуги.

Но не беспокойся, вредитель, хоть время и поджигает, я побалую тебя так же, как и твоих предшественников.

Обезумев, адвокат видит, как я возвращаюсь с канистрами. Подобно прочим насекомым, понимает, что сожгу его живьем. Подобно прочим, умоляет. Торгуется.

— Во имя всего святого, только не это... Скажите, чего вы хотите... Можно договориться...

Как и те, другие, он сдохнет в неведении.

Хорошо, что Бернье-Тенон откинул верх, мне удобнее поливать сиденья. Так же, как и самого владельца, разумеется. Он отплевывается — нахлебался бензина, хоть и сжимает губы. Проявим жалость и заклеим рот скотчем...

Так, последнее усилие — и дело кончено. Отвинчиваю крышку топливного бака, открываю капот, выплескиваю остатки на мотор, бросаю канистры на пассажирское сиденье

и — неизменный ритуал — чиркаю «Зиппо».

Вспышка.

Умоляющие глаза.

Слишком поздно! От имени моего белого надгробия!

Швыряю зажигалку на заднее сиденье. Машину охватывает столб огня. Стон умирающего возносится вместе с языками пламени.

Довольно, хорошего понемножку, оставаться дольше здесь не следует, огонь должен быть виден из деревни. И, что еще опаснее, машина вот-вот взорвется. Жаль, вот бы полюбоваться на финальную картину.

Пускаюсь бегом. Во весь опор. До конца дороги.

Останавливаюсь, ставлю сумку, утираюсь. Определенно, мое одеяние действеннее раскаленной турецкой бани.

Взрыв содрогает окрестности. Прости-прощай, колорадский жук.

На очереди следующее насекомое...

Божьи коровки

*Милош-Милош-дурачок,
Тебя поймаю на крючок!
Провести меня решил,
Но лишь только насмешил!*

Лион, квартал Вез, IX округ. Сидя в засаде в «Клио» на углу перекрестка, Антония сочиняла песенку:

*Вывод ясен, нет вопросов:
Я тебя оставлю с носом!*

Ни света луны, ни прохожих — мирный квартал. Очень тихий. «Из-за спокойствия «друзья» Милоша и выбрали его местом встреч», — предположила Антония. Вот уже второй час ее взгляд не отрывался от потрескавшегося фасада. Как только откроется входная дверь, комиссар сфотографирует выходящих. Увековечит гостей «Никоном», лежащим наготове.

«Твои рефлексы достойны хорошего полицейского, букашка, но меня ты недооценил. Ошибочка — позабыл, что я женщина. А аккуратная женщина, малыш, терпеть не может беспорядка. Знаешь, что такое дамская сумочка? Дом, который владелица носит повсюду с собой. Каждая вещь в ней имеет свое место. Не повезло тебе: когда я, покинув кафе, открыла сумку, сразу поняла, что ты в ней рылся — оставил там кавардак. И Жак сказал мне: «Не давай спуску, девочка. Коли Милош заведет речь о том, что его не касается, пригрози обнаружить его «секрет». Он струхнет, что пострадает карьера — вот и случатся провалы в памяти».

Дверь наконец распахнулась. Вышедшие люди сердечно обнимались, прощаясь. И одним из самых радушных был Милош.

«Поллюбуйся-ка на этих божьих коровок, Жак. Как мельтешат, чмокают друг друга в щечку — никак не могут расстаться. Шайка малахольных, ей-богу!»

«Никон» сразу же выдал серию щелчков. Антония взяла Милоша крупным планом. Тот

прижимал к сердцу какого-то типа, так и излучая воодушевление.

«Почему божьи коровки? Потому что, дорогой мой, их ошибочно именуют насекомыми Господа нашего. А нет более свирепых жуков, чем эти красивые убийцы. Название они узурпировали. Приятели букашки ничем не хуже: пригожие снаружи, гнусные внутри».

Душевные излияния подошли к концу, группа разошлась.

Как только улица опустела, Антония поехала домой, в Круа-Русс. Вполне довольная собой.

Часть 3

Жвалы

[\[31\]](#)

Оставшееся от гусеницы ела саранча, оставшееся от саранчи ели черви, а оставшееся от червей доели жуки.

Книга пророка Иоиля, глава 1

Клопы-пожарники

Милош уже и сам не знал, что происходит вокруг.

В переносном смысле, конечно — ибо в действительности он прочно стоял на земле. В это туманное утро четверга ноги его топтали округу Божоле.

Вместе с ним толклись и другие.

Ноги полицейских, экспертов, свидетелей. Маленькие, средние, большие — всех размеров.

Сырая от росы дорога, ботинки утопают в месиве грязи — Паскаль опрашивал пузана, жирного, как свиные туши, которыми тот торгует. Одиль помогала вести записи.

— Вы уверены, мсье Дюкоте, готовы подписать показания?

— Да, господин майор, я видел его, как вас сейчас. Это случилось вчера в девять вечера, я только что доставил колбаски в замок. Уже притормаживал, чтобы свернуть на краю леса, как — здрасьте-мордасти — этот раввин выскочил из кустов.

Выражение позабавило Одиль.

— Здрасьте-мордасти?

— Ну.

— Его появление вас удивило, вероятно?

— Сперва. Но потом я сказал себе, что он такой же человек, как и мы.

— Что это значит?

— Что и ему может приспичить.

— Хм, логичный вывод... А потом?

— Махнули друг другу, я поехал, а куда он пошел, не посмотрел.

Вот и конец допросу. Одиль разочарованно вздохнула. Заметь толстяк машину преступника, расследование продвинулось бы! Сколь прекрасно бы здесь ни было, райский этот уголок — настоящая глухомань. Как ни крути, подозреваемый же приехал не на велосипеде.

Что толку в дальнейших вопросах? Паскаль велел закругляться.

— Бери свидетеля, покажи фоторобот раввина. Хотелось бы подтверждения, что похож.

— Я должен ехать с вами в Лион? — встревожился мясник.

— Нет, — успокоила его Одиль, — пройдем к моей машине. У нас есть оборудование, глянете на физиономию на компьютере.

— Вот хорошо! А то ведь свинина ждать не будет, мне еще товар развозить.

Согласившись со всей серьезностью, Одиль подхватила Дюкоте под руку. А Паскаль, замолчав, остался наедине со своими вопросами и ответами.

Внутренний спор продолжался недолго, прерванный Милошем — чинно, в духе прошлого века:

— Разрешите обратиться, господин майор, прибыл в ваше распоряжение.

— Гляди-ка, ты здесь? А я думал, сопровождаешь Арсан.

— Не сегодня, патрон отправилась на похороны Бонелли.

— Верно, забыл про церемонию. Жаль, что комиссар не взяла тебя, познакомился бы с прекрасной Иоландой.

— С кем?

— Вдовой Корсиканца. Красотка, прямо с обложки. Теперь таких нет.

Милош промолчал, что уже встречался с ней.

— Ну, не вышло сейчас — взгляну в другой раз, — промямлил он, чувствуя себя неуютно.

Неловкая пауза. Машек обещал Антонии поддержку и не собирался нарушать слово. Хотя и досадовал, что комиссар утаила свое состояние. Все же недомолвки и ложь были ему не по нутру. Со вчерашнего дня он не знал, что сказать Паскалю, и стыдился этого. Предавать коллегу на каждом шагу — тягостней некуда.

Тупик. Стена. Пустота.

Соображая, как начать толковый разговор, Милош смотрел на коллег из криминалистической службы. Те спокойно и кропотливо изучали «ситроен». От автомобиля остался только почерневший остов. Обгорели и ветви вокруг скелета машины. Хорошо, что на дворе стояла осень — в солнечную погоду случился бы лесной пожар. Машек резко повернулся. Окинул взглядом открывающуюся картину. Ни пожарных, ни «скорой помощи», тело жертвы, должно быть, уже доставили в экспертную лабораторию... Жертва... Вот именно — идеальная тема разговора.

— Бернье-Тенон... Убийца замахнулся на сливки общества.

— Да, мой телефон раскалился спозаранку. Председатель коллегии адвокатов требует — служба такая, генеральный инспектор рвет и мечет — по убеждению, а префект грозит посадить меня на кол, если не возьму убийцу быстро — выражения другие, само собой, это же префект... А главное — в глазах Арсан я выгляжу полным идиотом. Она была права насчет раввина, душегуб-то он.

Плохой день. И неприятности только начинались — Милош собирался поднести горькую пилюлю.

— Читали утреннюю прессу?

— Шутишь? Я здесь с рассвета ошиваюсь. — Ответил Паскаль быстро, но почувствовал, что проблемы на подходе. — А что? Ехидные замечания?

— Еще какие: Гутван нагадил, вот его пакости.

И вынул из кармана куртки газету. Обведенная красным статья — Камиль пробежал ее глазами до точки, чертыхаясь.

В поисках истины

Дымовая завеса вокруг расследования.

Преступления множатся, а ясности не прибавляется.

В прошлое воскресенье в поезде Дижон-Лион при ужасных обстоятельствах погибли господина Матье Бонелли, видный бизнесмен (особенно известный в полицейских кругах), и Ромен Гарсия, его «секретарь» (см. нашу статью, опубликованную во вторник). В понедельник вечером в своем доме в Ницце с той же

жестокостью убит бывший председатель суда высшей инстанции в отставке Брибаль. Обстоятельства преступления аналогичны.

Во вторник вечером на улице Тассена с ножевой раной найдено тело Антона Йозевича, француза сербского происхождения.

На первый взгляд, эти преступления не связаны между собой. Если бы не «если».

Во-первых, если бы господин Йозевич, бывший наемник и военнослужащий Иностранного легиона, не имел никакого отношения к преступному сообществу. Однако он посещал членов группировок и во время своей уголовной «карьеры» оказывал услуги Матье Бонелли (хотя последнего и нельзя назвать активным действующим криминальным авторитетом).

Во-вторых, если бы Брибаль в бытность свою председателем суда в Бург-ан-Брес не сталкивался с господами Бонелли и Йозевичем под сводами Дворца правосудия.

В-третьих, если бы свидетели не заметили некоего раввина в непосредственной близости от мест преступления. Данные ими описания удивительно совпадают.

В-четвертых, если бы полиция не отрицала, что ведет розыски раввина. Согласно официальной версии его присутствие в местах совершения преступлений — всего лишь совпадение, хотя везде замечено одно и то же лицо.

Из источника, близкого к уголовному суду, известно, что поиск этого подозреваемого все же идет!

Что в таком случае означают маловразумительные сведения (мы не разглашаем наши источники информации), согласно которым расследование склоняется к закрытому и сданному в архив уголовному делу?

Попытаться прояснить ситуацию помогло бы изучение боевого пути Антона Йозевича. Кроме услуг, оказанных господину Бонелли, им также выполнялись поручения для Даниэля Вайнштейна, лионского предпринимателя, а также для Рефика Сака, коммерсанта из Брона (последнего работодателя погибшего).

Вчера во второй половине дня обоих долго допрашивали сотрудники Бригады розыска и быстрого реагирования.

Что же они могли поведать?

Господин Сака — вряд ли многое. Исповедуя мусульманскую веру, являясь поставщиком халяльной продукции, он не имеет точек соприкосновения с последователями иудаизма, светскими кругами и сферами большой политики.

Напротив, излишняя господин Вайнштейна, видного члена общества, близкого к региональной политической элите, выступающего в поддержку дела Израиля, могут представлять большой интерес. Его преданность вере не составляет ни для кого тайны. Все же мы воздержимся от утверждения, что Даниэль Вайнштейн знаком со всеми раввинами Франции. Однако один из этих членов религиозных общин, возможно, является преступником.

Вопрос остается открытым: почему в данном деле полиция нам лжет? Служит чьим-то вышестоящим интересам? Прикрывает высокопоставленных деятелей? В каком направлении вводится расследование из опасения скандала?

В поисках истины мы ждем ответов на вопросы.

Камиль Гутван

Паскаль вернул газету.

— Гутван не церемонится, ему бы поостеречься.

— Чего, судебного преследования?

— Плевал он на иски! Я его знаю двенадцать лет, он никогда не поднимает шума без доказательств. Да и место свое не боится потерять: его листок — орган партийной печати. Чем больше доставляет неприятностей богатеям, тем кайфовее владельцам... Нет, опасаться надо отморозков, взятых на прицел.

— Вайнштейна поддел особенно.

— Почти на грани фола, такова его манера — аккуратно останавливается у самой черты закона.

— А ядовитые выпады в статье понятны: Вайнштейн — еврей, а ищут раввина.

— Тут все сложнее, малыш. Уверен, Гутван нарыл не известные нам сведения. Горячие, проверенные — верняк. Я б белье с себя отдал, чтобы узнать, кто их ему поставляет.

Это что, Паскаль бы даже кота своего обменял на сведения о стукаче. Конечно, Гутван за ним проследил. Содержание статьи ясно об этом говорило — нехитрая работа по наблюдению. Но вот потом дела пошли похуже.

«С чего он взялся за Еврея? Ситуация обернулась так, что этот олух поимел меня, надо признаться. Я думал, что втер ему очки, а обставил-то он. Смех сказать — «товарищ» критикует полицию. Да он мать бы продал за горячую сенсацию! Хуже всего, что у Гутвана добротные источники, он их оберегает, и положение журналиста ему это позволяет. Креста на нем нет, ничего не упустит... Так, что же он знает о Вайнштейне? И кто его осведомляет? Что за информация находится в его руках?... Начинаю разделять мнение Арсан: этот тип опасен, сеет повсюду заваруху».

— А суд? С кем он мог говорить в суде? — оборвал Милош размышления Паскаля.

— Хм... Да мало ли кто подтвердил, что разыскивается раввин. Хоть бы и жандармы.

— Верно, это не секрет.

Каршоз было подумал, что выпутался из неудобных расспросов. Но расслабился он преждевременно — один пассаж статьи беспокоил лейтенанта.

— Вот странный момент в этой писанине: «Расследование склоняется к закрытому и сданному в архив уголовному делу». Речь-то о клубе, кто-то же его просветил. Что скажете, господин майор?

Неудобный вопрос, Паскаль готов был и за соломинку ухватиться.

— Фантазии журналиста, хлебом не корми, выбрось из головы.

— Фантазии?

— Ну да... Какой-нибудь болтун ляпнул, что мы обратили внимание на дело «421». Канонье, например, мог бы позволить себе фортель напоследок.

— Он или кто другой... Вполне вероятно...

Их внимание отвлекли неожиданный треск, вторгшийся в разговор шум, воркотня двигателя. Уехал Дюкоте, Одиль вернулась к своим обязанностям, возобновилось прочесывание. Вновь руководя осмотром, Паскаль оглядел дорогу, ведущую к конюшням.

— Поручу тебе задание, малыш. Башмаки у тебя надежные?

— Говнодавы, модель «Деревенская грязница», а в чем дело?

— Пойдешь бродить по пересеченной местности. Следи за моими выводами: у раввина

было мало времени на то, чтобы нанести удар, следовательно, заграждение он соорудил в последний момент... Продолжить или дальше понял и сам?

— Понял, командир. Сначала было слишком рано, вдруг бы кто-то прошел мимо, потом — слишком поздно, западня бы не сработала.

— Bravo, малый, уразумел... Чтобы казнить Бернье-Тенона, раввин подстерегал его отъезд — без вариантов. А глянь-ка перед собой: с места преступления убийца не мог проследить, как жертва трогается в путь.

Милош приставил ладонь козырьком: солнце слепило глаза.

— Так точно, мешает поворот. Да еще и деревья загораживают обзор, видно только часть стены замка.

— Вот ты и знаешь, что должен сделать — обыщи-ка участок по периметру. Если повезет, найдешь следы нашего психопата. Давай, за дело, жду хороших новостей.

Впервые Паскаль отправлял Милоша работать. Пусть поручение и не представляло опасности, все же к исполнению тот приступил с гордостью. И уже заранее предвкушал успех. Вот почему Милош не стал носиться, высунув язык, а пошевелил извилинами.

«Навскидку расстояние здесь примерно семьсот метров. От замка до места преступления по прямой — ровная дорога под уклон, начинающаяся у конюшен.

Просматривающаяся насквозь. Затем следует поворот, за ним плоский участок — тот, где сейчас стою. Что бы я сделал на месте раввина, чтобы не быть замеченным? Путь он проделал пешком...»

Логика подсказала вероятный ответ.

«Так, сначала я бы пробрался подлеском — не открыто же идти. Потом бегом наверстал отставание, ведь никто бы не увидел, что происходит на последнем отрезке. Суммирую: незачем расплытаться. Так как я иду путем убийцы в обратном направлении, прочешу дорогу до поворота, после обшарю кустарник вдоль уклона».

Что тщательно и исполнил, не отрывая глаз от дорожного покрытия. Никаких сведений битум не сообщил.

Милош добрался до поворота.

С тем же результатом.

Выйдя на дорогу, ведущую к конюшням, он углубился в заросли. Начал с левой стороны. Осмотр затянулся. Тоже пустая трата времени. Ничуть не пав духом, Милош вернулся в исходную точку, перепрыгнул на правую обочину и попросил святого Антония ниспослать здесь больше везения. Землю устилала сухая листва. Над колючим кустарником вверх тянули голые ветки скелеты дубов. Лейтенант их обогнул. И обнажившиеся грабы тоже. А потом очутился перед одиноко растущей липой, отжившей свой век. Липа посреди леса?! Милош улыбнулся — природа поступает, как ей вздумается. Он подошел к дереву, увидел, как по коре бежит цепочка насекомых, будто за ними гонится птица, и хмыкнул:

— Клопы-пожарники! Как в третьем классе.

Однажды на уроке природоведения мадам Ломбарди повела учеников понаблюдать за липой. Милош и сейчас еще помнил ее объяснения: «Это полезные насекомые. Их прозвали пожарниками из-за красно-черных кутикул, похожих на старинную униформу». Слово «кутикулы» вызвало всеобщий гомерический смех. За которым последовало врученное родителям для подписи предложение, переписанное десять раз: «Я не должен глупо смеяться, когда учительница дает мне знания».

Милош проследил за пожарниками, внимательно разглядел липу и обнаружил почти

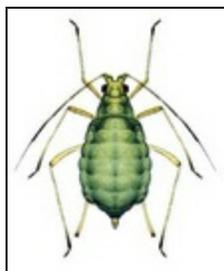
невидимые глазу волокна, зацепившиеся за ветки. Длинные черные — возможно, вырванные — волосы, находящиеся на уровне человеческого роста. Вне себя от радости, лейтенант возблагодарил небо за посланных навстречу пожарников. Благодаря лесным клопам не придется возвращаться несолоно хлебавши. Осторожно Милош намотал волоски на веточку, завернул их в газету Гутвана и, торопясь, вернулся к Паскалю, уверенный, что последует одобрение.

Принял шеф его не так, как ожидалось. Майор с сомнением осмотрел находку.

— Слишком длинные, слишком толстые — это волосы из лошадиной гривы. В этих краях многие ездят верхом. Ладно, раз уж нашел их здесь, передай в лабораторию. Расскажешь, что из них выудят, если хоть что-то можно выудить.

Обескураженный словами шефа, но полагающийся на святого Антония, Милош направился к эксперту криминалистической лаборатории.

Тля

Никто не пропустил церемонию.

Явились все, одетые в черное, с розой в руке.

Корсиканцы с юга, с севера, с континента, из Марсея, Гренобля, прочих мест.

К ним добавились и представители других народов — с физиономиями участников боев без правил.

Антония насчитала две сотни пришедших показать скорбными лицами Тино, что разделяют его горе. И разделят будущие дела, коли новый глава клана поручит что подходнее.

Серое утро. Кладбище Луайас представляло собой унылое зрелище. В погожий день онс похоже на висячий итальянский сад, весь в цветах. Холмы напротив напоминают Тоскану.

Идя в траурном кортеже, комиссар едва удерживала смех: в голову пришла идиотская мысль. Кладбище разделено на две части. Верхняя, со стороны улицы Кардинал-Герлье, начинается от памятника полицейским, погибшим при исполнении служебного долга. Было бы неуместно похоронить там Бонелли, подумала Арсан. И в то же время потешно: понаблюдать за членами мафии, шагающими перед монументом представителям закона — согбенная спина, приниженные, смертельно уязвленные — такое зрелище она бы оценила.

Но Корсиканца предавали земле в нижней части.

Справа, у входа, за посетителями наблюдал бюст Эдуара Эррио [\[32\]](#). Захоронение по центру, округлая могила, заметная со всех уголков кладбища. При жизни великий человек служил жителям Лиона. И после кончины, казалось, продолжал охранять их покой.

Главная аллея, обсаженная пирамидальными кустами. Почетный строй красиво подстриженных деревцов, ведущий к внушительной колонне. Памятник погибшим пожарным — будто маяк над вечным морем.

Последнее пристанище Бонелли находилось неподалеку.

К этому соседству Антония относилась спокойнее. На праздничных мероприятиях пожарных Бонелли бывал щедр. Подписывая чеки с несколькими нулями, заручался признательностью спасательных служб. Не без задней мысли: конкуренты спали и видели, как бы испепелить заведения Корсиканца.

Длинный похоронный кортеж подтягивался к могиле. Пока ни одной плиты на ней — Бонелли ляжет здесь первым. За ним последуют другие члены семейства. Иоланда, самс собой, только много позже мужа. С сыном, вероятно, произойдет иначе — к гадалке не ходи. Гораздо более явно, чем скорбь, лицо Тино искажала ярость. Наследник мог ничего не говорить — его мысли о возмездии услышал бы и глухой. Но жажда мести — неважный советчик. Когда действуют, не подумав, ошибка не заставит себя ждать.

«Жак говорит: наследник дошел до кондиции. После упокоения разразится буря. И очень скоро. Тино бросит полки на убийцу отца. Вот только решит вопрос о виновнике: Рефик или Вайнштейн? Кого из двух оскопить? Проявим чуть милосердия, поможем сделать выбор».

Погребение не считается таинством: смерть — сволочная штука. Церемония может обойтись и без священника. К тому же в эпоху, когда время столь ценно, слуги божии с места не двинутся по такому ничтожному поводу. Вместо пастыря прощальные слова произнесут и дамы-прихожанки. Если только дорогой усопший не заслуживает молитв святого отца.

Бонелли входил в число избранных. Кюре сопровождал похоронную процессию — нечасто теперь такое увидишь. И — знак особого уважения — службу помогали вести два мальчика из хора. Белые стихари, епитрахиль и кадило. Действо с большой пышностью. Тино определенно не посчитался с расходами. У церкви будет новая черепица на кровле.

Как и ожидалось всеми, священник затянул панегирики усопшему. Примерный муж, хороший отец, достойный гражданин — все эти качества были присущи Бонелли. Послушать оратора, так Господь призвал к себе примерного агнца...

«Волка! Да и волки убивают только, чтобы утолить голод. Бросьте, святой отец, не знаю, сколько вы заработали за вашу чушь, но небесное начальство за нее по головке не погладит, уверена».

Но Антония подальше упрятала возмущение, как бы пылко оно ни кипело. Даже состроила такое же выражение лица, как у тех, кто полностью разделял мнение кюре.

Настало время дипломатии, тонких недосказанностей, молчания с лже-признанием в придачу, плетения сетей-ловушек для противника.

Чтобы поставить его на колени, комиссар шла вместе с траурной процессией.

А враг двигался во главе кортежа.

Могилы окроплены святой водой, теперь каждый подходил обнять Иоланду и сына. Так присутствующие выказывали преданность, дружбу и участие. Чувства, приправленные многократно повторенными сожалениями: «Какая потеря для диаспоры, Матье был лучшим, гением, выдающимся человеком...».

Слушая хвалебные речи, Антония в глубине души метала громы и молнии.

«Кучка притворщиков, настоящая стая тли, я же знаю, что вы радуетесь его кончине! И надеетесь лишь, что сынок окажется слабаком — и удастся поглотить его империю. Если бы могли, разорвали наследника, не сходя с места. Нет Тино — и не надо платить дань, давать отчет. И личинки тли сожрали бы игорный бизнес, ночные заведения, рестораны и трафик контрабанды».

Соболезнованиям не было конца. Как умудренный тактик, комиссар подошла к родным последней. Когда настал ее черед, произошло то, чего Антония и ожидала: Иоланда «сломалась», губы ее задрожали, слеза блеснула на щеке.

— Благодарю тебя, хорошо, что пришла.

— Не хватало, чтобы я бросила тебя, мы же всегда поддерживали друг друга в тяжелые минуты.

Женщины обнялись под оторопелым взглядом Тино. Эти сердечные излияния плохо стыковались с его убеждениями: в их кругу полицейские считались персонами нон-грата.

— Что это значит — всегда поддерживали?

Иоланда высвободилась из объятий Антонии.

— Я никогда тебе не рассказывала, сынок, пора это исправить: наши отцы родом из одной деревни. Два калабрийца, отправившихся во Францию в поисках работы.

— Не может быть! И почему ты раньше об этом не говорила?

— Наши отношения ставили отца в неловкое положение.

Продолжения не потребовалось, Тино понял подоплеку.

— Ясно... Меня и раньше удивило, что вы общаетесь на «ты».

— И не со вчерашнего дня, — вмешалась в разговор Антония. — Мне было семь, когда родилась твоя мать. Я качала ее в колыбели, присматривала, меняла пеленки come una grande sorella, как старшая сестра.

— Пеленки?! Почему вы?

— Потому что моему отцу нашел работу твой дед. Благодаря ему мы и приехали в Эн. Наши семьи жили бок о бок, помогали одна другой.

— L'unione fa la forza [\[33\]](#). Ты не представляешь, как тесно мы были связаны. Потом Антония уехала, я встретила Матье, жизнь круто поменялась.

— Но когда одна из нас хоронила близкого человека, другая являлась по велению долга. Каковы бы ни были разногласия, мы всегда оказывали поддержку друг другу. L'amicizia e una cosa sacra, il mio piccolo [\[34\]](#).

Этими словами Антония и закончила разговор. Было бы неуместно дольше вспоминать прошлое. Стоя позади могилы, за всеми тремя настороженно наблюдал один человек. В его обязанности входила охрана семьи Бонелли. Беседа затянулась, и это его беспокоило. Он подошел, готовый вмешаться.

— Здравствуйте, комиссар, я должен радоваться вашему присутствию?

Тино знаком велел ему успокоиться.

— Все хорошо, Батист, мы просто беседуем... По-дружески.

Старику-корсиканцу уточнение не понравилось.

— По-дружески? В день нашего траура можно смириться и с такими чудесами.

Комиссар не стала ввязываться в ссору, идиотизм Батиста мог быть полезен.

— Кстати, мсье Чекальди, должна ли я напомнить одну встречу, которая «не состоялась»? В понедельник вечером, например?

— Не стоит, комиссар... Можно сказать, она изгладилась из памяти.

— Что ж, тем лучше.

Чтобы совсем умиротворить доверенное лицо, Иоланда добавила устало:

— Мадам Арсан присутствует здесь частным образом, мы ценим желание выразить сочувствие. Ради бога, Батист, на несколько минут забудем то, что нас разделяет.

Тино качнул головой, соглашаясь на перемирие. Раз Бонелли ручались за чужака, Батист убрал когти. Затем, расслабившись, задал ожидаемый Антонией вопрос:

— Как идет расследование, комиссар?

— Продвигаемся потихоньку.

— Я бы сказал — осторожно, судя по тому, что прочитал в газете.

Он ткнул в статью Гутвана, торчащую из кармана. Проявив интерес, Иоланда и Тино захотели ознакомиться. Плохо, в планы Антонии задержка не входила: остаться бы со старым идиотом наедине. Но как помешать чтению? Заметив, что толпа переминается на месте, комиссар отыскала предлог, чтобы устранить лишних свидетелей.

— Статья может подождать, вас ждут друзья. Присоединитесь к ним, а я поговорю с мсье Чекальди о ходе следствия, он вам доложит.

— Докладывают фараоны, комиссар. А у нас просто рассказывают то, что знают.

— Значит, расскажете — как принято в вашей среде. Однако поторопимся, у меня важная встреча.

Это было неправдой и одновременно тактической уловкой: чем быстрее пройдет беседа, тем меньше корсиканец усомнится в сказанном.

Речь Антонии звучала веско, и ее лжи поверили.

Иоланда и Тино подошли к близким.

Чтобы никто не услышал, Арсан повела Батиста к захоронениям священников — на особое кладбище кладбища Луайас, плоский открытый участок, усеянный серыми плитами без цветов.

— Слушаю вас, мсье Чекальди.

— Давайте ближе к делу, комиссар, что это за история с раввином?

— Установленный факт, ведем его розыск.

— Почему же Гутвану сказали обратное?

— Потому что подозреваемого в розыск подали позже. А журналист, наверное, встретился со своим осведомителем ни свет ни заря.

— Это случилось около часа-двух.

— Вернее, в пять-шесть. Если он честный человек, опубликует опровержение.

Старик поверил: ее голос звучал естественно.

— Гутван ведет огонь по Вайнштейну, не скрываясь. По-вашему, это нормально?

— Нет ничего нормального в деле, где трупы плодятся один за другим.

— Да, многовато смертей... Но не думаю, что журналист поддевает его без оснований.

— Да, Гутван никогда не нападает безоружным. Подозреваю, собрал на Еврея досье.

— А что в нем, как думаете?

— Финансовые махинации, Вайнштейн в них увяз по маковку... — И, прежде чем собеседник ответил, Антония изобразила доверительную речь без подвоха. — Признаюсь, у меня для вас плохие новости, мсье Чекальди. Я не хотела говорить при Иоланде и Тино в такой день, как сегодня.

Батист сжал зубы, готовый встретить бедствие.

— Что еще стряслось?

— Раввин снова это сделал. Он убил вашего адвоката Бернье-Тенона. Вчера вечером. Тот же почерк с бензином, мы уверены, что он убийца.

Корсиканец зажмурился, готовый пролить слезы.

— Рено, убили Рено... Он же вместе с нами присутствовал на ночном бдении у гроба Матье.

— Сожалею, вам придется провести ночь и у его тела.

Батист овладел собой, готовый отомстить за человека, считавшегося почти братом.

— Этот раввин... Я бы потолковал о нем с Вайнштейном.

— Полиция сделает это за вас, если на него укажут улики.

Старик не ответил. А Антония вкрадчиво провела нечестный приемчик, только оружием послужил язык:

— Присматривайте за Тино в ближайшее время, кто знает, что может случиться. А что до Вайнштейна, поступайте, как я: подождите, пока дело не прояснится.

— А если он смоется?

— Его ничто не обвиняет, зачем скрываться?

— Потому что он слышит, как вокруг свистят пули. Я наводил справки: конторы закрыты, а о самом Еврее ни слуху ни духу.

— Я знаю, где его найти: он всегда празднует окончание субботы «Мелаве Малка» [\[35\]](#) в одном и том же ресторане.

— Каком?

— «Пальма Афулы»... во втором округе.

Дело сделано, осталось только выждать. Субботний вечер наступит быстро.

Антония попрощалась, закурила трубку и покинула кладбище.

Следующий пункт назначения лежал неподалеку — на холме Фурвьер.

Черная вдова

Проблемы со зрением никуда не девались, вести машину было все трудней. Паршивая погода: тучи грозили обрушить ливень, и Милош боялся, что придется управлять в дождь — его навязчивый страх! Стоило упасть паре капель, и дороги он уже не различал.

Та, по которой он медленно ехал, вела в Треву.

Арсан попросила собрать сведения об окружении Жуфлю. Есть, будет исполнено — лейтенант взял под козырек. Не особенно надеясь на успех. Преподавателю философии ума не занимать. Если раввин и был сообщником, Жуфлю, вероятно, поостерегся его принимать в своем жилище. В таком городке, как Треву, с лабиринтом средневековых улочек, раввин бросался бы в глаза издали.

Милоша обогнал автомобиль, звуковой сигнал которого превышал все мыслимые децибелы.

Его-то машина еле тащилась, низкая скорость создавала помеху движению. Но позволяла осмыслить только что произошедшие события.

«Не понимаю Каршоза. Отправляет меня в лес, уверен дальше некуда, что раввин там наследил, а когда я приношу вещественное доказательство, не обращает ни малейшего внимания. Что означает такое отношение? Волосы, возможно, и из лошадиной гривы, но при наших скудных данных бросаешься на любую находку. И не пренебрегаешь ни одной деталью, самой мизерной — а он пренебрег. Но главное, чтоб лаборатория занялась волокнами. Если это человеческие волосы, посмотрю, поменяет ли майор мнение. Меняет ли он его вообще».

Поворот, оцененный, как сложный, заставил Милоша замедлиться. И, вследствие этого, получить новую порцию брани. Едущие за ним имели основания для недовольства — скорость тридцать семь километров в час! Чтобы охладить их возмущение, Милош чуть было не поставил маячок на крышу «рено». Но благоразумно передумал: мигалку включают, только когда нужно прибавить ходу. А случай был как раз обратный, поэтому лейтенант предпочел оскорбления.

После виража дорога пошла по прямой. Протестующие обогнали и оставили Машека в хвосте. Погруженным в смятенные мысли.

«Не знаю, что и думать об Арсан. Это из-за рака у нее стало плохо с соображалкой? Видит повсюду подозрительных, разбрасывается — голова кругом идет. Если только она не знает, что делает... и не скрывает это от меня».

Милош поехал медленней некуда, охваченный возникшим сомнением.

«Ужасно так говорить, но болезнь комиссара не позволит ей сохранить должность. Прежде чем покинуть службу, не собирается ли она свести старые счеты? Не хочет ли нанести удар кому-нибудь под прикрытием расследования? Я узнал ее немного, думаю, она способна на все. Держи ухо остро с женщиной, курящей трубку, любящей насекомых и

ведущей беседы с душой покойного мужа: она черная вдова, зловещий паук со смертельным ядом».

Дорожный указатель сказал лейтенанту, что Треву приближается.

«Я слишком долго осторожничал, пора проснуться».

И Машек утопил в пол педаль акселератора.

Светлячок

Сказать, что этот человек следит за элегантностью костюма — ничего не сказать: он весь был воплощенная гармония. Праздношатающиеся возле древнеримского амфитеатра и базилики Нотр-Дам-де-Фурвьер поворачивали головы ему вслед.

Тона леса, рыжей осени — цвета оспаривали превосходство высочайшего качества одежды. Джентльмен был одет в твидовый костюм, просторный макферлейн — английский плащ с пелериной, дорогой сердцу Шерлока Холмса, клетчатую рубашку и шерстяной галстук. Что до обуви, то — удобство прежде всего! — носить он мог только ботинки-чукка фирмы «Боуэн». Зато шапке охотника на оленей с двумя козырьками предпочел ирландское кепи. Изысканный до кончиков ногтей франт в восьмиклинке ручной работы от Джонатана Ричарда.

Последний, неперменный штрих к ансамблю — щеголь опирался на алую трость.

Сидя в машине, Антония следила за идущим, кривясь и плюясь.

«Выходит, палка — притворство, он перемещается лучше некуда. Ты прав, Жак, мэтр Канонье посмеялся надо мной. Калека накануне, бегун на длинные дистанции на следующий день — комедия усиливает мои подозрения. Он перестарался, попросив Милоша открыть дверь мадам Марсо. Кретин забыл, что нам-то он открыл сам. Страдалец, еле ползает — рассказывай кому другому! Когда захочет, гусеница может обратиться в бабочку».

Канонье удалялся от магазинчика. Комиссар рассматривала лавочку снаружи добрых четверть часа. Длинная, разрезанная переполненными витринами, на вывеске повыше козырька выгравировано «Экуменический прилавок». Слово «прилавок» позабавило, в голове возникал образ бара, а не магазина товаров для верующих. Хотя базилика Нотр-Дам находилась и поодаль, заведение не пустовало. Толпились туристы, приехавшие на автобусах. Поток посетителей не редел. Устав дожидаться, пока лавка опустеет, комиссар решила войти.

Лишь Арсан толкнула входную дверь, запах ладана взял ноздри приступом. Его она ненавидела, до исступления, настолько, что избегала церковных ярмарок. Но сейчас давать задний ход комиссар не могла. Дело не ждало, нужно было поговорить с мадам Марсо.

И надо было отыскать ее в помещении, вытянутом кишкой и набитом постоянными покупателями. Антония огляделась и в глубине магазина увидела хозяйку — сияющую, преобразившуюся каким-то волшебством.

Светлячок.

Существо, переплававшее душевный накал в улыбку.

Что с ней произошло?

Ни следа страдания не осталось на лице.

Это была совсем другая женщина.

Люси Марсо вся светилась.

Пока она не могла оставить покупателей. И, чтобы занять время, Антония прошлась мимо выставленных товаров. Стен почти не видно за полками книг и распятиями. За место под солнцем боролись православные иконы, пьеты скорбящей Богородицы [\[36\]](#) и другие изображения Святой Девы. В витрине отдела золотых нательных крестов покупатель мог найти любой — католический, тевтонский, православный. А рядом — раздолье приверженцам всех конфессий. Звезды Давида, разложенные на бархате, амулет хамса [\[37\]](#) рядом с Торой. Такое соседство не удивило комиссара: оберег этот считают своим и мусульмане, и иудеи. Изумил комплект карт с библейскими сюжетами. Ярлык пояснял: игральные, предназначенные для развлечения детей и взрослых. «Скоро и игру компьютерную создадут, — усмехнулась про себя Антония. — Торгаши, зарабатывающие на вере, ни перед чем не остановятся».

— Комиссар Арсан? Не думала так скоро вас вновь увидеть.

Антония вздрогнула, услышав свое имя.

— Ээ... Добрый день, мадам Марсо. Извините, загляделась тут на колоду.

— Я испугала вас, простите.

— Что вы, это не так легко.

— Тем лучше, я бы расстроилась. Однако чем могу помочь? Полагаю, вы пришли в целях следствия?

— Вы правы, уделите мне пару минут?

— Могу и пять. Мсье Канонье рассказал мне о ваших поисках. — Она приглашающе махнула рукой в сторону тихого уголка. — Пройдемте туда, спокойно поговорим.

Мадам Марсо провела Антонию вглубь магазинчика, не забыв между тем напомнить продавщице присматривать за кассой. Траченная молью старая дева, не мешкая, направилась к аппарату с наличностью — знала по опыту, что религия и честность не всегда идут рука об руку.

Следуя за светлячком, Антония рассмотрела ее вблизи. Лицо Люси излучало сияние. Странно. Что бы могло стать причиной столь внезапного перерождения?

— Выглядите превосходно, куда лучше, чем вчера.

Мадам Марсо не стала уходить от ответа на этот полувопрос.

— По правде говоря, я не очень хорошо себя чувствовала. Знала о цели вашего визита, и вновь погрузиться в те драматические события мне было... мучительно.

— Сожалею.

— Что вы, комиссар, это же ваша работа.

— Зачастую тягостная.

— Могу ли я облегчить ваше состояние?...

— И очень просто — передав список членов вашей ассоциации.

— Бывшей ассоциации, комиссар, она перестала существовать с окончанием процесса.

Но не имеет значения, я приготовила документ.

— Вы предвидели мою просьбу?

— Да, Юбер... то есть, мсье Канонье посоветовал.

— Почему?

— Он боится, что нам всем угрожает опасность. Юбер не ошибается: в округе рыщет безумец, около процесса о клубе «421» совершается одно преступление за другим. Как знать, кто будет следующей жертвой?

— Я могу назвать последнюю — господин Бернье-Тенон. Его убили вчера вечером возле дома.

Антония пристально всматривалась в выражение лица Люси, считывая мельчайшие движения и изменения. Лицо не может скрыть чувств. Но черты светлячка хранили безмятежность.

— Что ж, лгать не буду. О Бернье-Теноне хорошего не припомню, его поведение на процессе было мерзким.

— Вы все еще держите на него зло?

— Нет, я простила ему. Мир душе его, прими ее, Боже, во Царствии своем.

Потрясенной Антонии показалось, что она очутилась в каком-то другом измерении.

— Еще скажите, что молитесь за него.

— Все возможно.

— После того, что он вам сделал?!

Мадам Марсо взглянула на Арсан с участием и состраданием, будто жалела ее за пренебрежение спасением души.

— Нет большего горя, чем потеря ребенка, комиссар, как, по-вашему, я сумела его пережить?

— Не знаю.

— Так послушайте: благодаря вере, молитвам, милосердию Господа, поддержавшего меня. Без Него я наложила бы на себя руки. Или жила бы в ненависти, что ничем не отличается от самоубийства: ненавидящий человек мертв. — Она замерла, блаженно сияя. — Юбер помог мне найти путь к Всевышнему. Я благодарна ему.

Недовольный голос прервал исповедь. Продавщице попался трудный клиент. По громкому спору было понятно, что одной ей с ним не совладать. Хозяйке пришлось вмешаться. Извинившись перед комиссаром, она устремилась на помощь. Во время антракта Антония рассмотрела мировоззрение Люси с разных сторон. И отчаянно позавидовала: такой верой, как у светлячка, она сама не обладала. Даже не знала, на что это похоже. Внутри нее жили лишь мысли о соотношении сил, неумолимом правосудии, законе, наказании. Прощение ей было неведомо. Она и припомнить не могла, когда встречалась с этим порывом.

— Конфликт улажен, маленькая проблема с ценниками.

Люси вернулась: светлячок с конвертом в руке.

— Я заодно захватила и список. — Протянула его Антонии.

— Благодарю вас, мадам Марсо. И мсье Канонье тоже... — Неглубокий вздох, изменившаяся интонация. — ... Которого я только что заметила выходящим из вашего магазина.

Антония ошиблась в расчетах. По улыбке было понятно, что в понижении громкости Люси не уловила желчного намека.

— Вы правы, Юбер сделал мне сюрприз. Я безумно счастлива видеть его вновь на ногах.

— Смотрите-ка! А я-то считала его инвалидом.

— Нет, у него иногда бывают приступы, приковывающие его к креслу. Но они всегда недолгие, уколы снимают боли.

— Рада за него, очаровательный человек.

Комплимент пришелся Люси по душе — светлячок кивнула, благодаря.

Список был лишь предлогом для встречи с ней. Антонии хотелось узнать больше об ассоциации. Мадам Марсо знала входивших в нее людей, их недостатки, страдания. Ее суждение сберегло бы время комиссара.

— Что ж, мне пора. Но прежде, чем уйду... вы можете что-то сказать о своих бывших соратниках?

Комиссар надеялась на признание, а услышала настоящее откровение.

— Да, есть кое-что, комиссар: присматривайте получше за нашим бывшим казначеем. Кое-кто обвинял его в слишком активном участии в деле. Он просто жил процессом, Брибаль даже пригрозил удалением из зала судебного заседания. Члены ассоциации до сих пор не могут ему этого забыть.

— Нет вопросов, займусь, если сообщите имя.

— Оно есть в списке — Аарон Крейш. У него магазин сюрпризов и розыгрышей на набережной Роны. Я предупрежу его о вашем визите. Так будет лучше: он немного... не в себе.

— Вы сказали, Аарон Крейш?

— Да, с двумя «а»... В тот трагический вечер наши дочери были в клубе «421». Они всегда были вместе, их и принимали за сестер.

Аарон с двумя «а» — несомненно, еврейское имя. Мозг Антонии готов был взорваться. Неужели Марсо знает что-то и скрывает? Чтобы прояснить ситуацию, Арсан вынула из кармана газету Гутвана.

— Не читали сегодняшний выпуск?

— Эту писанину? Разумеется, нет, это же антиклерикальное издание. А почему вы спрашиваете?

— Тут повествуют о расследовании... Не имеет значения, выбросьте из головы, совершенная чушь.

— А главное, короткая чушь. Вы могли бы просветить меня подробнее.

«В конце концов, — рассудила Антония, — глупо скрывать: творчество Гутвана продавалось во всех киосках».

— Если пересказать еще короче, скандальная статья о евреях.

— Оо... Антисемиты не прекращают... Черт бы их побрал.

Черты лица светлячка внезапно ожесточились.

— Похоже, вы их не любите.

— Я питаю к ним отвращение, комиссар, и у меня есть основания: Рашель была наполовину еврейкой. Тридцать два года тому назад я развелась с мужем вскоре после ее рождения. Вернула себе девичью фамилию, Рашель сохранила фамилию отца.

— Не сошлись характерами?

— Скорее, любовью. Тем не менее, признаю, что мой бывший муж вел себя благородно, когда погибла Рашель. Он обожал дочь, хотел, чтобы восторжествовало правосудие. Именно он и оплатил гонорары Юбера.

— Он жив?

— Да, видный предприниматель. Его зовут Даниэль Вайнштейн.

Священный скарабей

Паскаль вернулся в управление бригады.

Перечитывал записи.

Объединял факты.

Разрушал схему.

Вновь выстраивал гипотезу.

Ломал мозги.

Кто отправил серба на тот свет? Убийство следует из мотива. Не существует одного без второго.

А майор не обнаружил ни единой причины.

Расследование катилось привычной колеей. Десяток свидетелей клятвенно заявил, что во вторник Рефик находился на рабочем месте вплоть до полуночи. Его служащие, само собой. А Вайнштейн в это же время фланировал по Греноблю. Ужинал с сильными мира сего, показания которых не ставились под сомнение. Да Паскаль и поостерегся их опрашивать. Слишком опасно, слишком горячо — одной головомойки за день более чем достаточно. Сыт по горло. В полдень майора вызвал генеральный контролер. В полиции чиновник такого уровня — неоспоримый авторитет, подобный священному египетскому скарабею. Осмелиться ему возражать — подписать себе приговор: повышение по службе вылетит в трубу. И Паскаль смолчал, услышав: «Вы читали газету, Каршоз? Если не в состоянии руководить своими людьми, будем разговаривать по-другому. Дело с грузовиком не должно повториться! Приказываю найти осведомителя Гутвана, пока его информация не наделала новых бед. Обещаю, он заплатит за то, чего я наслушался от мэра. Будет мечтать, чтобы его взяли в постовые регулировщики. Идите, ваша карьера зависит от результата».

Гутван...

Благодаря этому иуде майор оказался в полной заднице.

Из-за него того и гляди отправишься протирать штаны в архиве в какой-нибудь тьмутаракани.

Если только не заткнуть болтуну рот. Раз и навсегда — за подмоченную дружбу, запятнанное доверие *ad vitam aeternam*.

Сделать это — или самому пойти на дно...

— На что-то сердитесь, командир? — В кабинете появилась Одиль.

— Да нет... Думаю над делом Йозевича.

— Лучше бы сосредоточились на раввине.

— Этим и занят, девочка: взять убийцу серба и значит взять раввина.

— Да услышит вас Бог, начало пока не очень.

Каршоз открыл нижний ящик стола. За папками с делами была схоронена бутылка виски. Отвинтил пробку, взял два стаканчика, плеснул скотча, один протянул Одиль.

— Поверь, лейтенант, мы повяжем его без помощи отца небесного.

Жук-носорог

Покидая мадам Марсо, Антония ощущала тошноту.

Груз на совести.

Выходит, Вайнштейн потерял дочь в сгоревшем клубе...

Она ожидала чего угодно, но не подобного поворота. Еврей казался уже не таким отпетым мерзавцем — с минуты, как она уехала из квартала Фурвьер. Он страдал, знал, каково это — лишиться близкого человека. Пусть мучения и не обратили в ангела, все же они сделали его более человеческим. Антония сочувствовала Вайнштейну. Не прощая во всем остальном. Лишь один горький балл в его пользу, не меняющий оценку «ноль» за поведение.

«Не зашла ли я слишком далеко? И слишком поспешно? Нет, дорогой мой Жак — я даже припоздала с генеральной уборкой улиц. Да и времени отделять зерна от плевел у меня не осталось. Не настаивай, прошу».

Двигаясь в плотном потоке, Антония выглядывала, где бы припарковаться. Несбыточная надежда. Свободное место для стоянки в Лионе в четверг после обеда без применения волшебной палочки равнозначно выигрышу в лотерею. Редкая удача в людном квартале. Улица Эдуара Эррио: магазины, кинотеатры, рестораны, борющиеся за место на тротуаре. Участок от площади Белькур до Оперного театра сравним с улицей Ла Рамбла в Барселоне [\[38\]](#).

Лавочка Аарона Крейша располагалась на набережной. Рукой подать до толпы гуляющих. Антония проезжала мимо нее уже в третий раз.

«Не действуй на нервы, Жак, остановить машину не могу! И не читай мораль, знаешь ведь, кто таков Вайнштейн! Согласна, слова Люси говорят в его пользу. Еще больше в пользу нее самой. После того, что эта женщина пережила, она заслуживает покоя».

Место все не находилось. Арсан сделала последнюю попытку — еще один круг по кварталу. После — баста, отправится на паркинг.

«Конечно-конечно, дорогой, Вайнштейн может быть мстителем. Или заказчиком убийства. Бывшая жена сказала, что в зале суда он не появился ни разу, оставался в тени все время процесса. Бонелли, как и другие, не знал, кто был отцом Рашель. Никто не сопоставил фамилии. Неужели Даниэль Вайнштейн ждал десять лет, чтобы отомстить в память с дочери? Возможно. И очень изобретательно: кто бы связал трагедию «421» и мотив убийств через столько времени?»

Антония зашла на последний поворот, потеряв надежду увидеть, как освобождает пяточок какой-нибудь автомобиль.

«Да, соглашусь с твоей точкой зрения: если Еврей сделал часть работы по дому, он заслуживает признательности и галантного обхождения. Но между ним и мной стоит Влада. Помнишь, девочка, хотевшая свидетельствовать против него? Та, с которой содрали кожу, будто с кролика — по его приказу. За смерть которой я поклялась отомстить. И не отступлю.

С другой стороны, из уважения к мадам Марсо и в память о Рашель я должна спасти египтишку. Чертовски трудная дилемма. Ладно, договорились, Жак, постараюсь, чтобы Вайнштейн остался в живых... в тюремной камере до конца своих дней. По рукам?»

Пришлось уверовать, что муж согласился: стоило Антонии задать вопрос, как освободилось местечко.

Сигнал поворотника, брешь между машинами, быстрый маневр — комиссар успела втиснуться, прежде чем следующий желающий начал сигналить. Выбралась из «Клио», сунула карту в парковочный автомат, кинула чек за лобовое стекло — внутренняя дисциплина не позволяла Антонии увилить от гражданских обязанностей — и побежала к заведению Крейша.

«Праздничные вечера» — так оно звалось.

Хаос внутри — так оно выглядело.

Онемевшая от изумления — так застыла Арсан.

Аарон Крейш не только продавал приколы типа стриженной щетины для подсыпания в постель, но и сдавал напрокат маскарадные костюмы. В неопишемом беспорядке свисали платья принцесс и форма пожарных, фраки и римские тоги. Поодаль прилавков ломился под треуголками, складными цилиндрами и митрами. Прямо на полу коробки, набитые аксессуарами — копии автоматов вперемешку с палицами. Алебарда и епископский посох, прислоненные к стене, парики и накладные бороды, завалившие полки в веселом беспорядке.

И хозяин посреди неразберихи, несущий увесистый сверток на плече, точно ярмарочный силач. Приземистый, поседевший под грузом лет, но еще крепкий.

Но особенно Антонию потряс нос. Невыразимых очертаний, что-то среднее между украшениями Сирано и Рике-Хохолка. Внушительные крылья рельефно выгнуты чуть не до скул, заостренный крючковатый конец указующе направлен в грудную клетку. Ни дать ни взять носовая часть корабля.

«Сомнения излишни — передо мной жук-носорог, сильнейшее насекомое в мире. Он способен перенести груз, в восемьсот пятьдесят раз превышающий собственный вес. В пересчете на человеческие мерки шестьдесят пять тонн. Шнобель вроде рога и физическая мощь — облик Крейша заслуживает такого сравнения».

Жук-носорог положил тюк, утер лоб и двинулся к той, кого принял за клиентку.

— Здравствуйте, мадам, добро пожаловать в мир радости и шуток. Чего изволите? Костюм? Забавный сюрприз — повеселить друзей? У меня точно найдется то, что вы ищете.

Комиссар охладила его пыл, показав удостоверение.

— Комиссар Арсан. Ваш адрес дала мадам Марсо.

— Да-да... Знаю, она звонила...

По словам светлячка Крейш страдал нервным расстройством. Действительность превосходила ожидания: жук-носорог выглядел настоящим фанатиком.

— Так вы пришли по поводу клуба «421», обители дьявола?

— Да, и хотела бы...

Объяснить, чего хотела бы, Антония не успела.

— Черт побери, комиссар! Я испил чашу страдания до дна! Но в газетах пишут, что кара настигла наконец виновных. Аллилуйя! Предсказал пророк Исая грешникам: «В тот день поразит Господь мечом Своим тяжелым, и большим и крепким, левиафана и убьет чудовище морское».

Беседа пошла не тем путем, Антония попыталась вернуть ее в нужное русло:

— Речь идет об убийствах, мсье Крейш, я должна...

— Нет, комиссар, это не убийства — всего лишь справедливое возмездие. Сказано во Второзаконии: «Кто убьет животное, тот должен возместить ущерб, а того, кто убьет человека, следует предать смерти».

Удар кулаком по подушке-пердушке подтвердил речь хозяина лавки.

— Никакого прощения, велит нам Всевышний: «Если кто поранил ближнего своего, должно той же мерой отплатить! Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу».

Не зная, как образумить проповедника, Антония сыграла ва-банк:

— Мсье Крейш, данные указывают, что всех этих людей убил некий раввин, их ужасный конец...

— Раввины — праведники, жрецы, ибо говорится в Левите: «Сожжет ее священник: это всеожжение, жертва, благоухание, приятное Господу». Если один из них отомстил за Мириам, благословен будь он и прославлено имя его!

Комиссар признала свое поражение.

Аарон Крейш не чудаковатый тип...

— Яхве! Защити раба Твоего, исполняющего волю Твою!

...а безумец, запевший, качаясь, как на молитве.

Ни остановить его, ни воззвать к разуму.

Если кто и мог помочь, то маленькая раскрасневшаяся женщина в фартуке, прибежавшая в магазин на крики. Она бросилась к носорогу, схватила за плечи, встряхнула — как бармен шейкер.

— Аарон! Аарон! Успокойся, прошу тебя! Это я, Руфь!

— Руфь?

— Да, твоя жена.

— Руфь... Руфь... Конечно, красавица моя.

— Присядь, отдохни.

Крейш подчинился, плохо соображая.

— Вот так, хорошо... Не разговаривай, дыши, сейчас придешь в себя.

— Со мной все в порядке, не волнуйся.

— Может, выпьешь чаю?

— Не хочу пить... Мне гораздо лучше.

Руфь промокнула лоб мужа: пот стекал по лицу.

— Что стряслось, отчего ты в таком состоянии? Весь мокрый, будто из душа.

Крейш указал на Антонию трясущимся пальцем.

— Эта дама... Комиссар... Она говорила о пожаре...

— Только не это!

Не считая себя виноватой в припадке, Антония все же сочла нужным извиниться:

— Простите, не знала, что ваш муж так болезненно реагирует.

— Когда заводят речь о той драме — всегда.

— Искренне сожалею.

— Верю, мадам... как ваша фамилия, позвольте узнать?

— Комиссар Арсан. Я навожу справки о трагедии. Чистая формальность.

— Что ж, комиссар Арсан, какова бы ни была цель вашего визита, прошу никогда больше не приходите с расспросами о клубе «421». Нам слишком больно говорить о нем,

особенно моему мужу. Я могу надеяться?

Антония дала слово и попрощалась.

Но, толкая входную дверь, она заметила одеяние раввина. Полный комплект: шляпа, пояс, плащ — не упущена ни одна деталь.

«Клобук не делает монаха», — усмехнулась Арсан.

А припадки не делают человека сумасшедшим...

Жук-голиаф

Гутван возвращался домой, довольный прошедшим днем. Бернар, главный редактор, поздравил с успехом: после опубликования статьи продажи издания выросли вдвое... и вчетверо — угрозы. Телефон чуть не взорвался от звонков возмущенных читателей. Журналист осмелился подвергать критике депутатов, пусть и вскользь — настоящий позор! Коррупции в регионе нет, члены муниципалитета неподкупны! Возвысила голос и еврейская община — из-за раввина. Чего хотел добиться автор? Разжечь антисемитизм? В городе, где отрицание геноцида еврейского народа преподавалось в университете, достаточно малейшей искры, чтобы на представителей этой нации вновь началась охота.

Гутвану следовало вести себя осмотрительно со всеми недовольными: лишнее слово — и запахнет судом.

А Бернар заседал. Никаких поблажек церковникам, власть имущим, душителям народа! Гутван держал в руках ниточку — надо раскручивать дело до конца.

Вот что примечательно: ни Рефик, ни Вайнштейн не дали о себе знать. Молчание предвещало дьявольскую атаку. Камиль же не полный простофиля: господа готовили оружие. В ближайшие дни их адвокаты возьмутся за издание всерьез. И Бернар ожидал начала действий. Готовый дать отпор.

Сегодня Гутван работал допоздна. Не терпелось увидеть жену и детей. Малыши уже в постелях, но не заснут, пока папа не поцелует на ночь. И он летел по городу сломя голову, чтобы чмокнуть их в щечку.

Семья жила возле церкви Святого Георгия, в старом городе. Передвигаться на скутере журналиста вынудили средневековые улочки. Припарковаться здесь было не трудно — невозможно. Лишь изредка — в закутке, с большой вероятностью оказаться наглухо заблокированным.

Все, приехал. Гутван заглушил мотор «Веспы».

Окна дома журналиста выходили на крошечный садик. Пятикомнатную квартиру, унаследованную от родителей, от улицы отделял газон. Камиль распахнул калитку, завел внутрь мотороллер, и внезапно его осенила мысль, которую сам он счел гениальной. Откуда и каким путем идеи появлялись, он понятия не имел. Но эта заслуживала наивысшей оценки. Двадцать один по двадцатибалльной шкале.

«Я насолю Арсан как никогда — взовьется будто ошпаренная: в следующей статье проведу параллели с энтомологией. Обернуть против нее самой манию видеть в нас насекомых — вот это урок. Полицейские у меня предстанут шершнями, она — пауком или чем-то подобным. Только вот сперва надо самому просветиться: я здесь полный ноль. Приплету муравьев, тараканов, тучу другой мелкой гадости, это уж обязательно... Бернару

должно понравиться».

Увы, пока его скудные знания вопроса не распространялись на значительное насекомое — африканского голиафа. Тоже скарабей, но самый крупный и тяжелый в своем семействе. Живет в одиночку, владеет искусством маскировки, выбирается наружу лишь для того, чтобы удалить экскременты.

Увы, тот, кто прятался в тени, считал Гутвана навозом.

Увы, находился он там, чтобы стереть журналиста в порошок.

Увы, жертва не успела защитить себя: голиаф сшиб с ног.

Скутер повалился набок, только гроыхнул сминаемый металл.

Лишь этот звук и слышали соседи.

Гутван успел простонать один раз: каблуки чужих сапог размолотили горло. Удары ногами сыпались с неистовой скоростью. И, прежде чем закрылись глаза, он увидел сапоги — байкерские, красно-черные, тяжелые, как свинец, со стальными набойками. А еще силуэт нападавшего — здоровый, крепкий — наподобие бретонского шкафа [\[39\]](#). Вот только лица не разглядел.

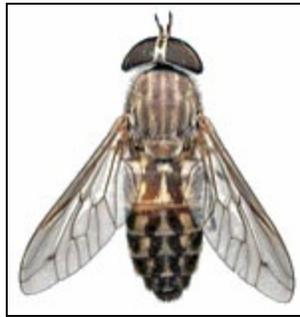
Голиаф продолжал избивать изо всех сил.

Так быстро, что самому было больно.

Наказывая.

Казня.

Слепни

— Я не хотел такого конца... Не хотел.

Романеф повторял, как заведенный, раздавленный тяжестью вины.

— Гутван не должен был умирать, Антония, это мой грех: ловушка оказалась для него роковой.

— Предвидеть такое невозможно, Роже, и ответственность не только ваша. В этой истории моего вклада — половина.

— Нет, вас привлек я.

Антония не стала возражать. В план коллеги она вписалась без раздумий. Но не отказываться же от преимущества перед судьей!

Утреннее солнце ласково согревало кабинет. Отец французской нации лучезарно сиял, защищенный стеклом портрета, глаза Жоржа светились с одной фотографии в рамке, Жак радостно улыбался с другой.

«Скажем «Прощай» Гутвану, он нашел, что искал. Я тоже не желала ему смерти — хотела лишь, чтобы убрался с глаз долой. Да и к тому ж — если бы я и призывала погибель на его голову, то мгновенную и безболезненную. Бедняга же мучился. Раскрытый череп, отбитая печень, оторвавшаяся селезенка. Будто прилавок первосортного ливера. Убийца не оставил ему ни малейшего шанса. Печальный итог. У Гутвана осталось двое маленьких детей. Беззаботный засранец! Он должен был подумать о них, а не строить из себя борца за справедливость».

Романеф прервал самокопание. Стряхнув сомнения, он резко выпрямился, решив найти доводы в свою защиту.

— Как считаете, почему мы дошли до такого, Антония?

— Хотите, чтобы я ответила тут же?

— Да, прямо сейчас.

Щекотливый вопрос. Арсан собралась с мыслями.

— Ну... Причин множество... Нехватка средств... Нехватка оборудования... Доверия... Слишком много писанины... Процедур... Приходится выкручиваться со всем этим — блефуем, изворачиваемся на ходу.

— Верно, Антония, но не только: прибавьте еще все более сложные инструкции, перегруженные органы правосудия и общественные организации, которые их душат, а еще политиков, высмеивающих разделение властей. Мы проводим больше времени, отбиваясь от нападков, чем изучая уголовные дела.

— Согласна, проблема носит глобальный характер.

— И вот поэтому мы заманили Гутвана в ловушку — чтобы надеть на него намордник. В деле с грузовиком никто из вышестоящих чинов не поддержал нас. Журналист писал что попало, нам приказали оставить его в покое, и под занавес мы же и получили по шапке. Скажите по совести, могли мы ему позволить продолжать в том же духе?

— Нет, бандит вроде Рефика, отпущенный на свободу — это перебор.

— Так вот, если Гутвана и убили, то виноваты не мы — система, не поддерживающая нас... И убийца, которого надо задержать, само собой.

Ни раскаяний, ни сожалений, ни возврата к вопросу о виновности. Самооправдание судьбы вполне устроило комиссара. Вот только в печальных проклятиях Роже она узрела брешь.

— Вы упускаете из виду журналистов — они нас терпеть не могут.

— Нет, Антония, не все такие, как Гутван. Уголовные хроникеры беспристрастны.

— Только гибель собрата вызовет их возмущение. И с этого дня они будут кружить у нас за спиной двадцать четыре часа в сутки — как слепни над коровами. Предрекаю болезненные укусы.

Романеф опустил голову, улыбаясь.

— Забавно, Антония.

— Почему? Считаете, я ошибаюсь?

— Вовсе нет, просто готовлюсь, что и меня наколете на булавку.

— Так что же вас забавляет?

— Ваша мания все сравнивать с миром насекомых. Можно узнать, откуда она появилась?

— От бедности...

Подражая миму, Арсан изобразила, как открывает шкатулку с дорогими сердцу сувенирами. Голос стал тихим, мечтательным, почти нежным.

— Я провела детство в маленькой деревушке. Денег у родителей было мало, все развлечение — телевизор. Но, к счастью, существовала школа. Моя страсть зародилась там.

— Как это?

— Благодаря кино... Каждый месяц нам крутили старую киноленту, не приключенческую, о нет — познавательного характера... которую мы бы не пропустили за все золото мира. Так я посмотрела «Господина Фабра» с Пьером Френе. Этот фильм и пробудил во мне интерес к насекомым.

— Э... Не помню, расскажите, о чем он.

— О жизни энтомолога Жана-Анри Фабра, основателя этологии.

— Ах да, спасибо, припоминаю. Так вот что послужило отправной точкой!

— Да, Фабр заразил меня. Этот достойный человек дал мне возможность интересно проводить время, не тратя ни сантима — просто охотясь на насекомых. Я приносила их домой во множестве, насаживала на булавки согласно семейству, описывала в общей тетради... — Новая пантомима — шкатулка закрывается. — С тех пор вирус меня не покидал.

— Что-то такое я и предполагал.

— Надеюсь, не проболтаетесь — теперь, когда узнали мой секрет.

— Клянусь.

Время не стояло на месте.

Убийцы тоже.

Романеф глянул на часы, удивляясь, что пробыл в кабинете комиссара так долго. Проведя целый час возле тела Гутвана, он почувствовал необходимость встретиться с ней и поговорить, утишить голос совести, оправдать свою «войну». На душе полегчало, жизнь брала свое, дела призывали.

— Возвращаясь к Гутвану — этот гражданин доставлял неприятности слишком многим, привязать его смерть к предыдущим будет непросто.

— Нет, Роже, не списывайте друзей Рефика и Вайнштейна. Мы скоро узнаем, кто убийца — они всегда совершают ошибку, в конце концов.

— Надеюсь, рек крови удастся избежать.

— Я тоже. Все, что могу сказать точно — до утра воскресенья сидеть наши подопечные будут смирно.

— Почему так думаете?

— Сегодня пятница, день молитвы для мусульман, шаббат для иудеев с заходом солнца.

— Если только эти люди уважают веру.

— Ну, за гарантиями не ко мне.

В дверь постучали. Повинуясь условному рефлексу, беседующие одернули костюмы, будто парочка, застигнутая за поцелуями.

— Войдите!

Исполняя приказание комиссара, в кабинет вошел Милош. Смутьившись, что прервал беседу на высшем уровне, он повернул было назад — из стратегических соображений.

— Простите, зайду позже.

— Останься, Милош, господин судья уже собирался уходить.

По установленным ими самими правилам отношения сообщников заканчивались в присутствии третьего лица. Никаких имен, судья тоже обратился к Арсан по званию:

— Верно, мне пора, комиссар. Всего хорошего.

Рукопожатие вместо поцелуев — так обыденно Романеф попрощался, поднявшись. Прежде чем он удалился, Антония представила Милоша. Мужчины быстро поздоровались, судья закрыл дверь, лейтенант остался наедине с женщиной, которой доверял меньше, чем кому-либо другому.

Положив на стол папку, он сел.

— Результаты поисков, патрон. Сведения о бывших членах ассоциации «421». Но не хватает кое-каких имен.

— У тебя не весь список?

— Нет, в личных делах черт ногу сломит.

Арсан открыла ящик, вынула три скрепленных листа.

— Держи, этот полный.

— Вам его передала Люси Марсо?

— Да, без проблем. Заполни пустоты. И собери сведения о мельчайших грешках, меня интересует даже протокол за нарушение правил парковки.

Милош проглядел строчки по диагонали.

— Вы получите результаты завтра, половину я уже сделал.

— Прекрасно. Про Марка Жуфлю выяснил?

— Так точно, опросил соседей. Никаких происшествий. Ни один не видел и четверти от половины раввина.

Антония разочарованно присвистнула:

— Что ж, расширим круг поисков. Завтра обойдешь кафешки с фотороботом. Прошерсти Ля Домб — кто-нибудь мог заметить подозреваемого в компании Жуфлю. А я продолжу рыть среди родственников жертв. Оставайся на связи, в воскресенье встретимся и подведем итоги.

Милош не двинулся с места.

— Что случилось? Были планы на выходные?

«Нет, патрон, план у меня один, и вам он не понравится: заставить сказать мне правду... О Боже, дай сил противостоять ей».

— Что такое? Проглотил язык?

Вместо ответа Милош вынул из бумажника клочок бумаги. Не говоря ни слова, подождал, пока комиссар прочтет нацарапанное. Антония не удивилась — знала, что там.

— Это названия медикаментов.

— Да, патрон — тех, что вы принимаете против рака.

— И очень эффективных. Рекомендую, если подцепишь опухоль.

— Не шутите, дело серьезное.

— Мой рак, буду смеяться, сколько захочу.

— Но сейчас не об этом.

— А о чем же?

— Ваше расследование — надувательство, пора прекратить ломать комедию. Что вы задумали? Кого хотите подловить?

«Неплохо для начала. Жак говорит: мозги у букашки в порядке».

— Откуда такие фантазии?

— От болезни, которую вы скрываете. Я навел справки: такие лекарства принимают на поздней стадии. Вы должны находиться в больнице.

— А я здесь и командую.

— Вот в этом я вас и обвиняю: хотите отомстить, прежде чем отвесить последний поклон.

«Мимо, букашка. Я не мщу — провожу генеральную уборку».

— Есть доказательства?

— Неверный подбор актеров в сериале. Камиль Гутван... Это же он тот журналюга, кого вы называли педиком, я знаю.

— И убила его тоже я?

— Нет. Но уверен, вы приложили руку. Думаю, будут и другие смерти, а я не хочу становиться сообщником.

«Так, теперь мы подходим к ультиматуму. Давай смелее, парень, ты уже близко».

— И что же ты мне посоветуешь?

— Уйти в отставку со всеми почестями.

— А если не соглашусь?

— Я все выложу генеральному контролеру. Мне намылят шею за то, что покрывал вас, но вряд ли очень сильно.

Напряжение чуть отпустило Милоша: не сдулся, держался в разговоре стойко. Теперь он молился лишь, чтобы Антония согласилась: сдавать ее совсем не улыбалось.

И потому он облегченно выдохнул, когда комиссар принялась что-то писать: капитуляция, история благополучно заканчивается!

— Это ваш рапорт с просьбой об отставке?

— Тсс... Подожди секундочку, останешься доволен.

Она черкнула несколько значков, потратив так мало времени, что Милош не поверил. Точнее, заподозрил обратное.

— Дарю, Милош, сохрани сию бумажку.

Он взял протянутый листок с нацарапанными каракулями.

— Что это за номер?

— Сотовый генерального контролера. Сможешь позвонить, когда захочешь. Для тебя он доступен семь дней в неделю, днем и ночью.

— Что?

Антония только взялась за дело. Открыла конверт, выудила несколько фотографий, бросила их на стол.

— Я же передам генеральному эти снимки. Вчера вечером нащелкала штук двадцать. Узнаешь себя? Надеюсь, да — я постаралась, чтобы ты хорошо получился.

Милош побледнел. На него обрушилось то, чего он больше всего опасался.

— Вы... Вы не имеете права... Это моя жизнь, личная...

— Да, подтверждаю, ты вправе быть членом секты.

— Это не секта, а религиозное движение!

— Из разряда «Нью-Эйдж» [\[40\]](#).

— Вы понятия не имеете, о чем говорите.

— Имею, Милош, и очень хорошее: каждый адепт должен подключиться к абсолютной «сознательной энергии». Вы верите в космического Христа, пророчества Малахии и проповедуете планетарный разум.

— Какое вам дело, если я в это и верю? Я нашел душевное равновесие в этих откровениях.

— А твой гуру ловит на них простофиль. Гляди, толстяк, которого ты обнимаешь. Не знаю, сколько ты ему отстегиваешь, но придет день, когда его делишки всплывут.

Блефует — Милош не сомневался. Она всегда лжет.

— Чушь какая-то! Что вы имеете против Мартена?

— Мартена? Ты его так называешь?

— Да.

— Хм, выходец с Сардинии, подозреваемый в причастности к тамошней мафии «Анонима Секвестри», приятель Мартен носит имя Луиджи.

— Луиджи?

— Veritiero, dalla sua nascita... [\[41\]](#) Его «церковь» нужна для спекуляций по-крупному, по крайней мере, он так полагает. Мы держим его под наблюдением несколько месяцев.

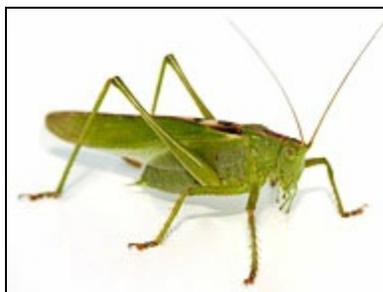
— Чудовищно, если так...

— Ты сам это сказал... Когда информатор донес, что ты посещаешь Луиджи, я велела ему помалкивать: мне на это плевать. Но теперь, вполне возможно, буду разговорчивей...

Обоюдное молчание, тикание часов...

— Лишиться места из-за принадлежности к секте — вот была бы нелепица, признай. С такой причиной увольнения тебя потом не приняли бы и в канализационную службу. — Арсан собрала фотографии, бросила их в ящик стола. — Ладно, довольно шуток. Подведем итог: жду тебя в десять в воскресенье. И к тому времени накопай на равнина серьезные улики.

Саранча

Вторая половина дня, прекрасная погода, солнце нагревало камни лионской мостовой. Тепло Рефику по вкусу. Само собой, с Анатолией не сравнить, но что значит небольшая нехватка градусов! Зато здесь он живет как принц, с размахом, которого никогда бы не достиг в Анталии.

Он только что вышел из мечети — никогда не пропускал пятничной молитвы.

Очистившись от всех грехов, совершенных за неделю, Рефик чувствовал себя легко.

Готов проглотить целого ягненка.

Готов любить Мини всю ночь напролет.

И это тоже было бы недоступно, живи он в Турции. Мини — атеистка, не верящая ни во что. По ее мнению, бог нужен тем, кто его выдумал — для обогащения. «Жизнь предназначена для сильных, — говорила она. — Естественный отбор — слабые должны подчиниться или погибнуть».

Дьяволица. У него на родине ее забили бы камнями.

Рефик оглядел улицу. Над крышами домов на фоне синееющего горизонта стержнем вверх целился «Карандаш». Прозванный так за форму небоскреб возвышался над городом всеми своими ста шестьюдесятью пятью этажами. Турку нравилась его архитектура. Дела шли неплохо, он подумывал снять в нем офис.

Затем перевел взгляд на противоположный тротуар.

Мини ждала его там, смоля окуроч. Рефик давно бросил мысль отвадить ее от этого греха. Вокруг крутились и пялили глаза десятки парней. Посмотреть было на что: Мини отличалась вызывающей красотой. Топ-модель, совершенное тело, которое она облачала исключительно в кожу. Никаких украшений — только серебряный трилистник, что-то вроде талисмана поверх куртки Perfecto. При виде амулета Турок всегда недоумевал: как могла верить в приметы она, отвергающая существование бога?

Рефик собрался переходить улицу. И застыл. Телохранитель Сулейман кивнул ему на джип, припаркованный на углу. Двигатель урчал, машина готова была сорваться с места.

За тонированными стеклами Сулейман разглядел троих мужчин. Решительно, автомобиль не вызывал доверия. Профессиональные убийцы похожи на саранчу. Не успел и глазом моргнуть, а она уже пожрала все. Не оставляя ничего живого на своем пути. Приглядишься получше — киллеры та же крылатая смерть.

Осторожность прежде всего. По мгновенному приказу охранника Мини и Рефик укрылись за машинами. Сулейману парочка доверяла полностью: силач, в прошлом герой национальной турецкой «масляной борьбы» [\[42\]](#). Стальные нервы, верное чутье.

Он тоже спрятался, расстегнул кобуру, взялся за ствол. Рефик последовал его примеру,

готовый дать отпор.

Джип медленно тронулся с места, покатил вниз по улице.

Рефик и Сулейман привыкли сражаться бок о бок. В словах нужды не было — лишь кивнули друг другу. Действовали слаженно: при первом же выстреле открыли бы огонь на поражение. Цель одного — шофер, другого — пассажиры.

Джип неспешно приближался.

Открылось заднее левое окно.

Сулейман вынул пистолет.

Из окна появилась рука.

Рефик выхватил оружие из кармана пиджака.

На мостовую упал грязный носовой платок.

И автомобиль скрылся, резко газанув.

Ложная тревога, «киллеры» оказались просто засранцами.

Турки распрямились, переводя дыхание. Рефик поднял большой палец, благодаря Сулеймана. Уж лучше паранойя, чем беспечность. Да и сам он тоже поверил, что последует нападение.

Теперь можно и перейти дорогу — облегченно, не тревожась о защите шкуры.

По привычке Сулейман снова оглядел улицу. Сверху катила еще какая-то тачка, вернее, ржавое корыто, такое убитое, что и марки не различишь. Никого, кроме водителя — старика, посасывающего маленькую сигару. Повода для беспокойства нет, охранник приблизился к Рефику и Мини, целовавшимся на краю тротуара.

Драндулет поравнялся с ними.

Резкое торможение, все окна открыты.

По приказу шофера распрямились два типа, сидевшие до того времени на полу согнувшись. Троица оказалась под прицелом автоматов. Сулейман узнал оружие — «Узи», скорость шестьсот выстрелов в минуту. А Рефику бросилось в глаза отрезанное правое ухо одного из нападавших. Заметить что-то другое он не успел. Как и попытаться спастись. Треск автоматных очередей слился с криками прохожих.

Облачко порохового дыма, падающие тела, вопли.

Десять секунд на все про все — и колымага испарилась.

Отовсюду сбежались свидетели. В ужасе возрились они на три трупа в луже крови.

Одна из погибших — молодая женщина, зажавшая в руке серебряный трилистник. С ремня ее свисал боевой нож.

Жук-писатель

Ненавижу музыку ночи — это всего лишь зловещий шум.

Но он мне необходим — осуществить замысленное. Подстерегаю, вслушиваюсь, стараюсь понять. Потрескивание говорит о чем-то приближении. Лай собаки — о том, что она меня учуяла, и через несколько минут я это использую. А пока шлифую детали моей западни.

Прежде чем пробьет полночь, я убью Жерара Мо. Он владеет виноградниками близ Макона. Не знаю, хорошо ли его вино — да и плевать мне с высокой колокольни. Знаю одно — он должен заплатить за свое преступление.

Владения его обширны, даже слишком — для одного человека. Живет он здесь затворником. Жена ушла, говорят, он ее поколачивал. Правильно сделала, не смотреть же на пьяное рыло, уж я его жалеть не буду! Отвратительная свинья, соседи обходят его стороной, никто и слова с ним сказать не хочет. На его похоронах в четверг не будет ни души — разве только черви.

23.14. Мне известно об объекте все. Сейчас он, надо думать, опрокидывает двадцатый по счету стакан. Каждый вечер одна и та же песня: накачивается алкоголем, чтобы уснуть, и отупело заваливается в постель, не раздеваясь.

Хроническое похмелье. Пьяница, кое-как обрабатывающий лозу — его и виноградарем не назовешь. Мо разоряет виноградники похлеще мучнистой росы, они заброшены, возделаны спустя рукава. Собратья точат на него зуб: вино в этих местах — не меньшая ценность, чем жизнь человека. Позор и несчастье тому, кто ею пренебрегает.

Мо причиняет вред собственным плантациям. Потому его близнец из мира насекомых — жук-писатель. Жесткокрылый листоед. Своими челюстями вредитель прогрызает в листовой пластинке дорожки, похожие на напечатанные строчки. Отсюда и язвительное прозвание прожорливой напасти.

«Писателем» голубчик наречен мной, а смерть его предсказана в моей настольной книге.

А вот чего он не знает, так это того, что наступит она нынче вечером.

Довольно ходить вокруг да около, пора к делу.

Ферма вредителя расположена близ Ля-Рош де Солютре, чуть в стороне от деревни. Три строения в форме буквы «П»: слева погреб, справа подсобные помещения, в глубине дом. В центре большой двор.

В одной из хозяйственных построек я его и покараю. Из лени Мо ни одну дверь не закрывает на ключ — будет он себе еще голову забивать. Здесь имеется все, что мне надо для казни.

23.15 — пора, вхожу в крайнюю дверь. Место знакомое, тут царит постоянный бардак. Нерадивый рабочий Мо сваливает инструмент, как бог на душу положит.

Осторожность не помешает, включаю фонарик — сюрпризы мне без надобности.

А они, черт возьми, налицо! С моего последнего визита кавардак стал еще хуже. Повсюду громоздятся тюки соломы, вдоль стен наставлены винные бочки, посреди помещения валяется тачка, на земляном полу — гора виноградных чубуков. Только бак с мазутом стоит на прежнем месте. Понятное дело, он неподъемный.

Я открываю кран — убедиться, полный ли. Все в порядке, Мо недавно налил его доверху.

Прекрасно, содержимое мне пригодится.

Еще как пригодится.

Последний взгляд на окружающую картину. План в изменении не нуждается, я схоронюсь за бочками. Чтобы нейтрализовать Мо, потребуется шаг, не больше.

Что ж, за дело, недопустимо заставляя ждать саму Смерть.

Первым делом включаю электричество. Щелк! Пыльная лампа освещает сарай. Свет хорошо виден со двора посреди ночи. Теперь дело за собакой. Мо держит ее на привязи у будки. Нелишняя предосторожность: псина способна броситься и на хозяина.

Действие второе — выхожу во двор. Пес замечает меня и приходит в ярость. Он даже не лает, а иступленно захлебывается. Какое счастье, что цепь прочная.

Шум пробивается к хозяину сквозь пьяное беспомыслие. Из дома раздается хриплый крик:

— Молчать, Аттила! Заткнись!

Аттила? Мо угадал с кличкой своего питбуля — тот заливается еще пуще.

— Что там такое? Увидел кого-нибудь? Лису? — Пауза. Потом до него, наконец, доходит, что цербер лишен дара речи. — Ну ладно, иду! Но если пустяки какие-нибудь, отдаешь кнута!

Славно, все течет, как задумано.

Третье действие — возвращаюсь в сарай. Ориентироваться в происходящем помогут ночные звуки. Скрип — Мо толкнул дверь. Через пять секунд он издаст вопль. Один, два, три, четыре...

— Черт побери! Что это за свет?

И вот действие четвертое — тревожное. Я принимаюсь стучать по баку.

Тук... Тук... Тук...

Аттила, подобно хозяину, охвачен беспокойством. Он уже не лает, а воет.

— Кто здесь? Вы кто? Я с вами разговариваю!

Я снова стучу, звук, должно быть, доводит Мо до безумия.

Тук...Тук... Тук!..

— Ну, хватит! Выходите или я сам вас найду!

Найдет сам — значит, не спустит собаку. Слишком опасно, животное с расстройством психики может разорвать и меня, и его самого.

Тук! Тук! Тук!!!

— Хорошо же! Сами напросились! Подстрелю, как кролика!

Дверь снова скрипит, Мо, должно быть, пошел снимать со стены ружье. Я получаю три минуты на завершение работы. Этого более чем достаточно для устройства западни.

Primo — кладу на землю книгу. Жук-писатель поневоле ее заметит. Наклонится

поднять. «Смерть в кредит». Сомневаюсь, чтобы имя Селина что-то ему сказало, но как знать? Возможно, жертва поймет послание: мне следовало убить его давным-давно, он и так получил от меня десять лет бонусом.

Secundo — устанавливаю маленькое зеркальце в соломенном тюке. Смогу увидеть в отражении действия Мо, не двигаясь с места.

Безупречно! Все готово для приема.

А теперь только спрятаться.

И вслушаться в то, что несет мне ночь...

Приближаются шаги. Вредитель уже рядом с сараем. Думаю, собирается ворваться с ружьем наперевес — видел такое по телевизору. Эту шаблонную сцену он мне и представляет:

— Руки вверх! Не шевелиться!

Пригнувшись за бочками, я наблюдаю за ним в зеркале. Мо бледен, растерян, лицо искажено. Внутри сарая никого! Он ничего не понимает.

— Что это за шуковина?

Заметил книгу. Смешной рефлекс — подталкивает ее стволом ружья. Что он думает? Что та взорвется? Повторяет маневр, затем, наполовину успокоенный, наклоняется поднять.

Согнувшись вдвое, он не может защищаться.

Это-то мне и нужно — внезапно появляюсь.

Мо разворачивается ко мне. Я наставляю пистолет, трижды стреляю, все происходит моментально.

Насекомое кричит, еле удержавшись на ногах. Ружье отлетает в мою сторону. Подбираю и отбрасываю его вглубь сарая.

А Аттила вновь заходится лаем: его взволновали звуки выстрелов. Но что значит по сравнению с мучениями хозяина беспокойство животного? Оно-то не ранено, а вот мсье зажимает правое плечо. Никаких предпочтений одной части тела — настала очередь левого.

Снова салютует оружие, снова крики, и это еще не конец! Последняя серия выстрелов — в ноги. Раненый валится наземь, проклинает меня, от опьянения и следа не осталось:

— Сволочь! Убийца!

Не отказывай себе ни в чем, старина, большего удовольствия ты и не мог бы мне доставить.

Направляюсь к нему, он думает, я его сейчас добыю.

— За меня отомстят, гадина! Это тебе так не пройдет!

Вдруг насекомое смолкает. Почему же я не делаю последний, милосердный выстрел? Нет нужды объяснять, оно и само поймет...

— Бак? Ты же не собираешься...

Да нет, как раз собираюсь. И даже откручиваю кран. Топливо течет на пол, пыль становится красной. Почти такой же, как и кровь Мо.

— Проклятие! Ты не в своем уме? Кто ты? Что я тебе сделал? — Звучат фразы, которых вполне можно было ожидать: — Не делай этого, у меня есть деньги... Они там, в спальне... Спрятаны на шкафу...

Я киваю, будто только этого указания мне и недоставало. Выхожу. Мо думает, что спас свою шкуру.

— Тебе нужна стремянка! Возьми в кухне!

На кой черт мне его бабки? Что меня заботит, так это псина. Аттила лает слишком

громко. Пусть деревня и далеко, вдруг кто услышит и придет на помощь соседу. А мне требуется время — опорожнить бак.

Собака чуть не обрывает цепь, видя, как я направляюсь к ней. Рвется, припадает к земле, пасть в пене. Я люблю животных, мухи — и той не обижу. Но не могу оставить тебя в живых, бедняга. Не злись, никто не пожелает взять после смерти хозяина дикого взбесившегося зверя. Я избавлю тебя от клетки... и усыпления в конце пути. Пусть все завершится сейчас. Так оно будет лучше.

Целюсь в голову, надеюсь, что пес постоит спокойно, не хочу, чтобы страдал. Он, похоже, понимает: не лает больше, ложится на землю...

Выстрел. Прощай, старина. Думаю, ты был чудесным щенком. Собаки — это то, что из них решили сотворить хозяева...

А твой владелец сейчас как раз гадает, что происходит. Изводится после звука выстрела. Такое испытывает, не могу понять, как вообще он способен еще кричать.

— Что там?! Что ты вытворяешь?

Сделанное сейчас не идет ни в какое сравнение с тем, что тебе еще предстоит. Топлива вылилось достаточно, можно приступать к последней фазе.

Мо потерял надежду на спасение. Понимает, что деньги остались на прежнем месте — слишком быстро я снова появляюсь в сарае.

— Проклятие! Проклятие! Проклятие!

Повторяет одно и то же слово. Довольно, не желаю больше слушать. Заклеиваю ему рот куском скотча.

Что там с вытекающим мазутом? Все в порядке, пол покрыт бурой жидкостью, через четверть часа будет совсем затоплен. Я беру ведро, зачерпываю. Мо ловит каждое мое движение. Думаю, понял, что будет дальше. Пытается отползти, избежать уготованной мной судьбы. Но какой в этом смысл? При каждом движении он страдает как проклятый. А я больше всего боюсь, что кто-нибудь заявится.

Поэтому спешу завершить казнь.

Опрокидываю содержимое ведра на тело насекомого.

И еще.

Снова и снова.

Вот, на приговоренном нет сухой нитки. Последний взгляд — удостовериться, что мазут добрался до тюков соломы. Все в порядке, они подмокли снизу. Бочки и виноградные лозы тоже.

Конец партии.

Пламя зажигалки.

Бросаю ее, огонь охватывает строение с немыслимой скоростью. Неожиданно быстро — бак с горючим взорвется скорее, чем ожидалось.

Жаль, что спектакль не удастся досмотреть, я беру ноги в руки.

Моя машина стоит возле фермы. Бежать неудобно — мешают сапоги. А уж воняют-то! И речи быть не может сесть в них за руль. Выброшу по дороге в какой-нибудь мусорный контейнер в городе. В конце концов, чего мне опасаться? И пусть полиция перероет все — их не обнаружат никогда...

Мучные клещи

Галстука на судье не было. Утро субботы — можно и не соблюдать дресс-код. Сегодня он явился на службу одетым в джемпер.

— Мадлен, вероятно, на вас дуется.

— Ужасно, Антония. Если бы она могла, обежала бы все магазинчики, чтобы себя вознаградить. Оставить ее одну в выходной день — такое мне обычно дорого обходится. Не перестая благодарить ее врача: не дает ей меня разорять.

Непринужденный обмен любезностями не скрывал напряжения в воздухе.

Кто же начнет неприятный разговор?

Первым выстрелил судья.

— На этот раз о насекомых речь заведу я: мы с вами — всего лишь мучные жучки.

Антонию задело, что собеседник позаимствовал ее сравнение... и она поспешила дополнить научную справку раньше него:

— *Acarus siro*, мучной клещ, из надотряда акариформных. Паукообразное, используемое для образования на сырах веле [\[43\]](#) корочки. Что у нас с ним общего?

— Размеры, Антония. Если не ошибаюсь, это мельчайшее творение Создателя.

— Нет, Роже, так думали до открытий Блеза Паскаля, но сейчас не об этом... Что вы хотите доказать свои сравнением?

— Что мы действовали как маленькие особи, меньше некуда. Думали, что держим ситуацию в руках, а она вышла из-под контроля... Мы облажались, Антония.

Слабость судьи ничуть не удивила — можно было предвидеть, что он падет духом.

— А по-моему, дела наши идут успешно. Конечно, не считая Гутвана — несчастный случай мы уже обсудили, не будем больше к нему возвращаться.

— Согласен с вашей оговоркой — вопрос о его гибели закрыт. Но встал новый: есть ли нам чем гордиться в деле убийства Рефика? Я желал видеть его на скамье подсудимых, а не в морге.

— А кто вам сказал, что погиб он по нашей вине?

Романеф устремил взгляд влево — верный знак, что ответ вызывал затруднения.

— Вот видите, Роже, сами не можете указать нашу ошибку... потому что ее нет.

— Докажите мне это...

Усталый голос, Антония даже уловила умоляющие нотки. Романеф не находил себе места. Если комиссар сумеет предложить оправдание, он готов согласиться — и спать спокойно.

— «Серые волки», Роже, мы совсем о них забыли.

— Что? Какое отношение имеют нацистские молодчики к заварившейся каше?

— Они и убили Рефика, уверена.

Такая версия событий приободрила судью, тот сразу пришел в себя.

— Vozkurtlar... Признаюсь, не подумал о них. Вы полицейский, комиссар, должны были предупредить меня, что они свирепствуют в регионе.

— Я сама не знала, господин судья, и вы забываете, что метили мы в Гутвана: собирались его высмеять.

— Несомненно... Не могу не согласиться.

— Прибавлю еще, что наш план вписывался в официальное следствие, цель которого — задержать раввина.

Верно — с этим не поспоришь. Романеф вновь стал любезным.

— Вы правы, Антония, «Серые волки» к нашему делу имели очень отдаленное отношение.

— К тому же в нашем расследовании все указывало на личную месть. Не на войну преступных кланов.

— И мое мнение осталось прежним — считаю, что действует одиночка. Тем не менее, в данной ситуации не могу объяснить себе причин нашего фиаско.

— Подумайте, Роже. Если все и пошло не так, как надо, виноват Гутван.

— Поясните вашу мысль...

— Упоминали ли вы Рефика, ведя беседы в Сети?

Романеф прокрутил в памяти изображения на мониторах, бегущие фразы, ответы собеседников в чатах...

— Нет, ни разу. Гиньоль говорил только о Вайнштейне — намеками.

— Значит, ни вы, ни я не виноваты в смерти Турка.

Словно пудовая тяжесть спала с души судьи. Антония права, имя Рефика никогда не всплывало в разговорах под прикрытием. Невиновен! Он невиновен — Турка прикончили совсем по другой причине. И с легким сердцем Романеф обратился к вредной привычке, порожденной служебными обязанностями — начал перебирать гипотезы.

— Почему «Серые волки» убрали одного из своих?

— Чуть поправлю, Роже: убрали одного из примыкающих к движению. Турок всегда оказывал им услуги в обмен на некоторую поддержку. Думаю, в их глазах Рефик был лишь сочувствующим или даже мафиозо без принципов и убеждений. И подтолкнул к расправе Гутван.

— Своей последней статьей?

— Так точно! После дела с грузовиком Турку пришлось пообещать не мелькать больше на первых полосах газет. Не повезло — Гутван сделал его героем дня. Рефик стал опасен, полиция слишком им заинтересовалась, он должен был исчезнуть.

— Если я верно понимаю, «Волкам» ни к чему огласка.

— Что и требуется доказать, Роже. И начинается совсем другое расследование...

Веские доводы. Все же Романеф, привыкший анализировать, попытался опровергнуть их... и не смог. На этом поле играла запрещенная группировка, в деле возникали совершенно неизвестные обстоятельства.

— Раз ни корсиканцы, ни Вайнштейн не виновны в смерти Рефика, кто же, по-вашему, прикончил Йозевича и Гутвана?

— Не могу дать точного ответа, господин судья — только мое мнение.

Весь внимание, судья слушал, как Антония предлагала самые невероятные версии... По

ее мнению, Йозевича прирезали те же «Серые волки»: его убийство — своего рода послание. Христианину не место в их рядах. К тому же не исключено, что у себя на родине серб участвовал в массовом уничтожении мусульман. Еще одна ошибка в пассиве баланса Рефика: он сам вырыл себе могилу, когда привлек на службу Йозевича. Что до Гутвана, вполне вероятен сценарий, когда за наказание взялся некто имевший на журналиста зуб. Возможно, тот, по кому проехали его статьи — пришедший в дикую ярость. Роковая ошибка привела к сведению счетов и преступлению.

Арсан множила доказательства, громоздила мотивы — укладывала их один за другим в фундамент своей теории.

А потом сменила направление: Жак напомнил ей о данном обещании. Чтобы сдержать его, нужно получить от судьи одобрение и оправдание — заранее.

— Как видите, господин судья, в этом расследовании сошлось несколько дел. И преступление раввина развязало последующую бойню.

— Да, цепная реакция... Если вы, конечно, не ошибаетесь.

— У меня веская причина не сомневаться: звонок осведомителя.

— Черт! Кто такой?

— Один человек — предоставляет нам информацию за материальное вознаграждение.

Романеф скривился: судья не может доверять словам агента. «Согласно статье 15-1 закона 95–73 платный информатор не является свидетелем», — напомнил он себе. Но при данных обстоятельствах интерес представляют любые сведения.

— Что сообщает?

— Идет возня среди обитателей уголовного дна. Я знаю этого типа, он никогда не сочиняет. По слухам, турки собираются шлепнуть Вайнштейна.

— Вот черт! За что?

— Отплатить за Рефика — думают, его рук дело. Преемник Турка должен показать своим бойцам, что он не робкого десятка... Пригрозить и «Серым волкам», хоть те и не возьмут на себя ответственность за расправу.

— Это ужасно. Необходимо предотвратить резню.

Антония возликовала: до индальгенции от судьи рукой подать. Солгать еще раз — и зеленая улица открыта.

— Поэтому-то я и собираюсь присматривать за Евреем. Мне тоже не хотелось бы, чтобы с ним что-нибудь стряслось... Что думаете на этот счет, господин судья?

Романеф ударил кулаком по столу.

— Что нельзя терять ни секунды! Подключите все средства, комиссар, желаю успеха.

Стафилины

Еще один.

Совсем без надобности.

Думер из региональной службы криминальной полиции Дижона чуть не лопался от злости. После трупа Бонелли на него свалился второй обугленный покойник. Без сомнения, сожженный заживо.

Сколько полицейский ни ломал голову, он не видел связи между двумя жертвами. Ничего общего: род занятий, место жительства, образ жизни.

Корсиканец был влиятельным мафиозо, творил зло на пространстве до границ департамента Ардеш. Мерзавец просто купался в деньгах.

Но Жерар Мо? Конечно, о нем шла дурная слава — хотя отвратительный характер не делал из него гангстера. Кроме того, убитый никогда не покидал свои виноградники, а еще был близок к разорению, и его изводили судебные приставы.

И тем не менее. Оба убиты одинаковым способом, с интервалом в шесть дней, в департаменте Сона-и-Луара, в двадцати километрах друг от друга. Странное совпадение.

Мозг готов взорваться. Думер наблюдал за ищейками из экспертной лаборатории, обнаружившими следы преступника: цепочка вела от фермы к уединенной дороге, а там криминалисты нашли отпечатки шин. По ним, возможно, удастся определить марку автомобиля. «Пока его найдем, — скрипнул зубами полицейский, — убийца может нанести новый удар».

Серия, которую продолжила смерть Мо, наводила на мысль о мщении безумца. Если бы на его счету не было Брибаля и Бернье-Тенона, Думер заключил бы, что Антония ошиблась. Эти убийства — действительно следствие войны преступных кланов? Версия вызывала серьезные сомнения и не без оснований.

Полицейский еще раз оглядел строение. Пепелище, остались лишь обугленные стены и крыша. Вряд ли можно надеяться на улики.

Подошел доктор Риаль. Останки Мо уже загрузили в машину «скорой помощи». Прежде чем отправить покойника в Дижон, медик провел осмотр и составил для начальника первые выводы.

— Добрый день, комиссар, могу поделиться кое-какими соображениями.

— Пусть они будут дельными, мне это просто необходимо.

Садовый гном так скривился, что надежда Думера испарилась.

— Только не говорите, что сценарий тот же, что в поезде.

— Увы, комиссар. Точно, точно, точно: пули в руках, пули в ногах. Правда, несколько больше, чем в случае Бонелли. Узнаю, сколько именно получил Мо, после вскрытия.

— Только этого не хватало...

— А еще приплюсуйте заклеенный скотчем рот.

— Ну вот, пошло-поехало...

— Что до причины смерти, то не очень удивлю вас, сказав: сожжен живым. Только в этот раз облит мазутом. От трупa так разит, что вонь распугала стафилинов.

— Кого?

— Стафилинов, комиссар. Это сапрофаги, обитающие рядом с человеческим жильем — мелкие насекомые, питающиеся падалью... Бедняга Мо. Могу лишь повторить слова отходной молитвы, как и над телом Бонелли... Ужасная агония. Мир праху его — без каламбура.

Думер счел высказывание неуместным. Но воздержался от замечаний: один из подчиненных рванулcя к нему, явно очень довольный.

— Чему так глупо радуетесь, Жану?

Молодой полицейский тряхнул головой, не утратив улыбки:

— У меня кое-что новенькое, патрон.

— А именно?

— Собака...

Жану потряс перед носом комиссара целлофановым пакетиком. С кусочком металла внутри.

— Похоже, пуля?

— Она и есть, патрон.

— Откуда?

— Извлек из головы пса. Чуток запачкался, жена будет браниться, но удалось вынуть.

— И из-за этой пули сияете, как именинник?

— Есть причины, патрон. Преступник, безусловно, застрелил собаку из того же оружия, что прикончило Мо.

— Хм... Это более чем возможно, дальше.

— Но есть одна заковыка: эта пуля калибра девять миллиметров. Пари держу, выпущена из «зиг-зауэра», видны маленькие царапины справа. Следовательно...

Подчиненный мог не продолжать, Думер ухватил мысль:

— Бонелли и Гарсию убили другим оружием.

— Именно, там была шестимиллиметровая «беретта».

Дело принимало неожиданный оборот. Почему убийца сменил марку пистолета? Думер похвалил парня и потянулся за сотовым.

— Кому звоните, шеф?

— Комиссару Арсан. Не мне же одному ломать себе голову...

Уховертки

Антония не находила себе места: звонок Думера привел в раздрай — и было отчего... Как объяснить убийство Мо подчиненным? Шесть миллиметров... девять миллиметров... Смена оружия — есть над чем призадуматься полицейским. Да еще и причина смерти: последняя жертва не имела ничего общего с драмой клуба «421».

Тем не менее, почерк раввина был налицо.

Какие же выводы последуют из новых данных?

Реакция коллег не заставит себя долго ждать.

В кабинетах БРБ стоял шум: распоряжения, телефонные звонки, стук по клавиатурам компьютеров. Бригада работала в полном составе — кроме офицеров, находящихся на выезде. Несмотря на выходной, весь экипаж на борту: мобилизация в связи с убийством Рефика. Дело прежде всего, служба превыше личной жизни полицейского.

Паскаль разговаривал с Одиль, выглядел он изможденным. Лавируя между подчиненными, Антония направилась к нему. Ни «спасибо», ни улыбки — вопрос в стиле «спрашивает шеф».

— Ну, Каршоз, есть новости?

— Да, патрон, я побил рекорд по количеству выпитого кофе: за три дня — литров пять.

С вечера среды спал едва ли шесть часов.

— Работа такая.

— Только после сорока веселишься по этому поводу все меньше.

Антония сухо положила конец его стенаниям:

— Сочувствую, Каршоз, но есть что-нибудь, кроме жалоб?

За майора ответила Одиль, с головой ушедшая в изучение папок досье:

— Касаемо Йозевича топчемся на месте. Проверка окружения результата не дала.

Опрашиваем, ищем, трясем дружков.

— Правильно делаете, продолжайте ими заниматься, кто-нибудь что-нибудь да знает...

А что насчет Гутвана?

Паскаль взял слово:

— Здесь нам повезло чуть больше. Соседи слышали, как от его дома отъехал мотоцикл.

— Сразу после нападения?

— Да, и показания стыкуются с отпечатками, обнаруженными в саду: следы от байкерских сапог — модель XPD высшего качества.

— А подобная обувь встречается часто?

— Так точно, шеф, у меня такие.

Антония хотела было пошутить насчет совпадения. И смолчала, памятуя о прежних стычках: Каршоз не оценил бы юмора.

— Похоже, пока о смерти Рефика говорить рано.

— Кое-что есть, — обнадежил Паскаль. — Вместе с ним убили парня по имени Сулейман Ирмак. Представить его резюме?

— Не сейчас, уверена, он имел прекраснейшее образование. Давайте о девице.

— Слушаюсь, музыку заказываете вы... — Майор глянул в записи. — Так-с, Мишель Навровски по прозвищу Мини, двадцать восемь лет, француженка, родилась в Крезе, чемпионка по магазинным кражам среди юниоров.

— Мелочевка.

— К ней затем прибавились достижения посерьезнее: ограбления торговцев, акты насилия, вымогательство под угрозой холодного оружия... Отсидела три года в Жу-ля-Виль. По выходу из каталажки мамзель обосновалась в Лионе. И здесь — любовь с первого взгляда! — Мини стала подружкой Рефика.

— Рыбак рыбака...

— Да, пословица к месту, Мишель Навровски была такой же ненормальной, как и Турок: тюремный врач считал, что у нее протекла крыша. Прочитать медицинское заключение?

— Не стоит, достаточно и вашего.

— Тогда идем дальше. Показания свидетелей совпадают, трое убийц стреляли из колымаги красного цвета, определить марку не удалось. Резко тормознули, вели огонь десять секунд и вмиг свалили. Сейчас пытаемся составить их фотороботы.

Одиль оторвалась от бумаг и добавила:

— Есть результаты баллистов, патрон: стреляли из пистолетов-пулеметов «узи» израильского производства.

Новость Антонии не понравилась. Связь с Израилем выводила Вайнштейна в лидер среди подозреваемых. Обещание комиссара во что бы то ни стало сохранить ему жизнь повисло на волоске. Уничтожить мысль о возможной причастности Еврея в зародыше!

— Израильская армия сняла «узи» с вооружения. Изготовлены миллионы экземпляров, ими торгуют на каждом углу.

— Что-то я не видел их в отделах моего супермаркета, — съязвил Паскаль.

— Вы не смеялись бы так, Каршоз, если глянули бы в Интернет. Там продаются все возможные средства убийства. Желаешь «глок», «зиг зауэр», винтовку? Достаточно набрать номер кредитки — доставят за сорок восемь часов.

Одиль и Паскаля передернуло. Увидев выражения их физиономий, Антония перевела дух — получила преимущество в разговоре. А теперь хорошо бы его укрепить.

— Что ж, обсудим все версии. Я только что из Дворца правосудия. Есть информация — ценней некуда. Встреча через пять минут у меня. Жду обоих.

— Почему не посоветоваться здесь?

— Потому, дорогой Каршоз, что со смертью Гутвана проблема утечки не исчезла. Его сменит другой любитель рыться в дерьме. Газетка продолжает выливать помои. Скажем так, я опасаясь лишних ушей.

Паскаль не ответил, не в том настроении он находился, чтобы возражать. В голове вновь всплыли слова генерального контролера. Должна ли смерть Гутвана положить конец его

угрозам? Майор надеялся на это всей душой.

Арсан покинула подчиненных, завернула в туалет, приняла там лекарства, возвратилась в кабинет. Не успела опуститься в кресло, как вошли Каршоз и его напарница. Молча присели, готовые ко всему — даже что сейчас наступит конец света.

— У меня плохие новости.

— Мы привыкли, патрон, таков наш удел.

— Знаю, Каршоз, но иногда это так достает... И так, раввин ночью снова нанес удар.

— Вот черт! Где?

— Возле Ла-Рош-де-Солютре, между Пуьи и Фюиссе. Жертва — Жерар Мо виноградарь.

— Убит тем же способом, что и другие?

Филигранные ответы Антонии — ни дать ни взять кружевница. Так что не возникнет ни одного неудобного вопроса.

— С точностью девяносто процентов — отклонение из-за смены оружия. На этот раз раввин использовал калибр девять миллиметров. Думер считает, как я: убийца, вероятно, избавился от «беретты». Возможно, почувствовал опасность.

— А это значит, что мы подошли близко.

— Хорошо бы так, Каршоз, скрестим пальцы на удачу. Таким образом, существенных изменений нет, почерк преступника тот же, абсолютно тот же.

Более реально глядящая на вещи Одиль захотела подробностей:

— А кто такой Жерар Мо, патрон? Он проходил по нашим базам данных?

— Нет, Анукян. Хотя известно, что судебные приставы ходили за ним по пятам. А еще — постарайтесь не упасть — парни Думера обнаружили тридцать тысяч евро наличными в его спальне, спрятанные на шкафу.

— Ух ты! Неплохо для человека на грани разорения.

— Впечатляет, согласна. Можем предположить, что убитого посещали плохие парни — например, корсиканцы... Думер сейчас разрабатывает эту версию. Мы на связи, результат скоро узнаем.

Сказала главное, искусно сгладив углы. Подчиненные поверили в одном, почему им не проглотить и все остальное?

— Идем далее... Утром меня принимал Романеф. Судья все больше укрепляется в мысли, что раввин — ключевая фигура этого грязного дела. А еще у него есть основания считать, что убийство Йозевича — дело того же исполнителя... нанятого Рефиком.

Паскаль ухмыльнулся — Одиль поняла, что он доволен выше крыши. «Взять убийцу серба и значит взять раввина», — заявил он на днях. Она думала иначе, но благоразумно воздержалась от высказывания своего мнения — исполнителей второстепенных ролей не спрашивают.

— И что рассказал судья?

— Следующее, Каршоз: необходимо охранять Вайнштейна. Информатор предупредил, что турки собираются его прикончить. Сегодня вечером.

— Хм... Если делать ставку на самого сердитого участника гонки, я бы выбрал сына Бонелли. С какой стати османцам убивать Вайнштейна?

— И это известно: отомстить за Рефика и серба. Они думают, что их смерть заказал Еврей.

— Чушь собачья, это же глупо!

— Будет полная катастрофа, если нападение на Вайнштейна удастся: мы думаем, что в деле раввина он играет главную роль.

— Причастен как минимум.

— Увидим попозже. Главное сейчас — сохранить ему жизнь. Романеф рассчитывает на нас... хочет видеть его живым и невредимым за решеткой.

Паскаль уступил в споре: если таково мнение судьи, ни к чему излишнее рвение.

— И поэтому, Каршоз, поручаю вам не выпускать Вайнштейна из виду. Анукян поможет. Возьмите себе двух надежных человек в помощь, парней, умеющих держать язык за зубами.

— Охотно, патрон, если укажете, куда идти.

— «Пальма Афулы» во втором округе. Еврей принимает там своих «друзей» по субботам. Ресторанчик возле синагоги.

— Заметано, засядем возле него, как кроты.

— Не нужно двусмысленных сравнений, Каршоз, мне больше по душе «как ухвертки».

Одиль скривилась — ухвертки вызывали у нее отвращение.

— Отвратительные насекомые.

— Вздор, Анукян, они безобидны — ночной образ жизни, очень полезны, их называют друзьями садовника. Знаете, что мне в них нравится? Они поедают своих вредоносных собратьев. наших маленьких «коллег» надо не давить, а оберегать.

— Но они же прогрызают барабанные перепонки людей.

Антония расхохоталась.

— Совершенный миф, возникший из их привычки лакомиться! Знаете, как называют половинки абрикосов?

— Понятия не имею.

— Ушки или уши! Ухвертки прогрызают их своими щипчиками и поедают самое вкусное... Нынче вечером вы будете вести себя как ухвертки: сохраните наиболее ценную часть нашего расследования... это жизнь Вайнштейна, конечно.

Урок природоведения окончен, комиссар взяла папку и встала.

— У меня важная встреча, я не могу ее отложить. Оставляю вам ключи, Каршоз, можете звонить мне на мобильный.

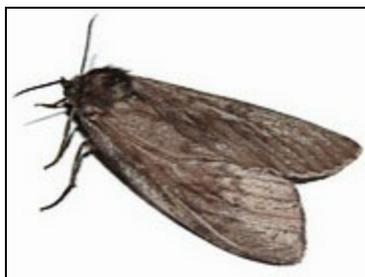
— Нет проблем, позвоню, если станет жарко.

— А я изучу записи Милоша, пока не было времени их посмотреть.

Услышав имя Милоша, майор изобразил, что дает себе оплеуху.

— Вот я идиот! Забыл сказать ему, что лаборатория прислала заключение. Волокна, которые Машек нашел возле поместья Бернье-Тенона, искусственного происхождения. Не везет ему — акрил...

Моль

Ресторан «Пальма Афулы». 23 часа 12 минут.

Помещение скромных размеров, стены выкрашены голубой краской, увешаны видами Иерусалима, на двери табличка «Нет свободных мест». А занимал все заведение только десяток посетителей.

Их стол ломился от праздничных яств. Тонкие картофельные оладьи латкес, вкуснейшая жареная лапша кугель, фаршированный карп, сочные говяжьи клопсы. И израильское вино галиль самого высшего качества.

Вайнштейн никогда не чувствовал себя лучше. Ветер удачи дул в его паруса. Чуть захмелев, он произносил тост за тостом.

— За Рефика! Пусть отправляется к дьяволу!

Проклятие подхватили десять голосов крепких мужчин с квадратными плечами. Вайнштейн с намеком чокнулся с одним из них — парнем без одного уха:

— И за твоё здоровье, Бернар! Храни тебя Всевышний.

Оба выпили красного вина за это благословение. До дна. Святотатствуя. Но Вайнштейну море было по колено, и он раскупорил новую бутылку.

— За Матье Бонелли! Мы не враждовали, ничего не имели друг против друга. Вот почему не знаю, что ему пожелать.

Такой недостаток воображения был отмечен разочарованным возгласом присутствующих.

— Тихо! Если у кого-то есть идея, покупаю! За приемлемую цену, я умею торговаться.

И наградой за шутку тут же прогремел раскатистый хохот.

— Но я скажу кое-что, — продолжил глава застолья. — Если бы Господь не призвал к себе Матье, мы никогда не обнаружили бы шелудивого пса, желавшего нашей гибели. У Рефика были острые зубы, он хотел проглотить корсиканцев, нас, заграбастать все доходы... Только конца такого не ожидал. Благодарю тебя, Матье. Твоя смерть указала нам, откуда грозит опасность.

В другом конце стола с места поднялся бритоголовый гигант в байкерской куртке, плотно облежавшей мощный торс.

— А что пожелаешь сербу, Даниэль?

Вайнштейн прижал палец к губам, хитро сощурился, делая вид, что доверяет собрату большой секрет:

— Тш-ш... На этого мне плевать, его подвел под монастырь длинный язык.

— Ну же, Даниэль, скажи хотя бы последнее слово.

— Хм... Если уж так настаиваешь... Желаю ему врат в аду искуснее, чем здесь. И

держаться подальше от Рефика! Турок не любит тех, кто ведет двойную игру. А Антон-таки в этом преуспел, правда?

— Конечно! Глупость мерзавца избавила нас от больших проблем.

— И ничего мне не стоила!

Новый взрыв смеха ознаменовал остроту. Оживленный — речь так и льется, на этой хорошей волне Вайнштейн решил наградить великана:

— погоди садиться, Самюэль, у меня для тебя подарок.

Голоса смолкли. Что задумал шеф?

— Благодаря тебе я чувствую себя лучше некуда. Сейчас поймешь почему. Я поднимаю бокал — да что там, целую бутылку! — и поминаю Камиля Гутвана. Самого большого антисемита со времен Геббельса! Пусть поразмыслит над своей писаниной там, где сейчас находится: руки прочь от наших раввинов! Смерть да послужит ему уроком! Замахнувшийся на мою веру столкнется со мной на узкой дорожке.

Никто не заплодировал при этих проникновенных словах. Все разделяли веру, убеждения и гнев говорившего. Эта крыса Гутван заслужил свой конец.

— Дорогой мой Самюэль, за услуги, оказанные сообществу, хочу подарить тебе это.

Вайнштейн нагнулся, достал какую-то коробку и подал ее великану.

— Обувь?

— Открой, сам увидишь.

Самюэль поблагодарил и среди общего смеха вынул ботинки из кожи крокодила.

— Можешь надеть, Самюэль, это твой размер.

— Они великолепны... Но почему вдруг вы их дарите?

— Потому что уже видеть не могу твоих чертовых сапог. Примерь-ка!

«При-мерь ско-рей! При-мерь ско-рей!» — скандирование разгоряченных вином сотоварищей заставило Самюэля подчиниться. Он снял сапоги и поставил их на стол.

Черно-красные XPD со стальными набойками.

Возле ресторана, в машине полицейских. 23 часа 23 минуты.

Паскаль гонял в голове невеселые мысли. У него ли одного на душе пасмурно — вот что хотел он знать.

— Могу задать тебе нескромный вопрос?

— Если про мою сексуальную жизнь, засуньте его себе... — огрызнулась Одиль.

— Вот ненормальная, когда я так делал?

— Бывает, и святой грешит. Ладно, спрашивайте.

В голове крутилось много вариантов вопроса, Паскаль выбрал самый прямой:

— Почему ты пошла служить в полицию?

— Такая красивая девушка, хотите вы сказать?

— Перестань, я серьезно.

— Ладно, отвечу, если вы сперва расскажете про себя.

Паскаль оглядел темную улицу, заметил кота, роющегося в мусорном баке.

— Что ж, это будет честно.

— Итак?

— Семейная традиция.

— Ваш отец был полицейским?

— Нет, офицером в дивизии горных стрелков. Дед по маминой линии служил на

таможне, по линии отца — в жандармерии. Я вырос в атмосфере уважения знамени, закона и долга защищать родину.

— Представляю себе уклад семьи, ваш жизненный путь был предопределен заранее.

— Как раз наоборот, девочка, родители видели меня преподавателем физкультуры. А я захотел стать полицейским.

— Почему?

— Тебе будет скучно: стремился защищать людей... Необъяснимый зов, неизбежное призвание... Глупый порыв, правда?

Одиль прервала его, заметно задетая:

— Не могу позволить вам так говорить, господин майор, меня охватило то же стремление — и я считаю его благородным.

— А! Тогда прости меня... А как ты пришла в полицию?

Одиль повернула к нему непроницаемое лицо.

— По убеждению. У меня армянские корни, мы знаем, что такое насилие.

Вспомнив историю расизма, Паскаль признал справедливость ее слов.

— Понимаю, твои предки пережили резню в 1915 году, в вас все еще не остыл гнев, должно быть.

— Не совсем так, командир, мы живем в настоящем, в стране, принявшей наш народ — на родине прав человека. И чтобы здесь не забывали высшие ценности, я и решила стать полицейским. Об эти ценности сейчас вытирают ноги — кроме вас, конечно, я вижу немало бед от страха перед не похожим на тебя человеком. А от страха до ненависти, от ненависти до холокоста рукой подать. Повторяю, мы знаем, что такое насилие.

— И ты пошла на службу, чтобы бороться против дураков?

— Нет, чтобы помочь им начать жить своим умом. Это не дураки, а трусы. Простых граждан втягивают в грязные интриги, иностранцы — разменная карта политиканов. Их паникерские крики разбудили зверя: по вине болтунов на всех углах только и разговоров, что о безопасности, как будто прежде о ней и не слыхивали.

— Я полностью разделяю твое мнение в этом вопросе. Но не вижу связи между службой в полиции и твоим крестовым походом.

Одиль прикрыла глаза, поверяя свои мысли:

— Люди, отвергаемые обществом — питательная среда для преступности. Преступность нужно искоренять, перестав выбрасывать людей за борт. В идеале, конечно. Я понимаю, что ее возможно лишь ограничить, но и это немало.

Идеалистические убеждения потрясли Паскаля — осмысленные, взвешенные, находящиеся от его собственных на расстоянии многих световых лет. И все же оба они были полицейскими на одном задании. Служивыми, с которых дерут семь шкур, застрявшими в машине на всю ночь.

— Задам тебе еще вопрос.

— Если того же сорта, что и первый...

— Что мы здесь делаем?

Одиль недоверчиво спросила себя, не шутит ли напарник.

— Ну как же, командир, охраняем Вайнштейна.

— Да-да, знаю, извращенца, недостойного ходить по свету.

— Так вы поддерживаете смертную казнь?

— Никак нет, категорически против... Хорошо бы сдох от какой-нибудь заразы...

— Уф, прямо от сердца отлегло... Но я прервала вас, что вы хотели сказать?

— Что куда лучше было бы, окажись мы дома. Вот уже двадцать лет я ночами слежу за всяким отребьем. Это начинает доставать.

— Нервный срыв?

— Нет, сорокалетний рубеж. — Майор натужно рассмеялся. — Ха-ха! Я тут раскидываю мозгами два часа и знаешь что? Покумекав, начинаю понимать Арсан. Она права, когда сравнивает людей с насекомыми.

— Видимо, есть причины для такого мнения?

— Железные, девочка... Жизнь не похожа на одежду, запасной не бывает. Понимаешь, мерзавцы, за которыми мы присматриваем, подобны моли: поедают то небольшое, чем мы прикрываемся.

Ресторан «Пальма Афулы». 23 часа 32 минуты.

Морис, хозяин заведения, убрал со стола. Нагруженный сверх меры, принес всевозможные вкусности. Одобрительными возгласами собравшиеся встречали выставившиеся деликатесы: сочные финиковые шарики, миндальное печенье, лепешки с корицей.

— Угощайтесь! И чтобы ни крошки не осталось!

Захмелевший Вайнштейн потребовал оvation в честь ресторатора.

— Троекратное «Ура» Морису, королю кошерной кухни!

И громы охотно исполнили просьбу. Морис пользовался всеобщей любовью, а еще умел держать язык за зубами.

— Король-то король, но какой ценой? Вот я — вдовец, недурная партия. Но гляньте-ка на мое брюхо, друзья. Какая женщина захочет такого толстого короля?

— Найдем, — заявил Самюэль. — Скажи, какие тебе нравятся, и доставим завтра же.

— Нет проблем, — подхватил Бернар. — Брюнетку, блондинку, рыжую — только выбирай, у нас полно товара.

— О, на масть плевать, лишь бы бережливая была. Не хочу расточительную, с первой женой хлебнул горя.

— Многого желаешь, — усмехнулся старик с маленькой сигарой в зубах.

— Да уж, это как с моей стряпней — пусть будет совершенной.

Новый взрыв смеха послужил одобрением шутке Мориса. И развеселившийся Вайнштейн хлопнул в ладоши:

— Заведи-ка нам музыку! Что за мрачная обстановка! Давайте проснемся, черт возьми!

Под громкие крики «Да!» толстяк-хозяин побежал к стойке, вынул из коробки диск и вставил в музыкальный центр.

Мелодия «Хава Нагилы» зазвучала из колонок.

И дюжина голосов подхватила и начала подпевать.

Снова и снова.

Гости пели, танцевали, выпивали, пока в глазах не начало троиться.

Выбросили из головы заботы и тревоги.

Возле ресторана, в машине полицейских. 23 часа 50 минут.

Двое молодых спортивных крепко сколоченных полицейских маялись выше по улице. Они должны были следить за «Пальмой Афулы», но бодрствовал только один. Его напарник

храпел, вымотанный тридцатью семью часами без сна. Спавшего звали Карно, дежурившего — Роллен. Последний позволил коллеге вздремнуть. Услуга за услугу: Карно тоже давал передышку приятелю, когда тот валился с ног.

Тандем ладил между собой лучше некуда.

Только в одном их привычки расходились: Роллен курил, а Карно не переваривал это пристрастие. Спящий не переносил табачный дым. И потому Роллен, желая подымить, отходил от машины, чтобы не беспокоить товарища.

Вот и сейчас он страстно желал затянуться. Конечно, ожидание, напряжение будоражили нервы, но дежурящий начал уже клевать носом. Скоро наступит полночь. Если бы турки собирались напасть, они бы уже это сделали. Ложная тревога, они не появятся. Так почему не позволить себе перекур? Карно спал на пассажирском сидении. Не стоит его будить. Роллен тихонько вышел из «рено», прикрыл дверь, стараясь не хлопнуть.

Первым делом он размял ноги. Совсем одеревенели за долгие часы слежки. Потом достал пачку недорогого табаку, папиросную бумагу и начал сворачивать самокрутку. Приходится экономить и в малом — сигареты стали бить по карману простому полицейскому.

Погрузившись с головой в процесс, Роллен не заметил, как появилась машина, за ней вторая, третья. А заставил его поднять глаза скрип тормозов. Но время было упущено: из автомобилей уже выходили вооруженные люди.

Роллен швырнул курительные принадлежности, кинулся к «рено», застучал в боковое окно, куда Карно прислонил голову.

— Просыпайся, ради всего святого! Приехали по душу Вайнштейна!

И, не дожидаясь ответа, бегом обогнул машину, впрыгнул, крутанул ключ зажигания, крича:

— Да разуй глаза! Мы в полной заднице!

— Что случилось? — протянул Карно спросонья.

— Не видишь, турки прикатили?

— Вот черт!

— Шевелись! Ставь маячок! Вызывай подкрепление! Я разверну машину поперек улицы, они не должны скрыться!

Сделать это он должен бы раньше.

Паскаль же выполнил маневр безошибочно и вовремя. Сотня метров отделяла его от «Пальмы Афулы». Майор начал движение, едва заметив вереницу автомобилей. За какие-то доли секунды машина полицейских оказалась в нескольких шагах от нападавших.

Выскакивая наружу, Одиль показала пальцем на одного из бандитов:

— Это не турки, командир!

— Что?

— Тот лысый тип, это же Тино Бонелли!

Внутри ресторана Вайнштейн тоже узнал корсиканца. И дымился от ярости:

— Как это — без оружия? Не говорите, что пришли с пустыми руками!

Бернар опустил голову.

— Моя пукалка в машине, я не беру ее в синагогу.

— Я тоже, — произнес старик с сигарой в зубах.

— Так у кого есть стволы?

Поднялось семь рук, но как жалкие пистолеты могли противостоять убойной силе

автоматов!

Морис спокойно вмешался:

— Без паники, у меня есть чем отбиться... Мой личный запас.

В этот-то момент корсиканцы и открыли огонь.

Стекла ресторана разлетелись вдребезги, оборонявшиеся бросились на пол. Кроме одного, прошитою очередью наискосок.

Первым убитым стал Самюэль.

Снаружи Роллен наконец поставил машину поперек улицы. Он выскочил из салона, пока Карно запрашивал помощь. Пригнувшийся к земле Роллен видел, как любопытные жители высовывались из окон. Среди них были даже дети. Вот куча идиотов! Их же вполне могли убить!

— Убирайтесь! Скорее! Здесь опасно!

И тут же последовало доказательство его слов: один корсиканец наставил оружие на молодого полицейского. Зевака из окна пятого этажа вовремя это заметил.

— Осторожно! — крикнул он, показывая на угрожавшего.

Роллен увернулся, далеко отскочив. Очередь лишь продырявила кузов автомобиля. Роллен считался асом на стрельбах в тире. Заслуженная репутация: он «снял» нападавшего одним выстрелом. Разогнулся, переводя дыхание, глянул на «рено». Оттуда донесся стон. Вне себя от тревоги, Роллен кинулся к машине. Шальная пуля зацепила Карно.

— Черт, что с тобой?

— Подарочек в плечо, больно-то как!

— Держись, старина, у тебя же ребенок.

— Не беспокойся, я о нем помню, хочу успеть поставить его на ноги.

Роллен схватил носовые платки и зажал рану.

— Брось, лучше свяжись с управлением.

— Заметано. Не отнимай повязку от раны.

Успокоиться. Выдохнуть. Не кричать. Снова став полицейским с холодной головой, он включил переговорное устройство в салоне:

— Говорит лейтенант Роллен, вы меня слышите?

— Так точно, лейтенант.

— Сообщаю о раненом офицере полиции, пришлите «скорую помощь».

— Несколько карет уже в пути.

— А подкрепление?

— Будет на месте через три минуты.

Одиль и Паскаль укрылись за машинами. Едва прозвучало стандартное «Полиция, бросьте оружие!», как на них обрушился град пуль. Полицейские принялись стрелять наобум, лишь бы чуть охладить напор атакующих.

Мобильный Каршоза завибрировал. На экране высветилось имя Роллена.

— Привет! Ты где, парень? Карно?! Вот дерьмо, надеюсь, рана несерьезная... А что с подмогой? Супер, не двигайтесь с места, продолжайте блокировать проезд с вашей стороны.

Дал отбой, улыбнулся Одиль:

— Все отлично, девочка, наши будут здесь меньше, чем за три минуты.

Обстрел усилился. Судя по плотности огня, люди Вайнштейна перешли к активным действиям.

— Неважный вечерок для ребят, — хмыкнула Одиль. — Корсиканцы не ожидали такого

приема.

— И не думали, что их заблокируют с двух сторон.

Нападавшие поняли — уйти не получится. Разве что удастся снести одно из заграждений. И с этой целью пригнувшаяся тень метнулась к полицейским. Убрать стражей порядка — и останется лишь сдвинуть их транспорт.

И свобода — там, в конце улицы...

Вдруг со стороны ресторана послышались автоматные очереди.

— Слышите, командир? Похоже, это «узи».

Немедленно последовал ответ корсиканцев.

— А вот островитяне используют изделия Хеклера и Коха. Я издали узнаю баварскую «музыку».

— Проклятие, да какой же сегодня будет урожай трупов?!

— Наплевать на них, девочка! У меня руки чешутся прочистить мозги одному недалекому судье. Хотелось бы, чтобы Романеф растолковал, что к чему. Где, скажи на милость, турки во всей этой заварухе?

Паскаль не заметил, как с тылу к нему подбиралась тень. Одиль стояла лицом к нападающему, и на то, чтобы предупредить напарника, у нее была лишь доля секунды:

— Ложитесь, командир!

Прогремел двойной выстрел. Быстрый как кошка, Каршоз перекатился и обернулся, чтобы открыть огонь. Но нужды в этом не было: на земле валялось тело.

— Бинго, девочка! Ты подстрелила старика Батиста!

Ресторан «Пальма Афулы». 23 часа 54 минуты 27 секунд.

Морис получил ранение в колено, у троих животы наспигованы свинцом, четверо отдали богу душу. Вайнштейн побледнел. Ситуация становилась неуправляемой. И надо было идти ва-банк.

Перед рестораном. 23 часа 54 минуты 32 секунды.

Тино прикинул итоги. Пятеро бездыханных на асфальте, двое выведены из строя, никаких вестей от Батиста. Нападавших оставалось лишь четверо. Сейчас или никогда.

Ресторан «Пальма Афулы». 23 часа 54 минуты 38 секунд.

Вайнштейн прислушался. Выстрелы не заглушали больше мотив, который он ненавидел больше всего на свете — пение сирен. Полицейских сирен. Судя по дружному хору, к ресторану спешили все фараоны города. «Что ж, — сказал он себе. — Пропадать, так с музыкой, покончим с этим раз и навсегда».

Перед рестораном. 23 часа 54 минуты 47 секунд.

Никакой надежды на спасение. Ни кровинки в лице Тино. Полицейские пикиалки приближались со всех сторон. Через несколько секунд придется сдаваться. Так и не смыв кровью оскорбление. Постыдный эпилог! Отец должен быть отомщен. Тино теперь — глава клана. И как глава клана он шагнул вперед.

На улице. 23 часа 54 минуты 52 секунды.

Вайнштейн вышел, держа в руке оружие. И молил Бога дать ему сил и отваги.

Тино двинулся навстречу Еврею. И молил Бога дать ему осуществить правосудие.
Оба испепеляли друг друга взглядом.
Их разделял десяток метров. Океан. Ненависть.
Улицу огласили звуки выстрелов, которыми обменялись враги.
И мостовая приняла в свои объятия еще два трупа.

С двух сторон улицы. 23 часа 55 минут.

Полицейские фургоны перекрыли все выходы. Армия вооруженных бойцов заполонила тротуары. К чему дальнейшее сопротивление? Уцелевшие в схватке подняли руки. Перед машиной Роллена и Карно тормознула «скорая помощь». Раненый потерял много крови, но врач, быстро оглядев, успокоил его: отделается только шрамом. «И заработаешь красивую медаль», — утешил Роллен.

Позади машины. 23 часа 58 минут.

Паскаль рыдал над телом Одиль. Одна из бабочек моли сделала свое дело, напарница погибла, защищая его. История повторилась, отвратительная и трагичная...

Однодневки

Как сумасшедшая она металась по квартире. Лючии ди Ламмермур [\[44\]](#) в ее смиренной рубашке далеко было до безумия Антонии Арсан — будто оглохшей от горечи, угрызений, чувства вины.

Взрывчатая смесь.

Неизлечимая боль.

«Что я наделала, Жак! Из-за меня погибла Одиль, и исправить ошибку я не могу. Искупить моей жизнью? Готова хоть сейчас! Но так мало мне осталось времени, что предложение было бы нечестным».

Ее преследовало мертвое лицо Одиль. Комиссар сама закрыла мешок, в котором тело увезли в Институт судебной медицины. Каршоз осыпал Арсан оскорблениями, она не защищалась.

«Я даже не сдержала обещание, данное тебе, дорогой мой. Как я ни старалась, Вайнштейн погиб. Пусть идет с Богом! Его бывшей жене осталось лишь жечь свечи в памяти о нем».

Антония бродила по комнате, наталкивалась на мебель.

«Старик Батист остался лежать на поле схватки. Он оплатил свой долг. Что ты говоришь, Жак? Каково мое мнение насчет смерти Тино? Что ж, я не сожалею о происшедшем. В ближайшем будущем парень совершил бы вдвое больше преступлений, чем отец. Это был настоящий психопат, Матье воспитал его для убийств. Конечно, я сочувствую Иоланде, но ведь она должна была направить его на путь истинный. Исполнивай она как следует свой материнский долг, сын был бы сейчас жив».

Пройдя возле секретера, Антония снова прочитала лежащее на нем медицинское заключение.

«Видишь этот клочок бумаги, дорогой? Подписан профессором Ключуа. Я встречалась с ним вчера во второй половине дня. Ключуа был категоричен: химиотерапия со следующей недели. Или конец через полгода. И никаких гарантий к тому же. Он укорил меня, что я и так слишком запоздала».

Скоро семь, а она так и не ложилась спать. Совсем нет сна. Антония остановилась перед клеткой Жоржа.

— Открою тебе секрет, малыш: человеческие существа подобны однодневкам [\[45\]](#).

Жорж требовал внимания и ласк, Антония взяла его в руки.

— Однодневки... А, ты же не знаешь. Это насекомые, проклятые природой. Сначала они находятся три года в стадии личинки. Затем вдруг расправляют крылья и взлетают. Их трагедия в скоротечности существования. Большая часть погибает прежде, чем взлетит. Оставшиеся живут всего несколько часов и едва успевают взглянуть на мир.

Вернула зверька на место.

— Мы похожи, дружище. Лишь появившись на свет, должны постигать правила жизни, ходить в школу, забивать голову наукой, выбирать профессию — не будучи даже подростком, сдавать экзамены и искать работу. Странно — тебе двадцать, а ты и не видел, как пролетело время. Говоришь себе, что передохнешь потом, будешь наслаждаться жизнью,

но нет: нужно вкалывать, чтобы питаться, одеваться, платить за жилье.

Боль скрутила живот. Антония подождала, пока она уйдет.

— Затем начинается служба — стресс, тревога потерять место. Бьешься, чтобы купить дом, оплачивать кредиты, счета, налоги, процентные ставки и идиотизм тех, за кого мы же и голосовали. Затягиваешь потуже пояс, говоря себе, что завтра жить станет полегче. Но это завтра не наступает никогда — или почти никогда. Между делом заводишь семью, детей — я не испытала такого счастья — и ужимаешься еще больше: пусть у них будет лучшая жизнь...

Жорж смотрел на нее, будто ожидая конца рассказа.

— Да, золотце, это наш период личинки. Взмываем вверх, только состарившись, после пенсии, которая наступает все позже и позже. И вся беда в том, что в этом возрасте уже далеко не улетишь... Я вот и не изведу полета: вхожу в число однодневок, что погибают, едва вылупившись.

Комиссар отошла от Жоржа, вновь побродила по квартире — уставшая, безнадежно встречающая угасание звезд и своей жизни.

За окнами сиял вечный Лион. Ночь все еще хотела удержать его в своей власти. Но тщетно. Город эпохи Просвещения светил всеми своими огнями.

Антония бесцельно походила — ни мыслей, ни желаний.

Досье, приготовленное Милошем, ожидало на низком столике. Не было времени его прочитать. Слишком много эмоций — будто разбитая.

Комиссар села, открыла папку, начала машинально листать.

Вчерашние новости! Содержимое страниц она уже знала.

И это тоже... Ничего нового.

И это... Много слов — мало толку.

То же самое — не относится к делу.

Но не это! О нет!

— Проклятие! И почему мне раньше не пришло в голову?

Глупый вопрос! Всегда ищешь то, чего не видишь.

Новость была так поразительна, что Арсан будто ожгло. Со вторника ответ был перед глазами, а она его не заметила.

— Робер Халими... Робер Халими! Я непроходимая дура!

Робер Халими и был ключом к разгадке.

Отбросив тревоги, угрызения совести, печали, Антония кинулась к главному. Последняя часть головоломки должна отыскаться, если Милош исполнил ее поручение: «Заполни пустоты. И собери сведения о мельчайших грешках, меня интересует даже протокол за нарушение правил парковки».

И она нашла ответ в копии протокола за превышение скорости, составленного в понедельник вечером на выезде из Ниццы.

Антония отправилась одеваться.

«Я сдержу обещание отбыть во всей красе, Жак. И задержу раввина. Теперь я знаю, кто это!»

Шмели

*Кто мне помощник верный?
Случай, нежданный случай...*

Над мостовыми Лиона выросло поле зонтов. Проливной дождь обрушился на улицы. Острую вершину небоскреба «Карандаш» потоком омывала вода, водосточные желоба затопило, собаки не решались высунуть нос — справить нужду.

Дождливое утро, горькое воскресенье.

В кабинетах бригады было тихо. Хотя весь личный состав находился на службе. Ни у кого душа не лежала к болтовне и шуткам: погибла Анусян.

Усталые лица, набрякшие веки. Сердце Милоша сжалось при виде печали коллег. Лишь только он вошел в отделение, смолкли редкие разговоры. Сослуживцы посматривали на него, ждали, что он сделает, скажет. Разочаровав их, Милош не произнес ни слова. Подошел к столу Одиль, склонился над опустевшим креслом и положил на кожаный подлокотник розу.

Присутствующие пристыженно глядели на него, одобряя его жест. Никто не признался бы, но все жалели, что не поступили так же.

Тронутый проникновенностью поступка, бывалый сослуживец по имени Аршамбо подошел к новичку.

— Хорошо сделал, парень, так и надо было.

Милош удивился сердечности коллеги: тот обычно смотрел на него сверху вниз.

— Мне нравилась Одиль. Через какое-то время мы, возможно, стали бы друзьями.

— Мы все любили ее, Милош, она была хорошей девушкой.

— Верно... А как Каршоз?

— Кто ж знает? Ни слова, ни звука — невозможно с ним связаться все утро. Надеюсь, он не наделал глупостей.

Милош кивнул, разделяя тревогу.

— Ладно, дождусь Арсан, она велела быть в десять.

— Отчет о выполненном задании?

— Он не займет и полминуты.

— А что должен был сделать?

— Обшарить Ля Домб. Арсан думала, что раввин может там скрываться. Мимо. Над

искать в другом месте.

— Уу, я знаю шефа, приготовь взамен что-то толковое, иначе мало не покажется.

— Я знаю, для этого пораньше и пришел.

— А есть у тебя, чем прикрыть яйца?

— Да, досье, что я передал ей в пятницу. Я пока не успел его прочитать. Может, мне повезет, и найду в нем что-то существенное.

Что изменить я не в силах?

Это судьба, судьба моя...

Антония постучала в боковую дверь, говоря себе, что еще слишком рано. Воскресенье, выходной, можно поспать подольше.

Но другого выхода, кроме как беспокоить спящих, у комиссара не было.

Дверь приоткрылась, в проеме показалась всклокоченная голова.

— Мадам Аррсан? Что случилось?

— Простите, Бернадетт, сожалею, что разбудила вас.

— Нет, я нежилась в постели, не сплю уже давно.

— Тем лучше, у меня к вам большая просьба.

— Да? — Бернадетт поняла, что близится что-то серьезное — предчувствие подсказывало. — Что стряслось? У вас неприятности?

— Нет, Бернадетт, но могут быть. Пообещайте мне одну вещь, если со мной что-то случится.

— Какую, мадам Аррсан?

— Позаботьтесь о Жорже, мне придется уехать в очень долгое путешествие. — Неловким жестом Антония протянула консьержке пачку денег. — Вот, хватит прокормить, пока ему не стукнет сто лет.

— Что вы, мадам Аррсан, это много, не надо, что вы...

— Возьмите, прошу.

Пчелка уступила настойчивости Антонии.

— Нет, это слишком много, мадам Аррсан... Я верну вам остаток, когда вы приедете.

— Оставьте, Бернадетт... Могу я положиться на вас насчет Жоржа?

— Конечно, я люблю эту крысу.

Внезапно пчелка поняла, что события развиваются слишком быстро и такая поспешность Антонии ненормальна.

— Мне страшно, мадам Аррсан, вы меня пугаете. Что я действительно могу сделать для вас?

Антония сжала ее в объятиях.

— То, что обычно делаете, Бернадетт: молитесь за меня.

Отпустила ее, поцеловала в обе щеки и вышла из парадного.

Ужасный дождь, ужасная погода, ужасный день.

«Метеосводка моей судьбы, Жак — промозглая до самого конца. Если судьба вообще существует. Но это обширная тема, обсудим ее попозже».

Пробежала до машины, уселась, включила зажигание, первую скорость.

Несколько минут спустя комиссар ехала в Божоле.

Как потушить пожарище?

Ярость бушует, ярость...

Милош уединился в зале для общих собраний, просматривая сведения, переданные Антонии. Сбор занял целый день, а изучить их содержимое времени не было. Но лейтенант добросовестно сделал копии всех бумаг.

В течение получаса он перебирал документы, как бросают из ладони в ладонь горячие каштаны.

Пальцы горели, листая страницы.

Внутренний голос говорил Милошу, что одна из них готовит ему неожиданное открытие.

Ничего примечательного он не нашел в списке, переданном мадам Марсо — лишь имена, адреса, профессии. И многие бывшие члены ассоциации уже покинули этот мир.

Ничего интересного и в копии судебного решения. К тому же лейтенант уже ознакомился с ним и не обнаружил, за что можно зацепиться.

Наконец наступила очередь рапортов отдела информации. Эта служба славилась тем, что из поля зрения не выпадало ни одно дело. А также люди, проходившие по нему. Эффективный сквозной контроль. И от того, что Милош обнаружил, холодок пробежал по спине. Репутация отдела информации была вполне заслуженной.

— Робер Халими! Вот черт!

Милош побледнел, впереди замаячила худшая часть драмы.

«Арсан, конечно, прочла этот рапорт, но ничего мне не сказала. А раз она не связалась со мной, значит... О нет, это слишком глупо с ее стороны!»

Лейтенант попытался позвонить комиссару. Тщетно. Еще несколько звонков — голос автоответчика вновь и вновь воспроизводил один и тот же текст.

Не теряя ни минуты, Машек метнулся в зал, где работали коллеги. Будто сумасшедший, выкрикнул:

— Кто-нибудь знает, где сейчас находится судья Романеф?

Ошарашенное молчание.

— Черт подери, я задал вопрос!

Чего новичок хлебнул, чтобы дойти до такого состояния? Один пожилой офицер, не отличающийся деликатностью, решил было его осадить, но Аршамбо оказался быстрее.

— До него тоже не дозвонишься. Не везет тебе, парень.

— Ладно, проехали. Мне нужен адрес Арсан.

— А мобильный на что?

— Толку-то, она не отвечает... Это срочно, я должен ее видеть.

Не колеблясь, Аршамбо схватил ручку.

— Держи, она живет в Круа-Русс.

— Спасибо.

— Помощь нужна?

— Не мне — ей.

Милош схватил клочок бумаги и выбежал. Он был уже далеко, когда старый грубиян решил съязвить в его адрес:

— Кем этот сопляк себя возомнил? Буффало Биллом?

— Кругом мимо, приятель, — ответил Аршамбо. — Ему не надо мнить — видишь,

человек в ярости.

Дождь. За рулем Милош боялся дождя.

Но времени пестовать свои страхи теперь у него не было. Впервые он мчался по городу с включенным маячком, уворачивался от машин, кричал на водителей, которые никуда не спешили. Пролетел на всей скорости по мостам, проскочил по улицам и резко затормозил перед домом Антонии.

Не зная кода подъезда, позвонил прямо в ее квартиру. Ответа, конечно, не получил. Нажал на кнопку с надписью «Привратник». Давнишняя табличка, профсоюзы все не спешили ее сменить.

Дверь приоткрыла обеспокоенная уроженка Антильских островов.

— Что желаете, мсье?

— Здравствуйте, мадам, лейтенант Машек, помощник комиссара Арсан. Не подскажете, где она?

Консьержка поколебалась:

— Вы точно работаете вместе с ней?

Милош показал удостоверение.

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что мадам уехала в путешествие. Вы не знали?

— Нет, когда?

— Примерно час назад...

Пусть же скорей наступит

Суд, справедливый суд...

Дождь лил, как никогда прежде.

Антония промокла насквозь, но меньше всего боялась подхватить простуду. Она вышла из машины, оглядела местность. Деревянный дом среди лугов. Чтобы подъехать поближе, пришлось проехать частной дорогой. На обочине стоял автомобиль. Прочитав номер, комиссар не удивилась: именно его и засек радар на выезде из Ниццы.

И Антония принялась ждать.

«Чего я жду, Жак? Раввина — скоро охота подойдет к концу. Нет, избавь меня от упреков, пусть довершит свое правосудие. А затем настанет время моего, законного, или хотя бы его подобия».

Над крышей показалось облачко дыма.

«Я была права, когда говорила тебе это. Мерзавцем меньше — работа раввина завершена. Что говоришь? Хочешь знать, кто такой наш мститель? Немного терпения, уже скоро это будет известно».

Комиссар ждала, не сомневаясь и не сходя с места. Раввин вернется на дорогу, где она пряталась — здесь ведь оставлена машина.

Дым стал гуще. Из окон показались языки пламени.

«Сейчас, дорогой, раввин не задержится».

Еще несколько минут.

Затем от дома отделился темный силуэт.

И Антония вышла вперед с оружием в руке. Человек в черном остановился.

— Добрый день, ребе! Все кончено, больше убивать некого.

Никакой реакции.

— Робер Халими — последний в вашем списке. Откуда мне это известно? О, догадалась я легко: он был управляющим клуба «421».

Ни слова в ответ.

— Зато я потратила немало времени, чтобы понять, что Халими стал отправной точкой вашей серии. Позвольте, расскажу?

Ледяное молчание.

— Выйдя из тюрьмы, Халими проживал в Марокко. Вернулся оттуда полгода назад и стал во главе нового клуба. Невыносимо, правда? Убив четверых, вы ознаменовали не десятилетие трагедии, а угасание правосудия — и заменили его своим. Да, возвращение Халими подействовало, будто пусковой механизм вашей ярости. Гнева, который вы вынашивали десять лет.

Лишь пожатие плечами.

— Да, я не ошиблась — четверых. Простите меня за пятого, Жерара Мо казнила я. Конечно, не следовало заимствовать вашу методику, но она показалась мне заманчивой. Теперь-то вы имеете право узнать, кто такой Мо — пьянчуга, убивший моего мужа.

Смутная улыбка за стеной ливня.

— Что до всего остального, то это такие пустяки. Я знала, что найду вас здесь рано утром в воскресенье. Халими по субботам работал всю ночь до рассвета. Думаю, возвращался домой еле живой. Его усталость, вероятно, облегчила вашу задачу.

Сколько мне жить осталось?

Пара шагов до истины...

Нескончаемый поток с неба, объехать пешеходов, посигналить тем, кто мешкает, а еще проклятые стеклоочистители, ничего не очищающие — Милош впервые плевал на помехи. Внутри него поселился совсем другой человек.

Сомнение. Колебание. Он не мог действовать без приказа.

Лейтенант остановился на обочине, открыл бумажник, вынул обрывок листка с телефоном генерального контролера. Набрал номер, услышал недовольный голос.

— Простите за беспокойство, мсье, это срочно. Лейтенант Машек, БРБ, мне нужно сказать вам что-то важное.

Человек на том конце кашлянул, прочистил горло:

— Слушаю.

— Когда все всплывет, я, возможно, буду иметь неприятности, но мне все равно. Мой звонок касается дела раввина. Думаю, что комиссар Арсан убьет себя через несколько минут.

Что опалило душу?

Горечь, горечь, горечь...

Раввин так и не двигался с места. Антония снова заговорила:

— Мы с вами похожи на шмелей. Это общественные насекомые: образуют семьи, защищают себе подобных, живут по правилам.

Стоящий напротив выдавил смешок, Антония не поняла почему.

— Я сравниваю нас со шмелями, потому что мы тоже всегда уважали закон. Не смейтесь, ребе, я знаю, кто вы... Как и я, вы верили в ценности, которые нам внушили.

Едва различимая улыбка как знак согласия.

— Но вот беда: все, во что мы верили, изменилось. Так решило общество, не спрося нас. На свалку законы отцов! В помойку человеческую справедливость! И к черту уважение нашего мнения! Мы и опомниться не успели, как никто нас больше не слушал. Слишком поздно — шмели больше не могли решать. Власть захватили клещи.

*Разве совсем не утрачена -
Есть ли надежда, надежда?*

Милош несся скользкой дорогой по склонам Божоле, рискуя улететь в ров на каждом крутом вираже. Мчался как безумный: одна рука на руле, другая прижимает в уху мобильный:

— Да, господин генеральный контролер, приближаюсь к дому. Надеюсь, еще не поздно. Резкое торможение — показался дым.

— Думаю, я уже близко, вижу пламя.

Антония наставила свой «зиг зауэр» на равнина.

— Что ж, в данных обстоятельствах нам остается только одно, правда?

Кивок головой.

— Счастлива, что вы разделяете мое мнение. Доставайте вашу «беретту».

Два пистолета. Два измученных человека. И нескончаемый дождь.

— Логика шмелей требует свершить правосудие по их собственным законам. А иначе мы солгали бы себе. Так покончим с нашим делом по нашим правилам.

*Начат отсчет последний,
Это конец, конец...*

Огонь поднимался все выше.

— Я почти на месте, мсье, вот дорога к дому Халими.

Милош рывком свернул влево на полном ходу, не заботясь о правилах движения. Чуть не врезался в ель, выровнял машину в последний миг и снова набрал скорость.

Обмер, услышав двойной выстрел.

— Стреляли дважды, мсье! Да, я уже здесь, сейчас доложу, что вижу.

Дорога, ведущая к лугу.

Посреди него горящий дом.

Лейтенант затормозил, не глуша мотор.

Выскочил из машины, будто безумный.

Ливень обрушился, промочив до самого нутра.

И сквозь стену дождя он увидел...

— Похоже, я опоздал, мсье, там два тела на траве... Арсан? Конечно, сейчас проверю...

Он подбежал к телу Антонии, склонился, пощупал пульс — и чуть не заплакал, как ребенок.

— Все кончено, мертва... Но ее не убили: она покончила с собой. Пустила пулю в

висок.

Немота. Глухота. Еще один вопрос.

— Раввин? Да, сейчас скажу, кто это.

Несколько стремительных шагов ко второму телу. Такая же добровольная смерть, судя по положению пистолета.

Отлетевшая шляпа.

Упавшие очки.

Пряди светлых волос из-под парика. Отклеившаяся борода.

Ватные шарики, торчащие из ноздрей.

Милош поднял телефон к уху:

— Люси Марсо, мсье...

notes

[1] Британский живописец, мастер романтического пейзажа, акварелист и гравёр, предтеча французских импрессионистов.

[2] Видный французский юрист, сенатор от социалистической партии 77-летний Робер Бадинтер в годы президентства Франсуа Миттерана был министром юстиции, выдвинувшим законопроект об отмене высшей меры наказания. Этот проект был утвержден в 1981 году парламентом, несмотря на то, что против него тогда выступали две трети французов. Профессор Робер Бадинтер, который на протяжении многих лет возглавлял Конституционный совет Франции, продолжает вести активную борьбу за отмену высшей меры наказания во всех странах.

[3] Божоле — местность в регионе Бургундия, известная в первую очередь праздниками молодого вина «Божоле нуво». Это виноградный рай в долине Соны, место производства вин Бруйи, Моргон, Шена, Божоле.

[4] В романе «Клошмерль» (1934) Шевалье Габриэль создает картины строго сатирического накала, главной мишенью которой является французский буржуа 20-х годов и католическая церковь. События происходят в маленьком французском провинциальном городке Клошмерль в начале XX века. Основные занятия жителей сплетни, интриги, выпивка и секс. В экранизации романа главную роль сыграл знаменитый комик Фернандель.

[5] Жорж Брассенс — великий французский поэт, музыкант и шансонье, только при жизни было продано двадцать миллионов его пластинок.

[6] СОЛИЛОГ — разговор с самим собою, монолог.

[7] Тони «Сент-Этьенец» — знаменитый гангстер, просидевший в тюрьме пять лет и решивший завязать после ограбления ювелирного магазина в самом центре Парижа. Он стал символом ушедшей эпохи преступников с правилами — ни оружия, ни крови, ни предательства, но сам был предан бывшей любовницей и погиб.

[8] Сен-Сир-о-Мон-д'Ор — место, где находится Высшая школа Национальной полиции, обеспечивающая первоначальную и непрерывную подготовку комиссаров полиции, престижное учебное заведение с давними традициями.

[9] Тино Росси, урождённый Константен Росси (29 апреля 1907, Аяччо — 26 сентября 1983, Нёйи-сюр-Сен) — французский певец и актёр корсиканского происхождения; единственный эстрадный артист во Франции, продажа дисков которого превысила 500 млн.

экземпляров. Это второй самый известный уроженец Корсики в мире после Наполеона Бонапарта.

[10] Луи Мажорель — один из выдающихся французских дизайнеров мебели в стиле модерн.

[11] Артуро Тосканини (Arturo Toscanini; 25 марта 1867, Парма — 16 января 1957, Ривердейл, Нью-Йорк) — знаменитый итальянский дирижёр.

[12] Валентин Бескостный (Valentin le Desosse, наст. имя Жюль Этьен Эдм Реноден) — французский танцовщик канкана. Работал в парижском кабаре Мулен Руж, будучи партнером знаменитой Ла Гулю. Валентин Бескостный был высоким и худым. Прозвище «Бескостный» было обусловлено особенностями его телосложения: Реноден, страдавший синдромом Элерса — Данлоса, мог выполнять изящные гибкие движения так, как будто не имел костей. Зарабатывая на жизнь виноторговлей, Валентин отказывался принимать плату за выступления в Мулен Руж, делая это исключительно ради удовольствия. Кроме того, отличительной чертой танцовщика был длинный черный цилиндр.

[13] Санкюлоты — (sans-culottes) — название революционно настроенных бедных людей в Париже во время Великой Французской революции. Слово происходит от выражения sans culotte, то есть «без кюлот»: в XVIII веке мужчины из богатых сословий носили кюлоты (короткие обтягивающие штаны чуть ниже колен) с чулками, а бедняки и ремесленники носили длинные брюки.

[14] «Парижские тайны» — знаменитый авантюрный роман Эжена Сю, впервые опубликованный в газете "Журналь де Деба", где печатался с продолжением более года. Роман стал самым выдающимся произведением писателя, неоднократно экранизировался, наиболее известен фильм Андре Юнебеля, главную роль в котором играет Жан Маре.

[15] По устоявшейся традиции устрицами лакомятся с сентября по апрель — в месяцы, содержащие в названии букву «р». Всем известная история про букву «р» появилась в 1771 году. Устриц в то время не разводили, а собирательство резко уменьшило популяцию моллюсков. Тогда Людовик XV подписал указ о регламентации рыболовства и запретил продавать устриц в период, когда они выметывают икру. Но спрос на устриц продолжал расти, поэтому к середине XIX века их научились разводить. Количество моллюсков значительно увеличилось, указ потерял смысл и был отменен в 80-е годы XIX века.

[16] «Серые волки» (Bozkurtcular) — турецкая молодёжная организация ультраправых националистов.

[17] Круа-Русс — квартал на одном из склонов Лиона.

[18] Нейролингвистическое программирование (НЛП) — современное направление психотерапии. Базисные постулаты НЛП можно сформулировать следующим образом:

— Человеческий организм, мозг подобны компьютеру, имеющему набор программ. Помимо генетического программирования, формирование «программ» стереотипов поведения и жизнедеятельности в целом осуществляется путем закрепления внушений значимых лиц, самопрограммирования и стрессовых переживаний, сопровождающихся трансовыми состояниями сознания.

— Большая часть «программы» не осознается и не предьявляется в речи, но отражена в глубинных речевых структурах. Важную информацию «программы» подготовленный наблюдатель может считывать, задавая целенаправленно сформулированные вопросы и ориентируясь на специфические (формальные) языковые структуры и индивидуальные невербальные проявления в ответе человека.

[19] Рабочие шелкоткацких мануфактур, поднявшие одно из первых организованных выступлений рабочего класса.

[20] Известный французский журналист, репортер, писатель, автор диалогов. Кроме фильма "Призрак", в его творческом багаже работа над фильмами "Фанфан-тюльпан", "Дьявол и его десять заповедей".

[21] «Королевский Кир» — коктейль, содержащий черносмородиновый ликер "Кассис" и шампанское. Есть и более демократичный вариант — вместо шампанского наливается приличное белое вино.

[22] Классический французский обед состоит из следующего меню: Аперитив • Суп • Закуски • Блюдо после закуски • Главное блюдо • Жареное блюдо • Легкое блюдо • Десерт • Сыр • Кофе.

[23] Справочники «Даллоз» названы в честь Виктора Алексиса Дезире Даллоза французского адвоката и политического деятеля (1796–1869). В юридической литературе известен многотомным изданием (с 1824) "Repertoire de jurisprudence", который носит его имя.

[24] К северо-востоку от Лиона, между Брессом, горами Ревермон, реками Эном и Соной лежит невысокое плато Ля Домб, "страна тысячи прудов", крупнейший поставщик прудовой рыбы по всей стране. Пруды составляют отличительную черту домбского пейзажа, красота которого привлекает фотографов, художников и путешественников, предпочитающих не затоптанные массовым туризмом места.

[25] Мертвая голова — бабочка-бражник, лучший летун среди чешуекрылых, скорость развивает до 50 км/час. На туловище имеется рисунок, напоминающий череп. Будучи потревоженным, бражник издаёт пронзительный писк. Как именно бабочка производит этот звук, долгое время оставалось загадкой. Лишь в 1920 году Хейнрих Прелл обнаружил, что данный звук возникает, когда бражник засасывает воздух в глотку и продавливает его обратно. Гусеница также может издавать звук, но трением челюстей. С мрачным рисунком в виде черепа на её спинке связано немало легенд — по поверью, эта бабочка была предвестником несчастий, смерти, войн и эпидемий. В Иль-де-Франс до сих пор верят, что чешуйка с крыльев этой бабочки, попав в глаз, причиняет слепоту и возможную скорую гибель. Определённую роль играет бражник мёртвая голова в фильме «Молчание ягнят», снятом по мотивам одноимённого романа Т. Харриса. Мимо образа этой бабочки не прошли писатели, в том числе и великий американский писатель Эдгар По. Прекрасная и жутковатая бабочка описана им в рассказе «Сфинкс». Вымышленный гигантский вид этой бабочки также упоминается в фантастическом рассказе Александра Беляева «Мёртвая голова».

[26] Гиньоль (Guignol) — кукла ярмарочного театра перчаточного типа, появившаяся в Лионе в конце XVIII-начале XIX века. Этим же термином обозначают соответствующий жанр театрального искусства. Гиньоль являлся символом лионских традиций, что отражалось в языке спектаклей, использовавшем местные выражения. Создатель куклы — Лоран Мурге, выходец из семьи рабочих лионских шелковых мануфактур. Потеряв работу после Французской революции, сначала он стал ярмарочным торговцем, а затем зубодёром. Чтобы привлечь клиентов и заглушить стоны своих пациентов, он развлекал толпу куклами. Спектакли представляли собой импровизации, созданные из ежедневных местных новостей под настроение кукловода и были чем-то вроде газеты, в которой Мурге сатирически защищал обижаемых властями обывателей. «Гран-Гиньоль» — парижский театр ужасов, его имя стало нарицательным обозначением «вульгарно-аморального пиршества для глаз».

Авторы гиньольных пьес-скетчей азартно использовали грубую бытовую лексику, выводили на сцену представителей социальных низов, девиантов, проституток и криминальных типов, потрясли зрителя количеством проливаемой крови.

[27] Треву — бывшая столица княжества Ля Домб. Сейчас население составляет около семи тысяч человек.

[28] Vespa (итал. Vespa — оса, шершень) — культовый итальянский мотороллер. Производится концерном Piaggio с апреля 1946 года до сих пор. Является родоначальником европейской конструкторской школы мотороллеров и первым успешным скутером в мире.

[29] Чезаре Беккариа Бонесано — итальянский мыслитель, публицист, правовед и общественный деятель, выдающийся деятель Просвещения. Получил всемирную известность благодаря своему основному труду — трактату «О преступлениях и наказаниях». В своем сочинении Беккариа подверг резкой критике феодальный инквизиционный процесс и особенно пытки как неотъемлемый атрибут последнего. Трактат существенно повлиял на умы общественности и государственных деятелей того времени, что способствовало проведению первых либеральных реформ правосудия и уголовного права в просвещенных монархиях Австрии, Пруссии, Швеции (отмена пыток, сокращение применения смертной казни, утверждение принципа законности). Идеи Беккарии легли в основу первого современного уголовного кодекса, который был издан в Тоскане великим герцогом Леопольдом. В частности, в нём впервые в Европе была полностью упразднена смертная казнь. В России идеи Беккариа пыталась реализовать Екатерина II, которая даже приглашала его приехать в страну для участия в составлении нового Уложения законов (поездка не состоялась).

[30] "Превращение мокриц" — итало-французская криминальная комедия с Шарлем Азнавуром и Лино Вентурой в главных ролях.

[31] Жвалы, или мандибулы — верхние (парные) челюсти ротового аппарата членистоногих.

[32] Эдуар Эррио — государственный и политический деятель, писатель, историк, публицист, академик. Родился в офицерской семье, имевшей крестьянские корни. В 1905 избирается мэром Лиона, и остаётся им бессменно до самой смерти, за исключением времени, когда Франция была оккупирована немцами. Трижды возглавлял правительство и был премьер-министром. После оккупации Франции немецкими войсками отклонил предложение Лавала возглавить марионеточное правительство, был выдан вишистами немцам и отправлен в Германию. Освобождён Советской Армией в 1945 году. Всю свою жизнь Эдуар Эррио был другом СССР, выступал за дружбу с Советским Союзом сотрудничал в Обществе франко-советской дружбы.

[33] В единстве — сила (*итал.*)

[34] Дружба — священное дело, сынок (*итал.*)

[35] «Мелаве Малка» — последняя трапеза Субботы, происходящая, собственно, уже в будни. Этой дополнительной трапезой продлевают расставание с царицей-Субботой, показывая, как дорога она сынам Израиля, на ней принято петь традиционные грустные песнопения о расставании с Субботой.

[36] Пьета (от итал. *pieta* — милосердие) — в изобразительном искусстве сцена оплакивания Христа богородицею.

[37] Хамса — защитный амулет в форме ладони, которым пользуются евреи и арабы. Другое название — «рука бога». Слово «хамса» имеет семитские корни и значит «пять». Как

правило, хамса бывает симметричной, с большими пальцами с двух сторон, а не копирует анатомическую форму ладони. Хотя её широко используют и иудеи, и мусульмане, она существовала ещё до возникновения этих религий и была связана с богиней Танит, лунной богиней финикийцев, покровительницей города Карфаген.

[38] Ла Рамбла — пешеходная улица в центре Барселоны протяженностью 1, 2 км. Ла Рамбла фактически состоит из 5 отдельных бульваров, переходящих друг в друга: Рамбла Каналетес, Рамбла Учения, Рамбла Цветов, Рамбла Капуцинов и Рамбла св. Моники. Здесь каждый день царит необыкновенная атмосфера, а Ла Рамбла давно превратилась в своеобразное шоу, демонстрирующее каталонцев во всей красе.

[39] Основное отличие бретонского стиля — массивность и добротность в сочетании с богатым резным декором. В декоре бретонского стиля четко прослеживаются кельтские орнаменты (разнообразные витые и зигзагообразные узоры, спирали, переплетения, катушки) и готические узоры (сводчатые стрелки, окна, растительные элементы типа листвы и цветов). Мебель изготавливалась из дуба, каштана, ореха, деревьев фруктовых пород.

[40] Нью Эйдж (англ. New Age, буквально «новая эра»), религии «нового века» — общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера. Эти движения зародились и сформировались в своих основных чертах в XX веке, но продолжают активно действовать и по сей день. Некоторые исследователи рассматривают группы движения Нью Эйдж как разновидность деструктивных культов и обвиняют их в использовании манипулятивных техник убеждения. Так, общество Аум Синрикё в Японии, пропагандирующее смесь индуизма с тантрическим буддизмом, христианством и научной фантастикой, оказалось замешано в террористической деятельности.

[41] Точно, с самого рождения (*итал.*)

[42] Yagl? gures — традиционная турецкая "масляная борьба". Перед началом турнира борцы надевают кожаные штаны и обильно поливают друг друга маслом. Трёхдневные состязания пехлеванов (так называются борцы) являются главным событием народного фестиваля, который продолжается в Эдирне несколько дней.

[43] Сыр веле производят два десятка фермеров на вулканических плато Веле в Оверни. Эти ракообразные создают особую «корявую» корочку. Сами овернцы говорят: "В Оверни нет нефти, зато... у нас есть сыр!"

[44] Лючия ди Ламмермур — героиня одноименной оперы Гаэтано Доницетти по мотивам романа Вальтера Скотта «Ламмермурская невеста». По сюжету Лючия впадает в безумие и закалывает своего мужа.

[45] Однодневки — народное название насекомых-поденок, чаще бабочек.